

ISSN 2308-2062

Научно-информационный журнал
**КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ**

№4 (ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ) 2024

Научно-информационный журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№4 (ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ)

Издаётся с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

- Марков А.В., Штайн О.А.** Иллюстрации А.А. Пластова
к роману А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: изображение как интерпретация понятия русская классика4
- Смулов А.М.** Особенности архитектуры Иосифо-Волоцкого монастыря как просветительского центра.....13
- Севостьянов Д.А.** Реализм в искусстве: анализ явления19

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Пахомчик С.А., Путрик Ю.С.** Этнокультурное разнообразие Тюменской области как фактор развития туризма и укрепления культурного суверенитета25
- Горенкин В.А., Гаспарян Л.С., Резник О.В.** Крым в цивилизационной парадигме России.....31
- Васильев Г.Е.** Современные трансгуманистические глобальные тенденции в свете культурно-исторической концепции А.С. Хомякова об иранстве и кушитстве38
- Рыбак К.Е., Избачков Ю.С.** Междупартийный Красный Крест в общественной жизни и правоприменительной практике предреволюционной России (часть 2).47

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Гаевская Н.З.** Иконография блаженной Пелагии Дивеевской как визуальный источник сведений о культурном феномене юродства.....57
- Халина Н.В., Пивкина Н.Н., Деминова М.А.** Русская культура слова XIX века: лингвистическая практика архимандрита Макария67
- Закатов А.Н., Романова Д.Я.** Благотворение как фамильная ценность Российского Императорского Дома Романовых.....74
- Козлов М.Н., Бойцова Е.Е.** К вопросу о языческих верованиях и культах финно-угорского племени меря.....83

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Юренева Т.Ю.** Музеи Русской православной церкви: принципы и формы комплектования собраний91
- Ягофарова Н.О.** История усадьбы Строгановых в Вошьово как уникального памятника культурного наследия российской провинции99

Бычкова О.И. Нормативно-правовое регулирование государственной музейной политики постсоветского периода: проблемы и перспективы	104
Шинтяпина И.В. Региональное культурно-историческое наследие «Музея кобзарства Крыма и Кубани» (к 40-летию со дня основания)	110
Парамонова М.Ю. «Традиция, память, обычай». Рецензия на сборник статей «Flores historiarum: сборник в честь Марины Владимировны Винокуровой»	116

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. К. Кучмаева — доктор философских наук, профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, кандидат культурологии, доцент, руководитель отдела аспирантуры Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л.Н. Михеева**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин РГСАИ, Заслуженный работник культуры Российской Федерации;

Художественный редактор — **Ю.А. Бревнова**, кандидат культурологии, доцент, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А.С. Калашников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер-верстальщик — **О. В. Богданова**, член Союза профессиональных художников России;

Б. Б. Акимов — профессор, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при Московском государственном академическом театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — доктор культурологии, профессор ИБДА РАНХиГС, эксперт института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС;

Л. Н. Дорогова — доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы России;

А. Б. Ефимов — доктор физико-математических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования России, заведующий кафедрой миссиологии Богословского факультета Православного Свято-Тихвинского гуманитарного университета;

В. Н. Катасонов — доктор философских наук, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — доктор социологических наук, SAM Schneider ElectricV1;

О.В. Кучмаева — доктор экономических наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Г. У. Лукина — доктор искусствоведения, кандидат философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания;

Е. А. Минаев — доктор искусствоведения;

А. В. О कोरोков — доктор исторических наук, Заместитель директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Путрик — доктор исторических наук, кандидат географических наук, руководитель Центра социокультурных и туристских программ Института Наследия;

Ю. В. Рубцов — доктор исторических наук, профессор Военного университета Министерства обороны Российской Федерации;

В. И. Уральская — кандидат философских наук, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, главный редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — доктор педагогических наук, заведующий кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Ю. М. Чурко — доктор искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь);

А. В. Рачинский — доктор истории, Институт Восточных языков и цивилизаций, Сорбонна, Париж.

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

RAR
УДК 7.01
ББК 85.1
DOI 10.34685/ИИ.2024.47.4.001

ИЛЛЮСТРАЦИИ А. А. ПЛАСТОВА К РОМАНУ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»: ИЗОБРАЖЕНИЕ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ РУССКАЯ КЛАССИКА

Марков Александр Викторович,
доктор филологических наук, доцент,
профессор Кафедры кино и современного искусства,
ФГАОУ ВО Российский государственный гуманитарный университет,
125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6,
markovius@gmail.com

Штайн Оксана Александровна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент Кафедры социальной философии,
ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620075, Екатеринбург, Проспект Ленина, д. 51,
shtaynshtayn@gmail.com

Аннотация

Аркадий Пластов в незавершённом цикле иллюстраций к роману А.С. Пушкина «Капитанская дочка» создаёт особый образ событий: Емельяна Пугачёва, предводителя крестьянского восстания, он изображает господствующим над площадью и вообще публичной жизнью, а Гринёву и Савельичу придаёт отдельные черты святых юродивых. При этом на зрителя смотрит Пугачёв, зритель приглашён к дружбе со стихией бунта. Мы доказываем, что эти иллюстрации представляют собой интерпретацию романа: художник показывает, как Пушкин шёл от романа в духе Вальтера Скотта одновременно

к реализму и новому классицизму и созданию канона русской классической литературы. Гринёв и Швабрин приобретают черты типажей классицистской культуры, соответственно, резонёра и либертена. Сравнение с другими иллюстрациями показывает, что две необходимости, изображение эмоций героев и изображение больших исторических событий, не могут быть согласованы в одной иллюстрации. Возникают разрывы, помогающие читателю лучше понять специфику реализма Пушкина, служа основным комментарием, специфицируя общий реализм романа, а не эмоциональное содержание сцен.

Ключевые слова

Аркадий Пластов, книжная иллюстрация, Пушкин, реализм, классицизм, русская классическая литература, публичное пространство.

Роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836) — богатый материал для книжной иллюстрации. Столкновение не просто различных типажей, но и различных миров, разных поколений, разных сословий и социальных групп, позволяет внутри книжной иллюстрации создавать масштабные композиции. Но масштабные композиции содержат проблему: не только ограничения листа, но и ограничения самой идеи площади, открытого пространства. В конечном счёте, проблемой иллюстрирования романа А.С. Пушкина и оказывается необходимость перевода на язык других искусств особой его сценографии: действие происходит при свидетелях, имеет смысл некоторого общественного события и поэтому как бы вынесено вперёд. В отличие от привычного устройства романа, где есть сцена (публичные поступки) и кулисы (тайные отношения), у Пушкина кулис нет, большая часть действия вынесена на площадь и радикально опубличена. Как показала Т.В. Зверева, при переводе романа на язык кукольной анимации эта публичность ещё больше радикализуется: площадь Белогорской крепости оказывается и местом балагана, и местом суда, суд Пугачёва и суд над Пугачёвым сближаются¹. Приёмы кукольного освоения пространства есть и в иллюстрировании романа Пушкина: так, Н. Фаворский создавал пространственные композиции из вырезанных фигурок, как бы раёк или народный театр, в ходе работы над иллюстрациями к роману Пушкина, чтобы вместить большие сцены в небольшой объём

иллюстраций². Выдающийся советский художник Аркадий Александрович Пластов (1893–1972) часто обращался к теме праздника на площади и к иллюстрированию русской классики. Как заметила Т.Ю. Пластова, в своих композициях на праздничные темы он добивался избыточности эстетического впечатления: «вихрь карусели, почти слышимые раскаты весёлого грома находящей грозы погружают зрителя в атмосферу всеобщего ликования»³. Пластова характеризует творческий метод — «многовариантность композиционных решений пластической темы»⁴ — иначе говоря, многофигурная композиция создаёт впечатление подвижности и действия отдельных аффектов, например, испуга или очарования, которые охватывают не всех персонажей, но только часть. При этом Т.Ю. Пластова на основании эго-документов показывает, что Аркадий Александрович вовсе не разделял эти аффекты, но сохранял критическую дистанцию по отношению к происходящему. Так, его знаменитый «Колхозный праздник» (1937), который на первый взгляд всецело принадлежит социалистическому реализму, самим художником характеризовался как экспликация пушкинской цитаты «народ безмолвствует»⁵: в ликовании празд-

1 Зверева Т.В. Площадь и балаган: размышления над «Капитанской дочкой» Екатерины Михайловны // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. – 2019. – № 5. – С. 123–132

2 Гончарова В.В. К вопросу об использовании природы в искусстве иллюстрации // Вестник Московского государственного университета печати. – 2016. – № 2 – С. 199

3 Пластова Т.Ю. Цикл иллюстраций А.А. Пластова к поэме Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» в контексте творчества художника 1940-х годов // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. – 2015. – № 3. – С. 316

4 Там же, С. 318.

5 Пластова Т.Ю. История глазами художника // Родина. – 2014. – № 1. – С. 128.

ника урожая есть и ужас, и определённая позиция художника, удивляющегося некоторой наивности и податливости изображаемой им толпы. Поэтому ему не требовались куклы и объёмные модели при работе над иллюстрациями к роману Пушкина, достаточно было соединение праздничной атмосферы со странными жестами отдельных героев.

Иллюстрации А.А. Пластова к роману А.С. Пушкина, над которыми он работал с 1948 года, недавно были опубликованы полностью, включая наброски к неосуществлённым иллюстрациям⁶. Открывает книгу репродукция картины 1949 года «Пушкин в Болдине» (илл. 1): поэт изображён обзеревающим окрестности на коне.

Илл. 1. «Пушкин в Болдине».

Хотя эта иллюстрация тематически не связана с романом, она открывает творческий метод художника: для него существенно свободолобие Пушкина, а народная жизнь должна развернуться на всех планах, тогда как Пушкин оказывается свидетелем этой открытой, происходящей на глазах у всех жизни. Открытость осеннего пейзажа, любимого времени года поэта, оказывается и метафорой личного свободолобия Пушкина, и метафорой устройства общего пространства,

деревенской площади, околицы или поля. Для понимания отношения Пушкина и Пластова к явлению Емельяна Пугачёва, сначала определим ряд основных понятий.

Деревенская площадь, городская площадь или агора являлись не только общим пространством, но пространством социально-публичным, следовательно, по своей природе политическим. Вспомним сопоставление Ханной Арендт частного/публичного пространства: все, что в частной зоне, — голос *ин-тимный*, все, что в зоне публичного — голос *экс-тимный* или политический от слова полис⁷. В греческой общественной жизни политический голос — голос публичного пространства, а судебные мероприятия носили открытый демократический характер с открытым голосованием. Вспомним Апологию Сократа. По мысли Ханной Арендт, самое большое зло в мире вершится исполнителями, которые никогда не раскаются в преступлении, поэтому Сократ был опасен для полиса. Если под давлением общественного мнения выносятся приговор, то это пример снятия исторической ответственности.

Представления с Петрушкой на Руси происходили на сцене балаганчика, переносимого кукловодом. Балаган, как маленькая кукольная сцена, предполагает сценографию, режиссёра, кукол и зрителя, коим чаще всего оказывался народ, а не аристократическая публика. Балаган карнавальная природа, поэтому представляет собой символическую перверсию власти. Карнавалы или «дурацкие праздники», изначально являли собой пародийные службы, позже из области религиозно-сакрального перешли в область властно-административных структур. Например, с 1883 года в Ницце карнавальное шествие возглавлял свой «король» — гигантская фигура по имени Трибул, тёзка придворного шута Франсиска I. Кукольные театры с комическими персонажами: английский Панч, русский Петрушка, турецкий Бебе Рухи, Пульчинелло из комедии дель арте, доступно представляли самые болезненные темы. Площадь — место суда, место казни и место театральных представлений.

Пространство определяется М. Хайдеггером как «однородная, ни в одной из мыслимых точек ничем не выделяющаяся, но всем направлениям

6 Пушкин А. С. Капитанская дочка. М.: Издательство Столяровых, 2023. 128 с.

7 Штайн О. А. Женщины-философы. Мыслительницы, изменившие мир. М.: АСТ, 2024. С. 180.

равноценная, чувственно не воспринимаемая разъятость»⁸. Разъятость как характеристика предполагает расчленение, возможно, насильное, в этом присутствует элемент боли и установления власти (вспомним казнь стрельцов на Красной площади или гильотины, установленные на площадях). Пространство провоцирует человека на завоевания и покорения: «Но чем-то великим и трудноуловимым кажется топос — то есть место-пространство»⁹, — упоминает Аристотеля Хайдеггер в рассуждениях о пространстве. Этимологически слово «пространство» содержит в себе слово «простор», то есть открытая среда обитания. Пространство предполагает «высвобождение мест, вмещающих явления Бога, мест, покинутых Богами, мест, в которых Божество долго медлит с появлением»¹⁰. *В пространстве происходит осуществление мест.*

Пугачёв на площади являл собой власть, режиссёра и в какой-то степени, шута, поскольку позже был обезличен и обезглавлен легальной властью. Площадное пространство подразумевает не только бинарность публичного/приватного, но и легального/маргинального. Скоморохи, шуты и даже куклы в руках кукловода предстают для современников и потомков альтернативными по отношению к официальной истории, описанной летописцами, фиксирующими событийный порядок, в дальнейшем вытесненный или, наоборот, официально признанный идеологами. Инаковость является условием, которое «задаёт дистанцию и границы социально-ролевых исполнений, являющихся единицами единого социального порядка».¹¹ Через шута историческая действительность оказывается вывернутой, обращённой не только к событиям как последовательности прецедентов, но и к возможному их развитию. Она взывает к рефлексии, к активному мыслительному процессу. Скоморохи, шуты и кукловоды выворачивают историческую память, как выворачивают в ходе обрядов наизнанку тулупы ряженых. Индивидуальная или коллективная память в таком случае оказывается не просто пассивным воспоминанием или при-поминанием,

а активным средством преобразования действительности. Провокативное поведение «вечных актёров» создаёт образ с намеренно подчеркнутым несоответствием общественным нормам, что и является революционной точкой исторического обновления. Пугачёв — герой, революционер, повстанец, с одной стороны, преступник, шут, с другой стороны.

Пластов ещё в 1920-е годы задумал огромную станковую картину «Суд Пугачёва»: этот замысел не был реализован, но была создана иллюстрация (Илл. 2)

Илл. 2. «Суд Пугачёва».

Мы видим Пугачёва на крыльце, вершащего суд в окружении казацких старшин, стоящего на коленях спиной Гринёва и Савельича, обнявшего Гринёва за плечо. На переднем плане — башкирец на лошади: Пушкин упоминает, что башкирцы разогнали толпу перед судом. То есть изображается публичное пространство суда, специализированное, где уже нет толпы, а есть только процедура суда. Площадь становится местом суда и казни именно благодаря такому разгону, а не самим действиям Пугачёва. В тексте

8 Хайдеггер М. *Время и бытие*. М.: Республика, 1993. С. 313.

9 Там же. С. 312.

10 Там же. С. 314.

11 Штайн О.А. *Маска как форма идентичности*. СПб: РХГА, 2012. С.147.

Пушкина Савельич не держит Гринёва за плечо, а толкает в спину, чувствуя ответственность за дворянина и не допуская покровительственного жеста. Но на иллюстрации Пластова Гринёв и Савельич приобретают черты юродивых: Гринёв, чувствуя поддержку Савельича, как будто готов уличить Пугачёва как самозванца, как в конце концов он и делает в разговоре наедине. Тем самым, иллюстрация показывает одновременно торжество Пугачёва как единственной инстанции суда, но и достоинство стоящего на коленях Гринёва — он стоит потому, что оказался под сложным покровительством, и может поэтому потом уличать всех. Он не в экзистенциальной ситуации возможной расправы, но в ситуации скрытой публичной тяжбы.

Сначала кажется, что эта иллюстрация вполне относится к универсальным моделям справедливого суда, таким как гегелевская. Гегель в «Философии права» писал, что как раз любой суд как продолжающий следствие может быть уличён подсудимым: «Полицейский чиновник устанавливает слежку за подозреваемым, прибегая часто к хитрости, принося жертвы, поэтому он заинтересован в том, чтобы его усилия были оправданны, чтобы его предположение было подтверждено, и тем самым по самому характеру его деятельности его интерес находится в противоречии с субъективностью обвиняемого; поэтому интересы полиции следует отделять от интересов судопроизводства. Эта точка зрения, устанавливающая, что судья должен, с одной стороны, быть беспристрастен, с другой — вынужден выступать против субъекта, важна, она полагает судью в противоречие, и осуждённый склонен поэтому считать судью, вынесшего приговор не в его пользу, не беспристрастным, ведь он видит, что судья настроен против него, а судья должен быть в отношении субъективной стороны беспристрастен»¹². Поэтому Гегель настаивает на том, что только суд истории может быть избавлен от этого уличения: «Единственный абсолютный судья, который всегда выступает, и выступает против особенного, есть в себе и для себя сущий дух, выступающий во всемирной истории как все-общее и как действующий род»¹³.

Но всё не так просто. Как помнят все читатели романа, капитанша Василиса Егоровна, узнав о драке капрала Прохорова с дворовой девкой Устиньей в бане, требует от старого поручика Ивана Игнатьевича разобраться, кто прав, кто виноват, и наказать обоих. Офицер, пусть и поручик, должен вершить суд над простыми людьми, и как будто получается, что их вина — только в том, что они подлежат наказанию за любой проступок. В русской культуре этот эпизод оказался на пике споров о праве: Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» одобрял такой обоюдоострый приговор — исходя из того, что обе стороны работают на эскалацию конфликта, а значит, виновны обе. Белинский в «Письме» возмущался и Гоголем, и вымышленной капитаншей как «глупой бабой»¹⁴ — для него этот принцип глуп не столько потому, что не может каждому подыскать статью, сколько потому, что если все виноваты, то никто не виноват, а значит, виноватый может откупиться.

Белинский опирается на диалектику Гегеля, согласно которому виновность есть факт сознания, но если она становится действенным фактом сознания, определяющим содержание любого сознания, то само сознание в его целостности может восстановить только невиновность. Только невиновность скажет, что несмотря на весь ужас содержания сознания, сознание функционирует как нечто целостное. Но для Белинского это явление Суверена, объявляющего невиновность структуры сознания, есть одновременно явление действительной российской власти — и моральное возмущение у него вызывает уход от ответственности. Этот уход от ответственности для Белинского и провоцирует бунты, как проявление безудержного насилия.

Пугачёв казнил и капитана Ивана Кузьмича, и поручика Ивана Игнатьева. Что до Мироновых, то ни разу до конца жизни они не следовали своему принципу. Так, за дуэль был наказан только Швабрин, но не Гринёв — напротив, Гринёв удостоился лечения после тяжёлой раны. Тогда как воздаяние двоим несколько раз давали другие старики. Это Белобородов (исторически командир Екатеринбургскими заводскими рабочими), предложивший во «дворце» Пугачёва казнить

12 Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 450.

13 Там же. С. 285.

14 Белинский В. Г. Письмо Н. В. Гоголю 15 июля 1847 г. // Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. — М.: ГИХЛ, 1953. — С. 244.

двоих: и Швабрина за превышение полномочий, и Гринёва за шпионаж. И это Швабрин, который постарел и зарос бородой, и который после ареста предлагает казнить вместе с ним и Гринёва как сообщника Пугачёва. При этом аргумент Белобородова — повторное явление, предательство, а аргумент Швабрина — регулярные встречи с Пугачёвым, то есть уже не предательство, как у самого Швабрина, а сотрудничество. Иначе говоря, оба старика приписывают большую вину тому, кого они требуют казнить заодно, но при этом настаивают на одинаковой казни. Это противоречит принципу поучительности наказания, и для Гегеля это был бы уличающий бунт. Угнетённый оправдывает происходящее, но как только он начинает бунтовать, он требует для всех одинакового осуждения, как уличённых в угнетении, без разбора действительной вины.

Здесь нужно понимать, что Швабрин всякий раз оказывается оправданным, и казнь для него заменяется ссылкой, хотя генерал в Оренбурге и грозил ему расстрелом — внесудебной расправой. Швабрин — либертен XVIII в., типаж, который во времена Пушкина превратился в романтического злодея, но также отчасти байронического героя¹⁵. Прототип его Шванвич был у Пугачёва переводчиком, писал документы на разных языках, создавая впечатление международного масштаба действия авантюриста — вполне задача либертена, показать, что он создаёт универсальное вольнодумство, преодолевающее границы языков. Для либертена допустимы пытки в духе де Сада, как он и пытал Машу хлебом и водой, и также либертен — это человек, который может всегда сбежать, и рано или поздно сбежит из-под стражи. Просто потому что отсутствует субъект, намеренно преследующий либертена, и как только круговая порука охранять его ослабевает, либертен реализует свою субъектность как освобождение из тюрьмы. И как либертен, Швабрин риторически действует, получив Машу во власть, говорит, что он риторическим притворством, не выдав, что она дочь капитана, а не попадьи, её и спас (хотя он просто молчал, то есть он и молчание делает лукаво-риториче-

ским). Это и есть *риторика либертена* — много молчать, а говорить очень пространно, объясняя свои заслуги, что вот, все остальные комбинации были бы хуже той, которая привела к его торжеству и его правоте. Так устроены и мемуары Казановы, и любые высказывания либертена, включая де Сада — доказывать свою правоту тем, что ты оказался в правильной комбинации решений.

Замечательно, что сцену освобождения Маши Аркадий Пластов изобразил необычно (Илл. 3).

Илл. 3. Сцена освобождения Маши.

В тексте Пушкина явно видна её апатия по отношению к Пугачёву: «Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню». То есть Пугачёв её не испугал, тогда как Гринёв казался не просто личным избавителем, а тем, кто не боится Пугачёва, то есть некоторым явлением свыше. На иллюстрации она смотрит на Пугачёва, ведёт с ним диалог, а Гринёв стоит как какой-то естествоиспытатель и наблюдатель. Но Гринёв никогда не равнодушен в романе, Гринёв остаётся влюблённым до конца, например, в том, как он убеждён, что его родители сразу полюбили Машу Миронову, при этом сразу при-

15 Малкина В. Я. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «готическая» традиция (образ Швабрина) // Болдинские чтения, Большое Болдино, 12–14 сентября 2000 года. Большое Болдино: Музей-заповедник А. С. Пушкина, 2001. С. 59–66.

нимая и позицию летописца и архивариуса, говоря, в последней главе об исторической ценности свидетельств придворного истопника — то есть показывая себя профессиональным хранителем памяти о своей же любви после возвращения из заключения.

На иллюстрациях Пластова Гринёв никогда не смотрит на зрителя, именно Пугачёв обладает яркостью облика и ярким зрением. Гринёв всегда смотрит в сторону, ищет подсказку, ему нужен Савельич как советник. У Пластова он напоминает школьника. Но и вообще в иллюстративной традиции никогда не изображается действие, где Гринёв проявляет себя как герой, даже неудачливый: ни штурм крепости и её взятие, ни его бравада очистить самому Белогорскую крепость, ни его выезды. Гринёв не изображается в момент смертельного риска. Он оказывается не вполне сформировавшимся героем.

Как иллюстрации возвращают Швабрина в его начальную интерпретационную рамку, либертена, так и Гринёва они возвращают тоже в рамку старой литературы, резонёра. Резонёр не движет действие, но заставляет каждого самому уличить себя, самому признать свою неправоту или ограниченность, рано или поздно. Гринёв в ключевом разговоре с Пугачёвым и заставляет последнего сравнить себя с Гришкой Отрепьевым — то есть он резонёр классицизма, заставляющий каждого признать свои границы. Изначально Швабрин должен был быть кем-то вроде Дубровского, мстителем за отца, но постепенно он был вписан в классицизм века минувшего¹⁶. Но в классицизм вписан и Гринёв, и он вполне сопоставим с Чацким, влюблённым резонёром, или историческим Чаадаевым как наследником резонёрства. Так и Пластов изображает Швабрина как либертена, эмоционального и мрачного, пытающегося смотреть как Пугачёв на зрителя, быть законодателем вседозволенности, и изображает Гринёва как уличающего всех резонёра, всегда смотрящего косым взглядом, не на зрителя, а не на героев и сцену.

Ограниченность героев, резонёра и либертена, проявляется в истории с донесением о дуэли Гринёву-старшему. Савельич убедительно пока-

зывает, что доносчиком был не он, и читателю ясно, что капитан известил начальство в Оренбурге, и по старой дружбе Андрей Карлович сразу всё сообщил отцу. То есть капитан реализовал принцип обоим наказать, отрапортовав о вине обоим. Но при этом он реализовал его вынужденно, по уставу, а резонёр Гринёв, для которого наказание должно соответствовать преступлению, как и любая санкция должна соответствовать характеру, не может представить, чтобы капитан Миронов так поступил. Это разрушает рациональность его мира, в котором капитан такой же дворянин, как и он, и не будет доносить. Поэтому он подозревает во всём Швабрина, хотя Швабрину донос был невыгоден и по закону, и по правилам чести — дрались они бесчестно, без секундантов, это была резня, а не дуэль по правилам. Да и физически, будучи взаперти, он донести бы не мог.

Тогда становится понятно, почему Гоголь одобрил капитаншу: он сам, и Белинский на это в письме намекает, пережил утечку своего письма С.С. Уварову, где писатель заверял министра в своей лояльности. В таком случае признать правоту капитанши — это признать, что такие утечки можно обратить на пользу делу, — тогда как Гринёв считает этот донос однозначным злом. Гринёву хочется наказать именно Швабрина; представить, что в доносительстве он обвинит и Швабрина, и капитана, он не может. Тогда как для Гоголя-сатирика однозначно доносителями могут стать все, как герои «Ревизора», при этом резонёром является только сам смех автора и зрителя.

Как раз иллюстрации Пластова возвращают героев к этим их архетипическим обликам *либертена* и *резонёра*. Мы, исходя из этого, можем разобрать, что именно Швабрин шепнул Пугачёву, что Пугачёв велел казнить Гринёва, но потом Савельич его разубедил, просто предложив себя в жертву. Конечно, Пугачёв потом признаётся, что действительно узнал дарителя тулупчика благодаря Савельичу. Но почему он, обладая цепкой памятью, не узнал Гринёва? Или он его узнал? Пластов, изображая покровительственный жест Савельича, как раз передаёт этот смысл представления, узнавания и уличения — тем самым иллюстрация выступает как лучший комментарий.

Иллюстрация суда Пугачёва показывает, что Пугачёв примерно узнал Гринёва, но подозревал

16 Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» и повестью Капитанская дочка // Оксман Ю.Г. От «Капитанской дочки» А.С. Пушкина к «Запискам охотника» И.С. Тургенева. Саратов: Саратовское книжное издательство, 1959. С. 5–133. С. 14–15

в нём сына капитана Миронова. Швабрин именно это и шепнул, вероятно, не желая казни мальчика, потому что как раз для Швабрина сын за отца не отвечает, каждый может быть принят на службу. Швабрин — либертен, для которого заслуги или позор прежних поколений ничего не значат. Тем самым он не столько выдавал Гринёва, сколько предавал его на волю Пугачёва, как и себя предал на волю Пугачёва, для него быть с Пугачёвым — это не предательство, а род бегства, как европейские либертены бежали из тюрьмы в другую страну к другому двору. Для Пугачёва сообщение — это как раз повод казнить Гринёва, потому что лучше всего истребить весь дворянский род, среди дворян могут быть те, кто покажут, что этот неграмотный казак не может быть Петром III. Савельич обесценивает и ту, и другую мысль и заставляет Пугачёва убедиться — да, это те люди, которых он видел как вожатый.

Такая реконструкция событий, которую подсказывают иллюстрации Пластова, позволяет понять и некоторые другие тёмные моменты повести. Так, Пугачёв и дальше прощает враньё Швабрина, например, что Маша — его жена, именно потому, что простил первое его враньё, которое показалось ему просто способом отречься от дворянства и перейти в число казаков, людей, мстящих всему роду дворянскому. Что для Гринёва враньё, для Швабрина — самореализация либертена, а для Пугачёва — посвящение в казаки. Так каждый прочитывает ситуацию по-своему, и эти три угла прочтения и создают равновесие действия. Иначе нельзя объяснить, почему Пугачёв так легко помиловал Швабрина, нанёсшего оскорбление Гринёву. Таким образом, художники, изображая Гринёва не героическим подростком, а не героем чести, а Швабрина — погружённым в размышления меланхоликом, больше напоминающим Казанову или Калиостро, чем бывшего гвардейца, который должен быть при упомянутом в романе невысоком росте отменного телосложения, очень мускулистым и тренированным (благодаря чему он так легко и победил Гринёва на дуэли), понимают общее движение Пушкина от романа в духе Вальтера Скотта к созданию вечных образов, обновлённому классицизму, которому и должно стать классикой. После Пушкина этот опыт никто повторить не смог, даже комментаторы.

Типажи резонёра и либертена — это не жанровые типажи, а типажи самой жизни, как бы

предельные грани классицистского образа жизни. Пушкин вводит эти типажи как способы жизни, тем самым и совершая тот стремительный прорыв к реализму, который не перестанет восхищать интерпретаторов и впредь.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Письмо Н.В. Гоголю 15 июля 1847 г. // Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. — М.: ГИХЛ, 1953. — С. 243–252.
2. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Гончарова В. В. К вопросу об использовании натуры в искусстве иллюстрации // Вестник Московского государственного университета печати. — 2016. — №. 2 — С. 198–200.
4. Зверева Т. В. Площадь и балаган: размышления над «Капитанской дочкой» Екатерины Михайловой // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. — 2019. — № 5. — С. 123–132.
5. Малкина В. Я. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «готическая» традиция (образ Швабрина) // Болдинские чтения, Большое Болдино, 12–14 сентября 2000 г. Большое Болдино: Музей-заповедник А.С. Пушкина, 2001. С. 59–66.
6. Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» и повестью Капитанская дочка // Оксман Ю.Г. От «Капитанской дочки» А.С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов: Саратовское книжное издательство, 1959. С. 5–133. С. 14–15.
7. Пластова Т.Ю. Цикл иллюстраций А.А. Пластова к поэме Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» в контексте творчества художника 1940-х годов // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. — 2015. — № 3. — С. 315–324.
8. Пластова Т.Ю. История глазами художника // Родина. 2014. — № 1. — С. 126–129.
9. Пушкин А.С. Капитанская дочка. С иллюстрациями А. Пластова. М.: Издательство Столяровых, 2023. 128 с.
10. Штайн О.А. Маска как форма идентичности. СПб: РХГА, 2012. 152 с.
11. Штайн О.А. Женщины-философы. Мыслительницы, изменившие мир. М.: АСТ, 2024. 256 с.
12. Хайдеггер М. *Время и бытие*. М.: Республика, 1993. 447 с.

A. A. PLASTOV'S ILLUSTRATIONS
TO A. S. PUSHKIN'S NOVEL
“THE CAPTAIN'S DAUGHTER”:
REPRESENTATION AS AN INTERPRETATION
OF THE CONCEPT OF RUSSIAN CLASSICS

Markov Alexander Viktorovich,

Dr. Sc. (Dr. Hab.) in Literature,
Full Professor, Chair of Cinema and Contemporary Art
Russian State University for the Humanities
125047, GSP-3, Miuskaya square, 6, Moscow, Russia
markovius@gmail.com

Shtayn Oksana Aleksandrovna,

Candidate of philosophical sciences (PhD)
Associate Professor, Chair of Social Philosophy
Ural Federal University
620075, Lenin Ave., 51, Ekaterinburg, Russia
shtaynshtayn@gmail.com

Abstract

Arkady Plastov (1892-1973) in his unfinished cycle of illustrations for Pushkin's novel «The Captain's Daughter» (1836) represents the events in eccentric mood: he depicts Emelyan Pugachev, the leader of the peasant uprising, dominating the square and public life in general, while Grinev and Savelich are given separate features of holy fools. At the same time Pugachev looks at the viewer; the viewer is invited to befriend the element of rebellion. We prove that these illustrations represent an interpretation of the novel: the artist shows how Pushkin went from a novel in the vein of Walter Scott simultaneously to realism and new classicism and the formation of the canon of Russian classical literature. Grinev and Shvabrin acquire the traits of the types of classicist culture, respectively, the *raisonneur* and the *libertine*. Comparison with other illustrations shows that the two imperatives, the depiction of the emotions of the characters and the depiction of great historical events, cannot be harmonized in one illustration. Discontinuities arise, helping the reader to better understand the specificity of Pushkin's realism by serving as a basic commentary, specifying the overall realism of the novel rather than the emotional content of the scenes..

Keywords

Arkady Plastov, book illustration, Pushkin, realism, classicism, Russian classical literature, public space.

RAR

УДК 930.85

ББК 85.1

DOI 10.34685/NI.2024.47.4.002

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ИОСИФО-ВОЛОЦКОГО МОНАСТЫРЯ КАК ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА

Смулов Алексей Михайлович,

доктор экономических наук, профессор, магистр теологии,
профессор кафедры миссиологии,

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Лихов пер., д. 6, стр. 1, г. Москва, Россия, 127051,

jeger@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей архитектуры монастыря (храмов, алтаря, росписей и икон, колокольни) для духовного просвещения и воцерковления верующего народа. Показана роль храма, как «проповедника стоящего на месте», колокольного звона, как невербального языка проповеди и др. В качестве примера избраны архитектурные строения Иосифо-Волоцкого монастыря.

Ключевые слова

Архитектура монастыря, символика храма, икона, Иосифо-Волоцкий монастырь, колокольня, проповедь, духовное просвещение, воцерковление.

Для понимания значения капитального храмового здания для Православия, уместно привести слова Патриарха Московского и всея России свт Тихона (Беллавина), которые он написал в 1900 г. в своём Отчёте о состоянии Алеутской епархии: «Постройка церквей..., кроме общего значения, присущего храмам, имеет ... особое значение для дела православия. В тех местах, где только временно нанимается помещение для совершения богослужений, а нет постоянного храма, прихожане, и особенно сторонние... склонны считать и самое дело православия временным... Напротив, в местности, где строится церковь, православие не только утверждается, но приобретает себе новых членов»¹. А вот слова, сказан-

ные уже в начале XXI в.: «Храм — проповедник, стоящий на месте»².

Для духовного просвещения имеет значение форма храма. Традиционно храмы возводятся в следующих формах, в плане в виде: 1). креста, 2). круга (ротонды), 3). восьмиконечной звезды, 4). корабля, 5). четырёхугольника, 6). смешенного типа, сочетающего две или даже три указанных выше формы. Каждая из перечисленных форм храмов несёт своё символическое значение³.

1 РГИА. Фонд 796, оп. 442, д. 1820, л.11.

2 <https://yandex.ru/turbo/s/foma.ru/pasxalnyj-zvon-molitva-v-bronze.html>, в оригинале – с. 69.

3 https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Nikolskij/posobie-k-izucheniyu-ustava-bogosluzhenija-pravoslavnoj-tserkvi/#source, в оригинале – с. 2.

Цвета храмов и их куполов тоже служат просвещению верующего человека⁴.

Православный храм имеет горнюю (верхнюю) и дольную (нижнюю) части. Под куполом, как правило, находится «небо» (мир небесный), в то время как четверик являет собой мир земной. Своды и стены расписываются в зависимости от посвящения храма тому или иному Библейскому событию, Пресвятой Богородице или святому угоднику Божию.

Храм может рассматриваться как «гора», связывающая землю с Небом. В конце XII в. архиепископ Новгородский Антоний так описывал купол храма Св. Софии в Константинополе (Царьграде): «особенным же предметом удивления и архитектурной непостижимости был купол храма, который, ... "казался не на твёрдом здании покоящимся, но на золотой цепи с неба повешенным"»⁵.

Храм показывает человеку, что есть иная реальность, есть Царствие Божие, в которое можно войти и причаститься жизни Бога (в первую очередь в Таинстве Евхаристии), соединить реальность земного мира и мира божественного. Именно Церковь и её храмы являют место преимущественного единения христиан с Богом, они становятся прообразом Царства Славы будущего века. Символика православного храма открывала и открывает человеку путь в «лоно Церкви», к богослужению и воцерковлению, к Богу.

Таинство Евхаристии являет собой переход от земли на небо — восхождение, вознесение, причастие Богу⁶, именно в этом Таинстве происходит переход от мира нынешнего в мир грядущий.

Остановимся на богословском и просветительском значении церковного иконостаса, который, как все храмовые изображения, концентрированно выполняет вероучительную роль. Иконостас устанавливает акцент на предстоящем Втором Пришествии Иисуса Христа⁷.

Основным цветом иконостаса часто выступает золотой. Этот цвет, как свидетельствует свт. Николай (Велимирович) Сербский, со ссылкой на мнения христианских богословов, символизирует Истину. Святитель пишет: «Золото не изменяется и не обманывает. Каково оно в короне царской. Таково и в земле, и в воде, и в огне — повсюду одинаково. Поэтому христианские богословы и прозорливцы всегда считали золото отображением истины; не самой истиной, но именно картиной истины, символом истины»⁸.

Иконостас в православном храме традиционно делится на пять уровней — ярусов. Первый ярус именуется «Местный ряд», второй — «Деисус», третий — «Праздничный». Четвёртый ярус иконостаса исторически носит название «пророческого чина». Пятый уровень носит название — «Праотеческий».

Самым верхом иконостаса становится изображение Креста с распятым на нём Спасителем в предстоянии Пресвятой Богородицы и апостола-евангелиста Иоанна Богослова. Голгофа — Голгофский Крест — есть высший символ человеческого Спасения и одновременно символ Церкви Торжествующей⁹.

За иконостасом находится алтарь, который символически обозначает Царствие Небесное. В алтаре на жертвеннике и престоле во время богослужения возжигаются свечи и лампы. Подсвечники — это церковный предмет, который образно являет для верующего человека «свет духовный»¹⁰. В книге «Скрижаль» разъясняется, что подсвечник (кандила) «знаменует Церковь, и милость, и просвещение», речь идёт здесь о Божественном просвещении человека как в смысле символика, так и в прямом духовном смысле¹¹.

Очень кратко затронем просветительскую роль икон, служащих духовному росту христиан, внимательно их изучающих. VII Вселенский собор (787 г.) подтвердил, что изображение на иконе полностью соответствует богословскому тексту: «что повествование выражает письмом, то же са-

4 <https://obitel-minsk.ru/chitat/den-za-dnyom/2021/cveta-kupolov-pravoslavnyx-xramov>

5 Савваитов П. Путешествие Новгородскаго архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. — СПб.: Типографии Императорской Академии Наук, 1872, с. 195-196.

6 Александр Шмеман, протопр. Церковь, мир, миссия: Мысли о православии на Западе: [Пер. с англ. Ю.С. Терентьева]. — М.: Изд-во ПСТБИ, 1996, с. 187,263.

7 <https://azbyka.ru/bogoslovie-ikony>, в оригинале — с. 42.

8 https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/simvol-y-signaly/, в оригинале — с. 30.

9 <https://azbyka.ru/bogoslovie-ikony>, в оригинале — с. 47.

10 <https://azbyka.ru/kandilo>

11 Скрижаль. Акты соборов 1654,1655,1656 годов. — СПб.: «Свое издательство», 2013.

мое живопись выражает красками»¹². Особо было подчеркнута, что текстовое описание не оказывает на человека столь сильного эмоционального влияния, как изображение живописное¹³.

Важный архитектурный элемент, служащий просвещению-воцерковлению верующего, — колокольня или звонница. Колокольня при храме являет собой не только символы Православия, но и несёт образный богословско-просветительский смысл, устремляющий сознание верующего человека к горнему: к Небу, к Богу.

Значение колокольни как символа трудов духовных было отмечено прп. Серафимом Саровским, который говорил: «учить других — это как с высокой колокольни бросать камни вниз, а самому исполнять — это как с мешком камней на спине подниматься на высокую колокольню»¹⁴.

После Спасительного подвига на Кресте и Воскресения Христос взошёл на Небо. Колокольня образно этот Путь, являет образ Вознесения Господнего.

Перекликается тема Вознесения Господня и с темой Его Преображения в будущей славе (Мф. 17:1–2, Лк. 9:32). Колокольня образно становится символом горы Фавор и фаворского света.

Как справедливо отмечает доктор культурологии Путятин И.Е., одним из важнейших символов колокола, проецирующимся на колокольню, следует признать извещение о грядущем конце мира¹⁵. Поэтому уже с XV в. на колокольнях устанавливались часы с курантами, напоминавшие о предстоящем конце бытия мира¹⁶.

Именно в связи с этим колокольни (звонницы) часто помещались на западной стороне самого храма или около него. Сторона эта посвящалась всеобщему воскресенью по завершении Суда Божиего и была связана с поминовением усопших. Эта сторона могла быть символом «райского сада» и «блаженства праведников»¹⁷.

Можно сравнить колокольню со свечой — жертвой христианина Господу Богу. Жертвенная свеча есть один из символов духовного единения верующего человека со Св. Церковью¹⁸. Колокольне Иосифо-Волоцкого монастыря особенно близок этот символ в силу специфики её архитектурного строения.

Являет колокольня и грозный воинский символ копья. Символ борьбы на истину, символ брани духовной, но и символ Спасения человека — копьё, пронзившее тело Богочеловека Иисуса Христа на Кресте (см. Ин. 19:34).

Важнейшее значение колокольный звон имел в русской православной истории. Всё было «охвачено» колокольным звоном, вся жизнь людей измерялась звонами: «какие-то городские события, кто-то умер, кто-то родился, венчание, встреча архиерея и каких-то гостей. Все эти события отмечались какими-то особенными колокольными звонами, ... все были в курсе этих событий, все жили в едином духе»¹⁹.

Обратимся к просветительскому значению «Чина благословения кампана сиесть колокола или звона»²⁰. В церковном чине указано на то, что благодаря колоколу (колокольному звону):

– люди возбуждаются и днём, и ночью к словословию Имени Божиего, к благодарственной молитве,

– верные защищаются от коварства и наветов невидимых сатанинских сил и других их козней, возбуждаются к доброделанию и исполнению заповедей Христовых, избавляются от скорбей (страха и лени, уныния и печали),

– мир освобождается от зла, которое могут принести гром и молнии, ветры и бури²¹.

Часто именно звон приводил людей в храм, а потом и к вере.

Колокол стал Памятником, как и несущая его колокольня: обетные и памятные (посвящённые историческим датам) колокола с каждым ударом напоминают не только верующим, но и всем людям о событиях христианской и всемирной истории.

12 https://azbyka.ru/otechnik/pravila/dejanija-vselenkikh-soborov-tom7/1_14#source, в оригинале – с. 218.

13 Бычков В.В. Феномен иконы: История. Богословие. Эстетика. Искусство. – М., Ладомир, 2009, с. 76.

14 Цит. по: <http://omolenko.com/zhitija/serafim.htm?p=3>

15 Путятин И.Е. Образ русского храма и эпоха Просвящения: Монография. – М.: Гнозис, 2009, с. 195.

16 Там же, с. 196.

17 Там же, с. 195.

18 http://azbyka.ru/dictionary/17/svecha_cerkovnaja-all.shtml

19 Аудиозапись интервью звонаря А. Дьячкова в Свято-Покровском храме г. Жиздра Калужской митрополии. Декабрь 2004 г.

20 <https://kolokola.com/archives/60>

21 Там же.

Колокольный звон обозначает наиболее значимые моменты богослужения: чтение Евангелистического канона (благовест в 12 ударов), «предвозвещение чтения Евангелия», пение «песни Богородицы» (благовест в 9-ть ударов)²². Из Устава церковного звона известно, что «колокольный звон уподобляется евангельской проповеди, колокол — проповеднику...»²³. Можно отметить, что звоны исторически формировались как невербальный, но универсальный язык проповеди.

В конце XIX — начале XX вв. ключевую роль в духовном просвещении богомольцев, паломников и прочих посетителей Иосифо-Волоцкого монастыря стал играть собор Успения Пресвятой Богородицы и стоящая несколько к западу от собора монастырская «свеча»-колокольня.

Первая колокольня монастыря и Богоявленская церковь были возведены к 1504 г.²⁴. Примерно в конце XVII в. была надстроена колокольня, к которой добавилось пять ярусов и гранёная золотая глава.

Игумен обители прп. Иосиф Волоцкий, языком архитектуры храма, открывает христианам тайну Боговоплощения, тайну благочестия, тайну духовного зрения непостижимого²⁵. Приведём здесь слова прп. Иосифа о значении храма: «...люди все через храм спасались и спасаются...»²⁶.

Несмотря на скудость доходов (в конце XIX — начале XX вв.), обитель весьма заботится о благолепии своих храмов и их благоустройстве. Так, например, в июле 1905 г. настоятель монастыря архим. Нифонт подаёт прошение на имя митр. Московского и Коломенского Владимира (Богоявленский) о ремонте и реставрации росписей храма в честь Успения Пресвятой Богородицы²⁷.

Среди храмовых икон, двумя, наиболее значимыми для воцерковляемого человека, следует признать: во-первых, список Владимирской иконы Божией Матери, вложенный в монастырь в 1572 г. опричником Малютой Скуратовым (Григорием Бельским) и, во-вторых, надгробная икона Преподобного. Вторая икона датируется 1572–1591 гг. и является самой древней иконой прп. Иосифа Волоцкого²⁸.

Рассмотрим духовно-просветительскую роль колокольни (звонницы), колоколов и колокольного звона на примере колокольни Иосифо-Волоцкой обители.

Об истории колокольни Иосифо-Волоцкого монастыря пишет иером. Нектарий²⁹, который отмечает, что церковь Богоматери Одигитрии «иже под колоколы» была устроена прп. Иосифом Волоцким в 1495 году. Архитектор-реставратор Кавельмахер В.В. датирует постройку храма 10-ми гг. XV в.³⁰. Часы, установленные на храме, были обращены в сторону Святых врат монастыря.

При перестройке 1671—72 гг. появился четвёртый ярус и шатёр, а после капитальной достройки 1692–94 гг. храм во имя Богоматери Одигитрии приобрёл явные и законченные колоколенные формы, став десятиярусным столпом. Вновь отстроенная колокольня, при отношении высоты (с крестом она составляла ок. 75 м) к размеру основания, как 10:1, не имела себе равных, была признанным шедевром инженерно-архитектурной мысли³¹.

К началу XX в. на колокольне Иосифо-Волоцкого монастыря находились 19-ть колоколов: 1). большой колокол в 500 пудов, 2). полиелейный колокол в 241 пуд, 3). вседневный колокол, весом несколько более 109 пудов, 4). колокол, весом несколько более 64 пудов, 5–10). шесть меньших колоколов разных весов, 11–19). девять зазвонных

22 <https://yandex.ru/turbo/s/foma.ru/pasxalnyj-zvon-molitva-v-bronze.html>, в оригинале – с. 66-67.

23 https://azbyka.ru/kliros/wp-content/uploads/2022/08/ustav_tserkovnogo_zvona.pdf; Путятин И.Е. Цит. соч., с. 195.

24 Торопов С., Щепетов К. Иосифо-Волоцкий монастырь. – М.: Изд. Академии Архитектуры СССР, 1946, с. 7.

25 Иосиф Волоцкий, прп. Просветитель. – М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993, Слово четвертое, с. 97.

26 Там же, Слово шестое, с. 152.

27 РГАДА. Фонд 1192, оп. 5, 1905, ед. хр. 389, л. 1-1об.

28 Георгиев Н. Перед этими иконами молился преподобный Иосиф Волоцкий. / Журнал Московской Патриархии, 2015, №11 (ноябрь), с. 72.

29 Нектарий, иером. Историческое описание Иосифова Волоколамского второклассного монастыря Московской губернии, составленное оно же монастыря иеромонахом Нектарием, в 1886 году. – М.: Тип. В.М. Фриш, 1887.

30 http://kawelmacher.ru/science_kavelmakher20.htm

31 <http://zvon.ru/article5.view4.page5.part1.html>

колоколов³². Новые часы с курантами были установлены на колокольне в 1902 г.³³.

Всё сказанное выше об образно-символическом значении и духовно-просветительской роли колокольни, колоколов и колокольного звона в полной мере относится к колокольне Иосифо-Волоцкого монастыря.

Выводы:

1. Храм и колокольня как «проповедники, стоящие на месте» не только служат духовному просвещению и воцерковлению верующего человека, но и доказывают незыблемость Православия, его непреходящее значение во всемирно-историческом процессе бытия.

2. Иконы являются живописным и наглядным, одновременно высоко эмоциональным средством воцерковления человека, особенно для людей (детей), не владеющих чтением и письмом.

3. Колокольные звоны представляют собой насыщенный и многогранный, невербальный, но универсальный язык проповеди, который позволяет обратиться к душе и сердцу любого человека «новым языком» (см. Мк. 16:17).

4. Особенности архитектуры строений Иосифо-Волоцкого монастыря в полной мере являются носителями православной богословской и церковной символики, ясно понимаемой и близкой как людям церковным (воцерковлённым), людям, устремлённым к церковной праведной жизни, так и находящимся в духовном поиске.

Список литературы

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями [Текст]: в синодальном переводе. — М.: Никея, 2016. Портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/biblia/?r> (дата доступа 05.05.2024).

2. Деяния Вселенских соборов изданные в русском переводе при казанской духовной академии. В 7 томах. Издание 3-е. — Казань: Центральная типография. / Том 7. 1909. Портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/dejanija-vselskikh-soborov-tom7/1_14#source (дата доступа 05.05.2024).

3. Жизнь и Путь — преподобный Серафим Саровский. Сайт: <http://omolenko.com/zhitiya/serafim.htm?p=3> (дата доступа 05.05.2024).

4. Кавельмахер В.В. К строительной истории колокольни Иосифо-Волоколамского монастыря. Сайт: «В.В. Кавельмахер». URL: http://kawelmacher.ru/science_kavelmakher20.htm (дата обращения 05.05.2024).

5. Кандило. Портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/kandilo> (дата доступа 05.05.2024).

6. Колокольня Иосифо-Волоцкого монастыря. Сайт: «Общество церковных звонарей — zvon.ru». URL: <http://zvon.ru/article5.view4.page5.part1.html> (дата доступа 27.12.2013).

7. Посашко В. Пасхальный звон: молитва в бронзе. / Журнал «Фома». Спецвыпуск «Москва Пасхальная». 10.05.2013 г. Сайт «Фома.ru». URL: <https://yandex.ru/turbo/s/foma.ru/pasxalnyj-zvon-molitva-v-bronze.html> (дата доступа 05.05.2024).

8. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви / [К. Никольский]. — [Репринт. изд.]. — М.: Моск. подворье Свято-Успен. Псково-Печер. монастыря, 1995. Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Nikolskij/posobie-k-izucheniyu-ustava-bogosluzhenija-pravoslavnoj-tserkvi/#source (дата доступа 05.05.2024).

9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 1192 «Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь, Волоколамский уезд Московской губернии».

10. Свеча церковная. / Портал: «Азбука веры». URL: http://azbyka.ru/dictionary/17/svecha_cerkovnaja-all.shtml (дата доступа 05.05.2024).

11. Святитель Николай (Велимирович), епископ. Символы и сигналы. Портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/simvoly-i-signalny/ (дата доступа 05.05.2024).

12. Устав церковного звона. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. [Электронный текст]. Портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/kliros/wp-content/uploads/2022/08/ustav_tserkovnogo_zvona.pdf (дата доступа 05.05.2024).

13. Цвета куполов православных храмов. Сайт: «Свято-Елисаветинский монастырь». URL: <https://obitel-minsk.ru/chitat/den-za-dnyom/2021/cveta-kupolov-pravoslavnykh-xramov> (дата доступа 05.05.2024).

14. Чин благословения кампана сиесть колокола или звона. Сайт «Колокола.com». URL: <https://kolokola.com/archives/60> (дата доступа 05.05.2024).

32 Геронтий (Кургановский), архим. Волоколамский Иосифов второклассный мужской монастырь и его современное состояние. — СПб.: Типография Штаба Отдельного Корпуса Пограничной Стражи, 1903, с. 41-42.

33 Там же, с. 42.

FEATURES OF THE ARCHITECTURE OF THE JOSEPH-VOLOTSKY MONASTERY AS AN EDUCATIONAL CENTER

Smulov Alexey Mikhailovich,

Doctor of Economics, Professor, Master of Theology,
Professor of the Department of Missiology,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Likhov lane, 6, p. 1, Moscow, Russia, 127051,
jeger@bk.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the features of the architecture of the monastery (temples, altar, paintings and icons, bell towers) for spiritual enlightenment and the church of the faithful people. The role of the temple as a "preacher standing still", bell ringing, as a non-verbal language of preaching, etc. is shown. The architectural structures of the Iosifo-Volotsky Monastery are chosen as an example.

Keywords

The architecture of the monastery, the symbolism of the temple, the icon, the Joseph-Volotsky monastery, the bell tower, preaching, spiritual enlightenment, church worship.

RAR
УДК 7.01
ББК 85
DOI 10.34685/ИИ.2024.47.4.003

РЕАЛИЗМ В ИСКУССТВЕ: АНАЛИЗ ЯВЛЕНИЯ

Севостьянов Дмитрий Анатольевич,
доктор философских наук,
доцент кафедры педагогики и психологии,
Новосибирский государственный медицинский университет,
ул. Красный проспект, 52, г. Новосибирск, Россия, 630091,
dmitry.sevostyanov1964@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется реализм в художественных произведениях. Показано, что понятие реализма неоднородно, что реализм изменчив по своей природе. С одной стороны, всякое произведение искусства тенденциозно, и характер реализма отображает направление этой тенденциозности (например, критический реализм, социалистический реализм). С другой стороны, реализм характеризуется свойствами той реальности, которая отображается в произведении (бытовой реализм, сказочный реализм, магический реализм, фантастический реализм).

Ключевые слова

Реализм, тенденциозность, виды реальности, виды реализма, направленность реализма.

«Реализм» представляет собой весьма распространённый термин, который издавна применяется в рамках искусствоведческого дискурса, причём данный термин нередко наполняется весьма разнообразным и неоднородным смыслом. «Реализм» давно стал не просто одним из понятий, востребованных при анализе произведений искусства, — многими он рассматривается и рассматривался прежде как основа для оценочных суждений, касающихся того, насколько то или иное произведение соответствует критериям «искусства» вообще¹. И по этой причине производить сколько-нибудь серьёзное исследование истории, теории и современного состояния искусства, не обозначив своего понимания сущности реализма и отношения к нему — ныне, по всей видимости, решительно

невозможно. Это положение усугубляется тем, что позиции многих авторов в отношении реализма в искусстве зачастую приобретают весьма спорный характер.

Если следовать словарным определениям, то реализм понимается как «художественный метод, для которого характерно стремление к правдивому отображению человеческой личности в её многообразных отношениях к действительности определённого исторического времени, раскрытие посредством индивидуализированного изображения (выражения) закономерного, типического в жизни»². Приблизительно в том же ключе определяет реализм А. Конт-Спонвиль: «в эстетическом смысле... любое художественное течение, в значительно большей степени подчиняющее искусство наблюдению за действительностью и под-

1 Кеменов В.С. Против абстракционизма. В спорах о реализме. Сборник статей. Ленинград: Художник РСФСР, 1969. 223 с.

2 **Философский словарь** / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Респубблика, 2001. С. 485.

ражанию действительности, чем воображению или морали»³.

При более подробном рассмотрении обнаруживаются следующие трактовки понятия «реализм». Так, реализмом называлось средневековое религиозно-философское течение, в рамках которого утверждалась реальность универсальных понятий (обобщённых идей) или тех или иных предметов, в отличие от противостоящего реализму номинализма, который склонялся к реальности только отдельных предметов. Далее, термин «реализм» применяется в психологическом смысле, как установка сознания, ориентированная на внешнюю реальность, которая и представляется в виде исходной точки психических явлений, внутренний же мир представляется производным от этой внешней реальности (в противоположность субъективно-идеалистической позиции). Наконец, имеется и историко-культурное значение этого термина, о котором говорилось выше: имеется в виду направление искусства, которое наиболее близко изображает реальность.

В.П. Руднев, в «Словаре культуры XX века» которого приведена эта последняя дефиниция реализма, называет этот термин нелепым, и согласно его собственному мнению, употреблять его вообще не следует. Обосновывает он это положение следующим образом: «Как можно утверждать, что какое-то художественное произведение более близко, чем другое, отображает реальность, если мы, по сути, не знаем, что такое реальность? Ю.М. Лотман писал, что для того чтобы утверждать о чём-либо, что ты это знаешь, надо знать три вещи: как оно устроено, как им пользоваться и что с ним будет дальше. Ни одному из этих критериев наше «знание» о реальности не удовлетворяет». И далее он продолжает: «Каждое направление в искусстве стремится изобразить реальность такой, какой оно её видит. «Я так вижу», говорит абстракционист, и возразить ему нечего»⁴. Такой позиции вторит П.А. Егоров: «Наши представления об иллюзорности или же реальности мира сами по себе есть иллюзия, и всякое нарушение в порядке восприятия обнажает не столько отсутствие связи с ве-

щами, сколько отсутствие связи понятий с ясностью представления»⁵.

С данной позицией, однако, невозможно согласиться. Конечно, известная максима Сократа «Я знаю, что ничего не знаю» содержит в себе определённое зерно истины, но использовать её как повседневное руководство к действию, очевидно, немисливо. Мы, конечно, не обладаем (и никогда не сможем обладать) *исчерпывающими* знаниями о том, что такое реальность; однако знания эти, как правило, вполне достаточны не только для обычного существования в этой реальности, но и для саморазвития, и для дальнейшего познания. Да, мы не знаем с абсолютной полнотой, как устроена реальность, каков может быть оптимальный порядок действий в отношении этой реальности, а также что ждёт её в будущем; но и наших ограниченных знаний бывает вполне достаточно для того, чтобы в известной нам предметной области принимать решения со знанием дела. К чему сетовать о том, что человек не обладает возможностями Бога-Творца, всемогущего, вездесущего и всеведущего. Как известно, несовершенство человеческого познания разрешается в бесконечном ряду познающих субъектов (хотя и никогда не будет, по-видимому, вполне разрешено). Можно сколько угодно рассуждать и об отсутствии связи нашего сознания с вещами, и об отсутствии связи понятий с ясностью представления; однако при этом в обычной жизни, волей-неволей, приходится реализовывать эту связь. Что же касается известной апелляции того или иного художника к тому, что он «так видит», то и здесь присутствует несомненная подмена понятий. Если бы, скажем, для художника-абстракциониста, в его зрительном восприятии, субъективный мир *действительно* представлялся в качестве хаотичного сочетания пятен, точек и линий (как на его холстах), то такому «художнику» можно было бы лишь посочувствовать. Он пожизненно пребывал бы в психиатрической больнице и без помощи санитаров не мог бы сделать ни шагу в реальном мире, наполненном материальными предметами и населённом другими людьми. Связь человека с реальностью осуществляется в рамках практики, деятельности, а также в составлении в достаточной мере релевантных

3 Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. Москва: Этерна, 2012. С. 485.

4 Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. С. 253.

5 Егоров П.А. Утрата ясности представления в эстетике // Terra Aestheticae. 2020. № 1 (5). С. 134.

когнитивных моделей, без которых ни практика в любом её понимании, ни деятельность не были бы возможны.

Речь здесь, однако, идёт не об этих, достаточно элементарных вещах. Допустим, что реализм (тут приходится принести извинение за тавтологию) представляет собой максимально точное (насколько это вообще возможно) отображение реальности; но здесь уместно задать два вопроса: *какое именно отображение и какой именно реальности?*

Ответ на первый вопрос не выглядит очевидным, исходя из того, что это отображение трактуется как «максимально точное»: раз, как уже сказано, познание наше по природе своей ограничено, то и отображение это, как бы мы ни старались, всегда отличается приблизительностью и неполнотой. От такой вынужденной неполноты приходится сделать всего один шаг, чтобы данное отображение стало *тенденциозным*, то есть затрагивало лишь те компоненты или аспекты реальности, которые данный автор считает для себя нужным отобразить, и игнорировало то, что отображать, по его мнению, и не стоило бы. Такая тенденциозность несколько парадоксально трактуется, в том числе, и как *правдивость* (впрочем, данный парадокс разрешается просто: «правда» ведь не есть «истина»; истина существует вне зависимости от чьего-либо частного мнения, но при этом уместно говорить, что «у каждого своя правда»). А.Ф. Лосев излагал этот подход следующим образом: «Под реализмом мы понимаем не просто изображение жизни, но правдивое изображение жизни... А правдивость есть уже не просто фотография предмета, но — определённая точка зрения на него, подведение его под эту точку зрения и понимание этой точки зрения в качестве конструктивного принципа воспроизведения, в качестве порождающей модели, определённым образом систематизирующей то, что художником фактически наблюдалось в жизни»⁶. Так трактуемый реализм допускает весьма значительные отклонения от буквального восприятия и изложения повседневной, бытовой реальности. Н.Л. Малинина писала по этому поводу: «Реализм — это глубинная правда жизни, связанная с пониманием и отражением существенных процессов, возможно, не показанных прямо,

а ощущаемых. Реализм распространяется на образное целое, а не на части и детали. Реализм может выступать в формах метафорических, символических, аллегорических, условных, хотя чаще представлен в формах самой жизни»⁷.

В результате признания таких расширительных толкований реализма мы можем найти в искусстве не один «реализм»; их много. Прежде всего, следует сказать о различной возможной направленности реализма. Давно известен и «критический реализм» XIX столетия, раскрывавший пороки и проблемы социального устройства, и «социалистический реализм» советского периода, в котором осуществлялось превознесение «должного» над «сущим». В ныне практикуемой современной живописи получил распространение «гиперреализм» и (как родственное понятие) «фотореализм». В нём буквальное сходство изображённого и изображаемого возводится в абсолют; однако для этого всякий раз избирается некоторый частный, обособленный фрагмент реальности, подлежащий такому, условно говоря, иллюзионистическому воспроизведению (по мнению автора данного произведения, более всего для этого подходящий). Наконец, особую направленность реализма являет собой так называемый «патриотический реализм»⁸, также обеспечивающий весьма выборочное воспроизведение реальности.

Задав же второй вопрос — отображение *какой именно* реальности подразумевается, когда речь идёт о реализме, — мы поистине открываем перед собою бездну. К понятию «реализма» тут же снова приходится добавлять всевозможные прилагательные, на сей раз уточняющие, что за реальность здесь имеется в виду.

Реализм в искусстве, каков бы он ни был, предполагает, прежде всего, наличие целостной и непротиворечивой картины мира — той самой реальности. Реальность, в самом простом и очевидном понимании — это окружающий мир, доступный нашему восприятию, и существующий

6 Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. С. 135.

7 Малинина Н.Л. Реалистический художественный образ в живописи: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 9. С. 177.

8 Беляева Е.В. Символизм в творчестве польского художника Яцека Мальчевского (1854–1929) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2 (47). С. 127–130.

независимо от нас. Следование отображению этой повседневной реальности порождает то, что обычно обозначается как бытовой реализм. Однако человеческое восприятие даже такой реальности отнюдь не является неизменным на все времена.

Возьмём в качестве примера реальность, окружающую людей первобытного племени. Вот как характеризовал эту реальность Люсьен Леви-Брюль, описывая сознание таких субъектов: «Ничто не наводит их на мысль о выгоде, которую могла бы им принести попытка узнать законы естественных явлений, у них отсутствует даже самое представление об этих законах. Что прежде всего захватывает их внимание, что почти целиком занимает его с того момента, как оно было чем-нибудь пробуждено, что заполняет и удерживает его — это присутствие и действие невидимых сил, более или менее определённых влияний, действие которых они чувствуют на себе и вокруг себя»⁹. Здесь мы можем наблюдать магический реализм — данное понятие было введено в научный оборот Ф. Роо и широко используется современными исследователями¹⁰. Люди, о которых идёт речь, освоили первоначальный (синкретический) вариант человеческого мышления; они (разумеется, не прибегая к таким формулировкам) обнаружили для себя, что мысли представляют собой операции с символами, а символ есть объект, наделённый самостоятельным бытием, но сверх этого, взявший на себя функцию означающего при некотором означаемом. И вот в представлении этих людей уже *любой* объект, наделённый самостоятельным бытием, представляет собой некоторое означающее. Отсюда каждое событие, происходящее рядом с первобытным человеком или с ним самим, обретает (по его стойкому убеждению) магическую природу; человек не может ни родиться, ни приобрести выгоду либо претерпеть утрату, ни умереть без вмешательства таких невидимых сил. И это составляет целостную и (по-своему!) непротиворечивую картину мира, в пределах которой люди действительно рождаются, проводят всю жизнь и умирают. Никакой другой реальности для них просто нет; как же

выглядел бы пресловутый «реализм», порождённый её восприятием? Наверное, несколько иначе, чем «реализм» сегодняшнего дня. Иную, но тоже внутри себя непротиворечивую картину составляла реальность античного грека, населённая телесно-осязаемыми богами, столь же реальными, как и живые люди¹¹. То же самое можно сказать и о средневековом реализме, реализме религиозном, в рамках которого гипостазирование (то есть представление о самостоятельном существовании некоторых общих понятий, абстракций, в виде отдельных субъектов или сущностей) было нормой, а не логической ошибкой мышления, как это считается теперь. Такая картина мира соответствовала реальности того времени, но ныне настали иные времена. Итак, реализм означает соответствие произведения не некоторой отвлечённой «объективной реальности», в чём бы она ни состояла, а именно той картине реальности, которая представлена в общественном сознании (а значит — и в индивидуальном сознании тоже); картина же эта способна меняться, причём весьма существенно.

С другой стороны, в человеческой культуре, на правах её неотъемлемой части, существовала и существует сказочная реальность, картина которой тоже пребывает в человеческих головах. Термин «сказочный реализм» уже прочно прописался в работах современных исследователей¹². Обратившись, например, к сказкам М.Е. Салтыкова-Щедрина, или к его «Истории одного города», как ещё можно охарактеризовать то, что показано там? В отношении направленности реализма, то есть того, какую из сторон «действительной реальности» автор решил осветить, мы можем сказать, что этот автор, подобно многим его современникам, действовал в традициях «критического реализма»; в отношении же той реальности, которая *действительно* была показана в этих произведениях, уже проявляется, безусловно, реализм сказочный. В известном романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» обычная, бытовая реальность вступает во взаимодействие с иной, мистической реальностью; по-видимому, следует сказать, что здесь имеет место мистиче-

9 Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 375.

10 Кислицын К.Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274–277.

11 Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Ладомир, 1994. 544 с.

12 Севтинова А.В. Образ дурака в калмыцкой бытовой сказке // Проблемы науки. 2017. № 6 (19). С. 78.

ский реализм. Если в художественном творчестве используется и развивается фантастический сюжет, отражающий, несмотря на несоответствие нынешней бытовой реальности, непротиворечивую внутри себя картину мира — здесь уместно говорить, соответственно, о фантастическом реализме (собственно, и этот термин давно получил законные права¹³).

Ещё один важный вопрос, который придется разрешать в дискуссии о реализме — как сопоставляется реализм в художественном произведении с неизбежно субъективным характером и восприятия мира, и художественного творчества как такового. Ведь, как уже говорилось, под реальностью чаще всего подразумевается то, что существует независимо от субъекта. И тут приходится говорить о том, что это не так: реализм затрагивает и внутреннюю реальность творящего субъекта, как некоторую самостоятельную сущность.

Возьмём для примера такой известный сюжет, как битва храброго Щелкунчика и его кукольного войска против армии мышиного короля. Пока этот сюжет существовал только в воображении Э.Т.А. Гофмана, он был элементом исключительно его внутренней реальности. Однако теперь это повествование стало неотъемлемой частью мировой культуры, в особенности после того, как на этот сказочный сюжет был создан известный балет П.И. Чайковского.

Конечно, сказка, по-видимому — самый трудный жанр в литературе. Написание настоящей сказки требует от её автора невероятного культурного чутья, так же как от настоящего поэта, например, требуется исключительное чутье в отношении языка. Именно обретенное таким образом родство с культурной реальностью и порождает в действительности такое явление, как сказочный реализм; в противном случае сказка будет представлять интерес лишь для её автора, и разговоры о каком-либо реализме вообще утрачивают здесь смысл. Ведь и внутренняя реальность в известной мере формируется и существует независимо от самого художника, а лишь постольку, поскольку он сам погружён в окружающую (в том числе и культурную) реальность.

Итак, реализм распространяется не только на внешнюю по отношению к субъекту, но и на его внутреннюю реальность. Главным условием для этого становится собственная непротиворечивость внутри самой этой реальности, а также её соответствие самостоятельной реальности уже существующей культуры. Поэтому, говоря, в частности, о реализме в изобразительном искусстве, Н.Л. Малинина отмечает следующее: «Реализм в живописи прошёл свой путь эволюции. Живопись осваивала все новые уровни реальности — видимая реальность, реальность впечатления, реальность внутреннего мира человека, реальность подсознательного, утрированный показ элементов реальности. Живопись последовательно представляла зрителям разные уровни реальности»¹⁴.

Однако, при всём при этом, трактовка реализма, при которой данное понятие ограничивается бытовым реализмом, пока остаётся доминирующей. Это обусловлено, среди прочего, тем, что самым массовым «потребителем» культурных артефактов (художественных произведений) является обыватель, которого, как известно, «притягивает простота, стандарт, лёгкость восприятия, радость узнаваемого»¹⁵. Но то, что удовлетворяет обывателя, не может считаться достаточной и всеобъемлющей трактовкой реализма в глазах искусствоведа.

Разумеется, приведённый здесь анализ реализма не может быть назван исчерпывающим. Дальнейшей разработки требует, например, вопрос о том, в чём может состоять отклонение от реализма, коль скоро само это понятие подвергается такому, как показано здесь, расширительному толкованию. Однако обособление в данном явлении двух самостоятельных координат, одна из которых показывает направление тенденциозного отношения к реальности, а другая — характер этой реальности как таковой, представляется значимым этапом познания реализма в искусстве, как самостоятельного явления.

13 Куликова М.Э. Выставка шести художников (Владивосток, 1988) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 1. С. 5.

14 Малинина Н.Л. Реалистический художественный образ в живописи: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №9. С. 175.

15 Власов В.Г., Лукина Н.Ю. Новые станцы. Дискуссия филолога и искусствоведа: симптоматика гениальности // Культура культуры. 2019. № 4. С. 130.

Список литературы

1. Беляева Е.В. Символизм в творчестве польского художника Яцека Мальчевского (1854–1929) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2 (47). С. 127–130.
2. Власов В.Г., Лукина Н.Ю. Новые станцы. Дискуссия филолога и искусствоведа: симптоматика гениальности // Культура культуры. 2019. № 4. С. 124–133.
3. Егоров П.А. Утрата ясности представления в эстетике // Terra Aestheticae. 2020. № 1 (5). С. 112–138.
4. Кеменов В.С. Против абстракционизма. В спорах о реализме. Сборник статей. Ленинград: Художник РСФСР, 1969. 223 с.
5. Кислицын К.Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274–277.
6. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна, 2012. 752 с.
7. Куликова М.Э. Выставка шести художников (Владивосток, 1988) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 1. С. 5–7.
8. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Ладомир, 1994. 544 с.
10. Малинина Н.Л. Реалистический художественный образ в живописи: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 9. С. 175–181.
11. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. 381 с.
12. Севтинова А.В. Образ дурака в калмыцкой бытовой сказке // Проблемы науки. 2017. № 6 (19). С. 77–79.

REALISM IN ART: ANALYSIS OF THE PHENOMENON

Sevostyanov Dmitry Anatolievich,

DSc in Philosophy,

Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology,

Novosibirsk State Medical University,

Krasny Prospekt 52, 630091 Novosibirsk, Russia,

dmitry.sevostyanov1964@yandex.ru

Abstract

The article analyzes realism in works of art. It is shown that the concept of realism is heterogeneous, that realism is variable in nature. On the one hand, every work of art is tendentious, and the nature of realism reflects the direction of this tendentiousness (for example, critical realism, socialist realism). On the other hand, realism is characterized by the properties of the reality that is displayed in the work (everyday realism, fairy-tale realism, magical realism, fantastic realism).

Keywords

Realism, tendentiousness, types of reality, types of realism, the direction of realism.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR

УДК 069

ББК 71

DOI 10.34685/ИИ.2024.47.4.004

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА И УКРЕПЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Пахомчик Сергей Алексеевич,
кандидат экономических наук, доцент,
лауреат Национальной премии Петра Столыпина,
Тюменский государственный университет,
homa380@yandex.ru.

Путрик Юрий Степанович,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра социокультурных
и туристских программ
Российского научно-исследовательского
института культурного и природного
наследия им. Д.С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, дом 2, Москва, Россия,
putrik@list.ru

Аннотация

В статье содержится анализ положения и состояние дел с этнокультурным разнообразием Тюменской области. Приведена характеристика территории и населения, которое отличается этническим разнообразием, всё более активно вовлекаемым в туристский оборот. Отражена деятельность музеев и музеефицированных пространств как трансляторов культур народов, населяющих территорию фактора укрепления культурного суверенитета региона.

Ключевые слова

Тюменская область, коренные народы, население, музеи, туризм, наследие, культура..

Тюменская область находится в Западной Сибири. Её центр — Тюмень часто называют воротами в Сибирь. В большинстве сибирских музеев этнографическая составляющая сегодня приоритетная. В Сибири и на Дальнем Востоке проживает в настоящее время 68 народов. В том числе в большой Тюменской области¹ их насчитывается 6 (ненцы, селькупы, коми-зыряне, ханты, манси, сибирские татары).

Большая Тюменская область занимает огромную по площади территорию, на которой одновременно могут разместиться Великобритания, Франция, Италия и Финляндия вместе взятые и составляет 1 464, 2 кв. км.

Это с входящими в её состав — Ханты-Мансийским автономным округом — Югрой (ХМАО) и Ямало-Ненецким автономным округом (ЯНАО). Площадь собственно Тюменской области — 160 122 кв. км. В меридиональном направлении она простирается более чем на 2 000 км. Это расстояние равно протяжённости от Архангельска до Ростова-на-Дону. Она протянулась от северной государственной морской границы с США и Канадой до сухопутной с Казахстаном. В широтном направлении она простирается от восточных склонов Уральских гор до Таз-Енисейского водораздела на расстояние, равное расстоянию от Москвы до Уфы. В советское время её территория занимала 6 % земель СССР. Территория располагается в трёх природных зонах: тундровой (арктической), лесной(таёжной) и лесостепной. Северную часть территории области занимают автономные округа: Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский (Югра). Среди населения северных территорий области выделяется группа коренных народов Севера Западной Сибири: ненцы, ханты, манси, селькупы, коми-зыряне, сибирские татары.

Разнообразии культур народов, населяющих большую Тюменскую область, создаёт хорошие перспективы для развития этнотуризма. Возрастающий поток туристов в Тюменскую область (в последние годы по 20 % прироста ежегодно) диктует необходимость разнообразия туристических продуктов, предлагаемых приезжающим из других стран и регионов. Наряду с традици-

онными направлениями туризма уже достаточно развитыми в Тюменской области: оздоровительным, культурно-познавательным, промышленным, медицинским, событийным, гастрономическим и т. д. появляются новые перспективные виды: спортивный, кинотуризм, этнотуризм и др.

Особое внимание к проблематике этнокультурного туризма в современной России обусловлено рядом причин. Прежде всего глобальной тенденцией к росту интереса к этнокультурной сфере со стороны туристического рынка. Сегодня практически каждое относительно значимое деловое мероприятие не обходится без приглашения фольклорных коллективов и ансамблей, экспозиций народного быта, традиционных промыслов, посещения этнографических поселений или анимации.

Предпосылками развития этнокультурного туризма в стране выступают:

– высокая степень этнического разнообразия населения на различных пространственных уровнях: от национального до территориального и локального;

– сложившееся в процессе длительной межэтнической интеграции, аккультуризации и ассимиляции уникальное сочетание различных этнокультурных комплексов, прежде всего, восточнославянского, тюркского, финно-угорского, кавказского и монгольского;

– необходимость активной пропаганды идеи гармонизации межкультурных отношений — фактора укрепления культурного суверенитета региона на основе межэтнических взаимоотношений;

– наступление глобализации на традиционный культурный комплекс практически всех этнических групп страны;

– необходимость более эффективного продвижения регионов России на отечественном и зарубежных туристических рынках, особенно с невысоким рейтингом туристских предпочтений туристов и т.д.

В настоящее время, в период обострения межкультурного противостояния, культура, язык, быт, фольклор, формы занятости населения и другие этнографические особенности отдельных народов Севера привлекают всё больше туристов из различных регионов России и зарубежных стран, т.е. интерес к этнографическому туризму заметно возрастает. В этой связи происходит рост и расширение объектов показа

1 Термин «большая Тюменская область» применяется в литературе как отражение того, что в её состав входят два других самостоятельных субъекта Российской Федерации — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ.

для отражения в них особенностей отдельных северных народов Тюменского региона.

Южная часть региона — Тюменская область в последние годы позиционирует себя как термальная столица России. Это определяет во многом постоянный и стабильный рост потока приезжающих в регион туристов. Ежегодно поток туристов из вне растёт на 20 %. Эта динамика продолжает прогрессировать год от года. Помимо посещения местных терм туристы с удовольствием посещают местные достопримечательности, музеи, выставки, гастрономические фестивали и другие событийные мероприятия. Среди интересующих их объектов можно отметить возрастающий интерес к этнографическим музеям, экспозициям рассказывающим и показывающим всё многообразие проживающих на территории народов.

В последнее десятилетие музейный ландшафт области заметно изменился². На музейной карте региона появились музеи с этнографической направленностью. К ним можно отнести: археологический музей-заповедник на озере Андреевском под Тюменью, который является филиалом Тюменского музейно-просветительского объединения имени И.Я. Словцова — ТМПО; музей-этнопарк «Увас МИР хот» — Дом северных людей в деревне Кыштырла; музей села Ембаево, посвящённый истории и культуре сибирских татар; музей истории крестьянского быта в деревне Насекина, сельский музей в татарской деревне Чикча (все в Тюменском районе); музей «Сибирское подворье» в селе Нижняя Тавда и т.д. В настоящее время оформляется новое музеефицированное пространство — этнокомплекс татарской культуры в селе Аслана Ялуторовского района, посвящённое отражению мира сибирских татар³. Недавно под г. Тобольском неподалёку от места, где стоял город Кашлык (Искер) — последняя столица Сибирского ханства, создано «Кучумово городище». Это комплекс сооружений, в котором ежегодно проводятся фестивали культуры сибирских татар. На нём можно в полном объёме жи-

вую увидеть танцы, фольклор сибирских татар, услышать их песни, познакомиться с национальными блюдами и т.д.⁴

В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре также развивается направление этнографического туризма. К более заметным объектам здесь можно отнести: Торум Маа — этнографический музей под открытым небом; культурно-туристический археопарк на Самаровском чугасе в г. Ханты-Мансийск, древний город Эмдер, расположенный неподалёку от г. Нягань — своеобразная сибирская Троя — легендарный город богатырей на реке Ендырь. Был обнаружен археологами в 1993 г. и представляет собой поселенческо-погребальный комплекс, относящийся к XII–XVI векам. Сейчас, именно на него опираются историки при характеристике самобытной культуры аборигенов таёжного Обь-Иртышья. Также известны: музей истории русского быта в Нижневартовске; музей реки Обь в Нефтеюганске, музей-заповедник «Барсова гора» в Сургутском районе; археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) острог в Белоярском районе; музей истории и этнографии в г. Югорск, этностойбища в местах компактного проживания ханты: Сургутском, Нижневартовском, Берёзовском, Белоярском районах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ХМАО). Этнографические музеи совместно с органами управления культурой и инициативными представителями северных народностей проводят национальные праздники, в которых раскрываются особенности и специфика северных народов. К наиболее популярным из них можно отнести следующие.

Праздник Царя Витхона — водяного царя. Он является персонажем религиозных верований, мифов и сказок обских угров (ханты и манси), является духом воды и хозяином всех водоёмов. Витхон — сын небесного божества Торума, древний человек-богатырь, обской мужик, которого Торум поставил присматривать за реками. Его основной обязанностью является справедливое распределение рыбных запасов по водоёмам.

2 Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития – Новосибирск: 2014 – 396с.

3 Пахомчик С.А. Музейный ландшафт Тюменской области 21 столетия/ Всероссийская научно-практическая конференция Шестые Ядрицевские чтения – Омск: ОГИК музей, 2021, с.334-338

4 Пахомчик С.А. Туристические бренды Тюменского региона/Актуальные вопросы брендинга: компания, отрасль, территория: монография [Отв. ред.: И.А. Лиман, В.В. Маленков [Электронный ресурс], Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2022 – с.108-115

В день первого спуска лодок на воду Витхону коллективно приносится жертва. Обряд завершается просьбой одарить хорошим уловом. Праздник проводится ежегодно в Берёзовском районе и ряде национальных сёл Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Другой праздник — Праздник обласа. Проводится он в июле, и гвоздём программы празднования являются гонки на обласах (лодках). В программе праздника национальная борьба, у женщин — игры в палочку (по перетягиванию палки) и др. В конце праздничное застолье с национальной едой.

Вороний день — праздник, посвящённый вороне. Серая ворона у местных коренных жителей олицетворяется как символ жизни, а сам праздник связан с приходом весны. В Ханты-Мансийском автономном округе празднуется во вторую субботу апреля. Праздник включает специальные ритуалы, обряды. Сопровождается приготовлением и поеданием национальных блюд, танцами и плясками.

Медвежий праздник у народов ханты и манси представляет совокупность обрядов и ритуалов, посвящённых почитанию медведя — хозяина тайги. Суеверное, почтительное отношение к медведю определяется сходством его с человеком. Медвежьи праздники проводятся как периодически (в течение семи лет подряд с последующим семилетним перерывом), так и спорадически (по случаю удачной добычи медведя).

День оленевода обычно проводится в феврале и продолжается в течение всего дня. С утра звучит праздничная музыка, готовятся блюда из оленины. Одно из главных мероприятий — гонки на оленях (оленьих упряжках). Кроме этого в программу праздника включают другие виды спортивных национальных состязаний: метание тынзяна (аркана) на хорей (вертикальный шест), прыжки через нарты, тройной прыжок, бег на охотничьих лыжах, метание топора на дальность и др.

В Ямало-Ненецком автономном округе этнографический туризм достаточно развит. Среди наиболее значительных объектов можно назвать: музейное объединение имени Шимановского в Салехарде, этнопосёлок Горно-Князевск — музей под открытым небом в Приуральского районе, Обдорский острог в столице округа, этностойбища в родовых угодьях ямальских оленеводов.

На границе Ханты-Мансийского и Ямало-

Ненецкого автономных округов есть удивительное место — уникальный национальный парк Нумто, получивший своё название от расположенного здесь одноимённого озера. Место считается священным и название означает Божье или небесное озеро. Контуры озера напоминают фигуру человека, а небольшие острова — его сердце и глаза. По традиции рядом с ним нельзя воевать, в нём запрещено ловить рыбу. На острове «Сердце» запрещается рвать ягоды. Вокруг этого места существует бесчисленное множество легенд и приданий и сокровенных сказаний... Поражают своим разнообразием экспозиции музея-заповедника «Торум Маа», расположенные в природном заповеднике «Самаровский чугас». Например, «Летнее стойбище хантов на реке Аган», куда включены летний дом, хозяйственные и охотничьи лабазы, навес-коптильня, хлебная печь, родильный дом, кострище. На святилище обских угров вырублены из дерева изображения их древних богов. На территории музея проводятся национальные праздники и свадебные обряды. Здесь же проводится Вороний праздник — день прихода весны.

Все этнографические праздники, музейные экспозиции и выставки знакомят посетителей с богатой культурой народов, населяющих большую Тюменскую область. В них широко и красочно представлены все стороны жизни народов Тюменского Севера: традиционные формы хозяйствования (оленеводство, охота, рыболовство, сбор лесных даров, промыслы и т.д.); быт; традиционные типы жилищ: чумов, юрт; фольклор; образцы национальных одежд и обуви, бытовые предметы, утварь и т.д.; танцы и пляски; традиционные национальные праздники; гастрономические блюда и т.д.

Представляют интерес для туристов и возможность приобрести оригинальные сувениры действующие предприятия по изготовлению изделий с национальной тематикой. К числу наиболее известных относится Тобольская косторезная фабрика. Сегодня это самое крупное в России производство костяных изделий. «Тобольский промысел» как и «Холмогорский», «Чукотский» известен по всей стране и за рубежом. В Тобольске промысел возник во второй половине XIX века и был заимствован у народов Тюменского Севера. Поэтому далеко не случайно, что тематика резьбы связана с изготовлением скульптур и изделий с явно выраженной северной

тематикой. Малые народы Тюменского Севера: остяки, вогулы, самоеды и др. издавна изготавливали из лосиного рога, кости мамонта детали сбруи для оленей, охотничьего снаряжения, реже занимались фигурной резьбой. Известные фигурные изделия Тобольской косторезной фабрики: «Остяк на лыжах», «Поездка на оленях», «Бой молодых оленей», «Возвращение на стойбище», «Тройка оленей», «Семья ненца на отдыхе», «Ловля оленей», «Поездка на собаках» и т.д. отражают сюжеты из жизни народов Тюменского Севера. Север — генеральная линия творчества многих поколений тобольских резчиков. В Тобольске функционирует ещё одно предприятие, связанное с народным косторезным промыслом — Дом ремёсел мастера, известного тобольского современного резчика М.В. Тимергазеева. В его творчестве также присутствуют ноты северного направления. Известны его работы «Игра в оленя», «На олене», «Танец» и др., завоевавшие на выставках ВДНХ многочисленные награды и получившие признание⁵.

Центры и Дома народных художественных промыслов и ремёсел работают в административных центрах автономных округов в Ханты-Мансийске и Салехарде. Они занимаются возрождением и развитием народных художественных промыслов, популяризацией народного искусства. В ряде коллективных сельскохозяйственных предприятий и национальных поселениях работают сувенирные мастерские и мастерские по пошиву одежды и обуви из оленьих шкур, мехов пушных зверей и животных (Саранпауль, Яр-Сале, Мужики и др.). Традиционные национальные орнаменты, украшающие одежду и обувь, являются предметами национального культурного наследия северных народов Западной Сибири.

В Ханты-Мансийске работают дом-музей народного художника СССР В.А. Игошева, галерея-мастерская художника Г.С. Райшева. Эти мастера кисти создали огромную галерею образов коренных жителей древней Югры: рыбаков, оленеводов, охотников. Известны картины В.А. Игошева «Девочка манси», «Мальчик манси» и др. Ими написаны великолепные пейзажи и натюрморты, отражающие северные мотивы и природу Югры.

Экспозиции, демонстрирующие этнографические объекты народов Тюменского Севера, присутствуют на выставках и в фондах многих музеев региона. Среди них старейший в Сибири Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (приемник Тобольского губернского музея). Там можно увидеть уникальные образцы предметов охоты, рыбной ловли, костюмов народов Тобольского Севера, собирателями которых были Н.Л. Скалзубов, А.А. Дунин-Горкавич и другие известные в регионе собиратели этнографических коллекций.

Туристические группы и индивидуальные путешественники могут на огромной территории большой Тюменской области увидеть и ознакомиться с палитрой национальных культур: от казахской — на самом юге области до ненецкой — на самом её севере. Многонациональный состав населения территории позволяет увидеть оригинальность и своеобразие разных народов, её населяющих: русских, украинцев, белорусов, сибирских татар, чувашей, коми-зырян, ханты, манси, ненцев, селькупов, армян, азербайджанцев, грузин и многих других во всём его многообразии.

Диалог культур разных народов — залог мирного сосуществования, дружбы народов, взаимопонимания, сотрудничества и солидарности. Роль этнографических музеев и пространств, вовлечённых в туристическую деятельность, в том числе под открытым небом, мест археологических раскопок или с их элементами, велика как трансляторов знаний и информации о народах и этносах, живущих ныне и проживавших в предшествующие периоды на нашей территории. В стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2030 г. поставлены задачи сохранения и преумножения объектов культурного наследия. Этнографические и археологические музеи и музейфицированные пространства в ближайшей перспективе будут играть всё более возрастающую роль в этом важном деле.

В целом можно констатировать, что этнографический туризм весьма популярен в Тюменском регионе и имеет перспективы в развитии не только как просветительской и рекреационной функции, но и как фактор укрепления цивилизационной идентичности и культурного суверенитета Тюменского региона в условиях новой глобальной повестки и нарастающего глобализационного процесса.

5 Валов А.А. Тобольская резная кость – Свердловск: Средне-Уральской книжное издательство, 1987-191 с прил., стр. 14-57

Список литературы

1. Валов А.А. Тобольская резная кость — Свердловск: Средне-Уральской книжное издательство, 1987—191 с прил.
2. Пахомчик С.А. Туристические бренды Тюменского региона/Актуальные вопросы брендинга: компания, отрасль, территория: монография [Отв. ред.: И.А. Лиман, В.В. Маленков [Электронный ресурс], Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2022 — с.108—115.
3. Пахомчик С.А. Музейный ландшафт Тюменской области 21 столетия/ Всероссийская научно-практическая конференция Шестые Ядринцевские чтения — Омск: ОГИК музей, 2021, с.334—338.
4. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития — Новосибирск: 2014—396с.

**ETHNOCULTURAL DIVERSITY
OF THE TYUMEN REGION
AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT
OF TOURISM AND STRENGTHENING
CULTURAL SOVEREIGNTY**

Pakhomik S.A.,

Candidate of Economic
sciences, associate professor.
Laureate of the National Prize Peter Stolypin
Tyumen State University,
hom380@yandex.ru.

Putrik Y. S.,

Doctor of Historical Sciences,
chief researcher,
Head of the Center for Sociocultural
and tourist programs
Russian research
Institute of Cultural and Natural
Heritage to them. D.S. Likhacheva,
st. Astronauts. house 2, Moscow, Russia,
utrik@list.ru

Abstract

The article contains an analysis of the situation and the state of affairs with the ethnocultural diversity of the Tyumen region. The characteristic of the territory and population is given, which is distinguished by ethnic diversity, more and more actively involved in the tourist circulation. . The activities of museums and museumified spaces as translators of cultures of peoples that inhabit the territory of the factor of strengthening cultural sovereignty of the region are reflected.

Keywords

Tyumen region, indigenous peoples, population, museums, tourism, heritage, culture.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2024.47.4.005

КРЫМ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ РОССИИ

Горенкин Валерий Анатольевич,

кандидат политических наук, доцент,
ректор Крымского университета культуры, искусств и туризма,
ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 95017,
mk.kukiit@mail.ru

Гаспарян Людмила Сергеевна,

кандидат политических наук,
начальник отдела аспирантуры и магистратуры
Крымского университета культуры, искусств и туризма,
ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь,
Россия, 295017,
llukashevich@mail.ru

Резник Оксана Владимировна,

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Крымского университета культуры, искусств и туризма,
ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 295017,
oreznik2005@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены особенности и культурные основы российской цивилизационной парадигмы и роль Крыма в её формировании. Авторы исходят из того, что цивилизационная парадигма определяется соответствующей культурой и представляет собой систему мировоззренческих принципов, идей, воззрений и убеждений, характерных для соответствующего исторического периода. Отмечено, что именно воссоединение Крыма и России в 2014 году, ставшее важнейшим цивилизационным событием, и сопряжённое, прежде всего, с культурными основаниями, вызвало вопросы, касающиеся особенностей отечественной цивилизационной парадигмы и её роли в обеспечении гражданской идентичности, национальной консолидации и государственной безопасности.

Ключевые слова

Цивилизация, цивилизационная парадигма, культура, ценности, идентичность.

На фоне усложнения мировых процессов, глобальных преобразований, связанных с переходом к многополярному миру, изменением современной системы мироустройства стратегически значимым и принципиально важным становится вопрос

определения факторов, способных обеспечить устойчивое развитие нашего государства и формирование культурной идентичности граждан.

Культурная идентичность приобретает в последнее время всё большую значимость и вос-

принимается как достаточно гибкий и зависящий от социально-политического контекста конструктор. Одной из серьёзных проблем формирования культурной идентичности в последние десятилетия становится то, что на неё существенное воздействие оказывает быстро распространяющийся стандартизированный продукт массовой культуры, размывая традиционные культурные ценности. В послании Федеральному Собранию в 2024 году Президент России В.В. Путин обозначил данную проблему, отметив, что «мы видим, что происходит в некоторых странах, где сознательно разрушают нормы морали, институты семьи, толкают целые народы к вымиранию и вырождению. А мы выбираем жизнь. Россия была и остаётся оплотом традиционных ценностей, на которых строится человеческая цивилизация. Наш выбор разделяют большинство людей в мире ...»¹.

Многие социальные противоречия современного мира определяются не столько экономическими или политическими факторами, а именно социокультурными. В частности, замещение традиционных ценностей мейнстриминговыми тенденциями в конечном счёте ведёт к унификации и потере самобытности культур. А ведь именно культура в настоящее время выступает ключевым показателем развития любого общества и расценивается как наиболее значимый национальный приоритет, основа социальной стабильности и государственной безопасности.

Культура, впитавшая в себя исторические особенности и важнейшие социальные и духовные ценности общества, прошедшая длительный путь становления, выступает фундаментом для формирования государственности, консолидации народов, проживающих в соответствующих территориальных границах, определения смыслообразующих ориентиров, конструирования национальной идеи, и, что принципиально важно, — определяет вектор дальнейшего развития всей цивилизации, специфика которой особенно заметна при столкновении с другими культурами².

Вопросы соотношения культуры и цивилизации приобрели свою актуальность в первой половине XX века и были детерминированы, прежде всего, научным и техническим прогрессом. В сложившихся теориях прослеживаются три ключевые тенденции.

Первая из них сформировалась в продолжение идей А.-Дж. Тойнби и рассматривает цивилизацию как синоним культуры. Цивилизации в рамках данного подхода представлены как самостоятельные социокультурные миры, как «умопостижимые поля исторического исследования», «общества с более широкой протяжённостью как в пространстве, так и во времени, чем национальные государства, города-государства или любые другие союзы»³.

Вторая тенденция противопоставляет культуру и цивилизацию и основана на воззрениях О. Шпенглера. Согласно его представлениям, культура и цивилизация противопоставлены друг другу как живое и неживое. Культура творит многообразие, неповторимость и предполагает неравенство. Цивилизация стремится к унификации, к эгалитарному сознанию. Культура возвышается над утилитарными практическими нуждами, цивилизация же ориентирована на практический результат. Энергия культуры направлена на «возделывание души», а энергия цивилизации — вовне, урбанизирована, привязана к техническим достижениям человека. Культура национальна, цивилизация интернациональна⁴.

Третий подход связан с представлениями Ф. Броделя о том, что цивилизация выступает базой для развития культуры. Для Броделя цивилизация — «самый древний персонаж человеческой истории». Примером всемогущества цивилизационных традиций, по мнению Броделя, могут служить французская и русская революции, которые не сумели переломить ни судьбу французской, ни судьбу русской цивилизаций. Рим рухнул в V в. н.э., но римская церковь продолжает существовать до наших дней. Именно цивилизации обеспечивают сохранение основ

1 Послание Президента Федеральному Собранию // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации

2 Круглый стол в преддверии XXXI ассамблеи СВОП «Россия как цивилизация цивилизаций» (итоги) / Журнал «Россия в глобальной политике»

3 Тойнби А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. — Москва: Директ-Медиа, 2007. 1876 с.

4 Освальд Шпенглер: душа культуры и ее тайны // сайт Моноклер

культуры, помогая пережить социальные перемены и катастрофы⁵.

Все эти теории в настоящее время представляют интерес для культурологии и иных наук, но, при рассмотрении такого понятия как цивилизационная парадигма, становится очевидным факт сущностной детерминированности цивилизационной парадигмы культурой, на что обращают внимание многочисленные исследования. Каждая цивилизация, в том числе и российская, имеет свою специфику, которая отражается в соответствующей парадигме.

Согласно Т. Куну, парадигма способствует систематизации существующей информации, а также структурированности приоритетов, стоящих перед цивилизацией, придавая ей стабильность и устойчивость, раскрывая перспективы и потенциал дальнейшего развития. Вместе с тем, принятие парадигмой определенных культурных новшеств приводит к её трансформации и определяет новые пути и цели цивилизационного развития. То есть цивилизационная парадигма, сохраняя свои принципиальные положения, одновременно остаётся открытой для изменений.

Цель данной статьи — рассмотреть культурные основы российской цивилизационной парадигмы и роль Крыма в её формировании. В качестве базового в статье использован ценностный подход как способ рассмотрения ценностных ориентиров цивилизационной парадигмы России.

Анализируя содержание отечественной цивилизационной парадигмы, современные исследователи констатируют факт предопределённости цивилизационной специфики России особенностями организации государственной власти⁶, которые задали главные ориентиры российской цивилизации: стремление к территориальному и национальному единству, поддержание поликультурности, укрепление социальной стабильности, защите российского общества и традиционных культурных ценностей от внешних угроз.

Другие мыслители рассматривают цивилизационную парадигму России сквозь призму «реального обладания культурно-цивилизационными ресурсами»: территориальными, материальными, символическими, духовными⁷.

Широта русской души (отметим, что российская цивилизационная парадигма имеет глубокие русские корни⁸) и высоконравственность, подкреплённые идеей всеобщего служения, реализуются в жертвенности и бескорыстной помощи, что соответствует христианским традициям и принципу милосердия.

Ещё в первой четверти XVI века монахом Филофеем был сформулирован основополагающий для российской культуры и цивилизации тезис: «Так знай, боголюбец и христоробец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не бывать»⁹.

Чрезвычайно полно и точно охарактеризовал особенности российской цивилизационной парадигмы русский философ Н.Я. Данилевский в своём знаменитом труде «Россия и Европа». Описывая славянский культурно-исторический тип, мыслитель отмечает факт синтеза всех четырёх сторон культурной деятельности: религиозной, культурной, политической, общественно-экономической. Подход Н.Я. Данилевского подводит нас к рассмотрению цивилизационной парадигмы России как гармоничного соединения различных сфер общества, базирующегося на культуре.

Таким образом, цивилизационная парадигма представляет собой систему основополагающих мировоззренческих принципов, идей, воззрений и убеждений, характерных для определённого исторического периода. Не случайно в постклассической методологии понятие «цивилизационная парадигма» вытеснило нацио-

5 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.3. Время мира. М., 1992. С. 60.

6 Сердобинцев К. С. Россия – Европа? Анализ цивилизационных парадигм / К. С. Сердобинцев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 112

7 Ефимова П. Р., Скляр Л. Н. Парадигмы и перспективы цивилизационного будущего России / П. Р. Ефимова, Л. Н. Скляр // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 82-1. С.68

8 Маслин М. А. Эволюция евразийской идеи // М. А. Маслин, А. А. Лупова // Русское зарубежье. 2014. №3. С. 17 –75

9 Послания старца Филофея. 1523-1524 гг./сайт музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина

нально-государственную парадигму¹⁰, подтвердив невозможность рассмотрения цивилизационной парадигмы сквозь призму исключительно определённого политического образования. В силу этого уместнее говорить о цивилизационной парадигме, сформированной по культурному основанию, в соответствии с воспринимаемыми ценностями и иногда — даже вопреки политическим границам. То есть цивилизационная парадигма — своего рода линза, сквозь которую человек как представитель определённой цивилизации смотрит на мир, независимо от его территориального нахождения, и именно это обеспечивает цивилизационную устойчивость и жизнеспособность.

Ещё в начале XXI столетия известный российский философ, один из отечественных классиков культурологии В.М. Межуев отмечал неопределённость России как цивилизации — «она и по сей день находится в состоянии цивилизационного поиска»¹¹. Однако в настоящее время мы можем с ним поспорить. Подтверждение этому — способность нашей цивилизации сохранять устойчивость вопреки возникающим вызовам. Сегодня уместно говорить как раз о сформированности цивилизационной парадигмы России, что стало следствием ценностной консолидации общества.

Основа данной консолидации была заложена крымскими событиями 2014 года, ставшими важнейшими в истории нашей страны и цивилизации. Вопрос культурно-цивилизационного самоопределения Крыма явился своеобразным триггером российской гражданской идентичности — в частности, выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям в мае 2023 года, Президент России Владимир Путин подчеркнул, что уровень общегражданской идентичности в Российской Федерации вырос с 63 % в 2017 году до 94,2 % — в 2022 году¹².

Это определило важность цивилизационной парадигмы России как основы консолидации российского народа и сохранения традиционных духовных ценностей. Причём этот факт может быть рассмотрен как в ретроспективном аспекте, так и с позиции перспективного анализа.

Крымский полуостров в силу своего географического положения и ресурсного богатства всегда имел стратегическое значение для развития торгово-экономических отношений, а потому становился точкой соприкосновения различных цивилизаций и культур. В дальнейшем это создало почву для выстраивания культуры добрососедства и широкоформатности культуры и искусства, напрямую воплотившейся в русском культурном коде.

Но, пожалуй, главным системообразующим фактом для цивилизационной парадигмы России является принятие христианства Владимиром Великим в X веке в Херсонесе. Это событие обеспечило не только переход к высокоорганизованному государству с развитой духовной культурой, но и повышение авторитета христианской Руси на международной арене. Принятие восточной ветви христианства сформировало культурную, ценностную и, наконец, цивилизационную основу для многих народов, относящихся и сегодня к российской цивилизации.

Наряду с упомянутыми историческими фактами ранних этапов развития российской государственности нельзя упускать и тот вклад, который крымский полуостров внёс в историческую память жителей нашей страны. Сакральным смыслом для России наделены подвиги городов-героев Севастополя и Керчи, а Балаклава, Малахов курган и Сапун-гора названы Президентом России «символами русской воинской славы и невиданной доблести»¹³.

Как отмечалось выше, важнейшей характеристикой цивилизационной парадигмы России является её поликультурность. Культурное разнообразие России определяет невозможность рассмотрения особенностей российской цивилизационной парадигмы без учёта разнообразия культур, сформировавших её аутентичность.

Как и вся Россия, Крым — это пространство развития и взаимовлияния культур различных этносов. Испокон веков на территории полуострова

10 Старостин А. М. Цивилизационная парадигма в политической науке: многовариантность моделей в контексте цивилизационной безопасности / А. М. Старостин, Д. А. Жуковский // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2015. №3. С. 75–81

11 Межуев В. М. Российская цивилизация – утопия или реальность?

12 Заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента России

13 Обращение Президента Российской Федерации 18.05.2014

гармонично сосуществовали, взаимодействовали и процветали различные народы, оставившие след в культуре и мировоззрении крымчан, научившихся и привыкших жить в мире и согласии, независимо от культурных и религиозных различий.

Сохранившиеся в Крыму языки, верования и традиции народов, населяющих полуостров, в настоящее время не только органично вплетаются в культурную палитру России, но и дополняют её новыми этническими красками.

Кроме этого, культура Крыма в своём историческом и современном развитии способствует закреплению целого спектра ценностных ориентиров, характерных для России в целом: высокой духовности, верности русским православным традициям и ценностям, возможности их сочетания с ценностями мусульманского и иных миров (что, в частности, отмечено в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹⁴).

Ценностный подход к цивилизационной парадигме предполагает также определение эстетических и нравственных предпочтений, художественных образов, формирующих представления народа о прекрасном, героическом, трагическом, возвышенном и т.п.

Крымская земля полна талантливых писателей и художников, творчество которых является неотъемлемой частью русской культуры. Крым был, своего рода, Меккой для творческой интеллигенции России, вдохновляя мастеров на создание шедевров живописи, литературы, поэзии, музыки своим этническим колоритом, богатой природой и культурой.

На пропитанной творческим духом крымской земле создавали свои шедевры замечательные деятели культуры и искусства, среди которых А. Пушкин, А. Чехов, И. Айвазовский, А. Грин, М. Волошин, Ф. Шаляпин, М. Горький, А. Ахматова и др. Именно здесь они черпали вдохновение, новые идеи, обменивались духовным опытом, внося неоценимый вклад в развитие русской культуры как важнейшей составляющей российской и мировой цивилизации.

Примечательно то, что мы сегодня наблюдаем воздействие Крыма на цивилизационную парадигму России и в перспективном дискурсе. На крымской земле возрождаются традиции развития творческого потенциала молодёжи России, формируются не только профессиональные навыки, но и вкусы, эстетические предпочтения и нравственные установки молодого поколения. Яркий пример этому — Всероссийский фестиваль «Дети России», который проводится в Севастополе; фестиваль «Таврида.АРТ» в Судаке, ставший платформой для творчества молодых деятелей культуры и искусства и развития творческой индустрии и т.п.

Важнейшими мероприятиями патриотической направленности, в которых активное участие принимает молодёжь Крыма, являются молодёжный межнациональный форум «Россия — это мы», форум «Сила в правде», проект «Без срока давности» и акция «Свеча памяти» в память о геноциде советского народа, концерты «Мы наследники Победы!» и другие.

Вместе с тем, исторические процессы, связанные с отсоединением в своё время Крыма от России, а затем — с воссоединением с ней, обозначили целый спектр проблем, связанных, в том числе, с осмыслением и укреплением российской цивилизационной парадигмы.

Современный Крым и решение его жителей о воссоединении Крыма и России в 2014 году, ставшее, без преувеличения, историческим, и сопряжённое, прежде всего, с культурными основаниями, спровоцировало потребность в проведении чётких демаркационных линий, очерчивающих особенности отечественной цивилизационной парадигмы. Это породило многочисленные дискуссии и исследования проблем идентичности, будущего цивилизации, формирования патриотических настроений, социокультурного единства и т.п.

Всё чаще различными экспертами признаётся факт осуществления попыток внешнего воздействия не только на политическую и экономическую, но и гуманитарную сферу России, на межэтнические и межконфессиональные отношения, что, в случае отсутствия своевременного контроля и осмысления происходящих процессов, может стать побуждением к принятию решений, которые могут негативно отразиться на дальнейшем пути развития России, привести к разрушению цивилизационного

14 Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

кода, обернуться потерей национальной идентичности¹⁵.

Идентичность сама по себе предполагает, с одной стороны, отождествление человека с определённой социокультурной группой, с другой — отчётливое понимание того, к какой группе он не относится. Это касается и цивилизационной идентичности — и жители Крыма своим решением дали однозначный ответ на упомянутые вопросы. Яркая выраженная идентичность крымчан подняла проблему ценностных ориентиров на уровень цивилизационного определения.

Ввиду последних исторических событий с новой силой инициировались поиск, отстаивание и защита цивилизационной уникальности России, для цивилизационной парадигмы которой свойственны полиэтничность и поликонфессиональность¹⁶, что, в частности, отмечается и в культурно-цивилизационной идентичности крымчан. Принятие произошедших политических изменений народом Крыма — носителем российской культуры — актуализировало ряд цивилизационно значимых вопросов, решение которых в нынешних обстоятельствах является неперемennым фактором укрепления нашего государства. Прежде всего, это вопросы о ценностях, представляющих онтологическую важность и обеспечивающих сплочение этносов; особенностях развития современной российской духовной культуры; направлениях и принципах государственной культурной политики, обеспечивающей устойчивые позиции России как цивилизации и исторического субъекта.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно говорить о сформированности российской цивилизационной парадигмы, содержащей ценности общенационального характера, способные объединить представителей различных культур в едином цивилизационном пространстве.

Список литературы

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. Т.3. Время мира / Ф. Бродель. Москва: Прогресс, 1992. 679 с.

2. Ефимова П.Р., Скляр Л.Н. Парадигмы и перспективы цивилизационного будущего России / П. Р. Ефимова, Л. Н. Скляр // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 82–1. С.68.

3. Круглый стол в преддверии XXXI ассамблеи СВОП «Россия как цивилизация цивилизаций» (итоги) / Журнал «Россия в глобальной политике». URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czivilizacziya-czivilizaczij/> (дата обращения: 17.04.2024).

4. Маслин М.А. Эволюция евразийской идеи / М. А. Маслин, А. А. Лупова // Русское зарубежье. 2014. №3. С. 17–75.

5. Межуев В.М. Российская цивилизация — утопия или реальность? [Электронный ресурс] / В.М. Межуев. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4952> (дата обращения 26.03.2024).

6. Послания старца Филофея. 1523–1524 гг.// сайт музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13626> (дата обращения: 24.04.2024).

7. Сердобинцев К.С. Россия — Европа? Анализ цивилизационных парадигм / К. С. Сердобинцев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 112.

8. Старостин А.М. Цивилизационная парадигма в политической науке: многовариантность моделей в контексте цивилизационной безопасности / А. М. Старостин, Д.А. Жуковский // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2015. №3. С. 75–81.

15 Остапенко С. М. Цивилизационная парадигма России и становление культурной идентичности личности / С. М. Остапенко // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48. № 3. С.591–602

16 Там же.

CRIMEA IN THE CIVILIZATIONAL PARADIGM OF RUSSIA

Gorenkin Valeriy Anatolevich,

pHd in political science, rector of
Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Kievskaya str., 39, 7,
Simferopol, Russia, 29501,
mk.kukiit@mail.ru

Gasparyan Lyudmila Sergeevna,

pHd in political science, the
Head of the Department of Postgraduate
and Master's Studies of
Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Kievskaya str., 39, 7,
Simferopol, Russia, 29501,
llukashevich@mail.ru

Reznik Oksana Vladimirovna,

DSc in philology, professor, Professor of the Department of Social-Humanitarian
Disciplines of Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Kievskaya str., 39, 7,
Simferopol, Russia, 29501,
oreznik2005@yandex.ru

Abstract

The article examines the features and cultural foundations of the Russian civilizational paradigm and the role of Crimea in its composition. The authors proceed from the fact that the civilizational paradigm defines the corresponding culture and represents a system of ideological movements, ideas, views and beliefs characteristic of a short-term historical period. It is noted that it was the reunification of Crimea and Russia in 2014, which became the most important civilizational event, and associated primarily with cultural grounds, that raised questions regarding the features of the domestic civilizational paradigm and its role in ensuring civil identity, national consolidation and state security.

Keywords

Civilization, civilizational paradigm, culture, values, identity.

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/ИИ.2024.47.4.006

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СВЕТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А. С. ХОМЯКОВА ОБ ИРАНСТВЕ И КУШИТСТВЕ

Васильев Глеб Евгеньевич,
кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, д.2, г. Москва, Россия, 129366,
gleb.negin@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются основные тенденции и целеполагание идеологии трансгуманизма; основные вызовы и угрозы для человека и общества, связанные с осуществлением трансгуманистической парадигмы в современном мире. Данные тенденции рассматриваются автором в их соотношении с концепцией отечественного философа А.С. Хомякова, его учением об иранстве и кушитстве: как о двух фундаментальных культурных и религиозных моделях отношения к человеку и обществу.

Ключевые слова

Трансгуманизм, свобода, субъект, творчество, культура, человек, иранство, кушитство.

«...сравнение вер приводит нас к двум коренным началам: к иранскому, т.е. духовному поклонению свободно творящему духу или к первобытному высокому единобожию, и к кушитскому — признанию вечной органической необходимости, производящей в силу логических неизбежных законов...» (А.С. Хомяков «Семирамида...»)¹

«...Человек, как существо мыслящее, попал в двойное инферно — для тела и для души...» (И.А. Ефремов «Час Быка»)²

В настоящее время *трансгуманизм* является основополагающим идеологическим мейнстримом глобальных элит. *Трансгуманизм* — это религиозно-идеологическая парадигма, предполагающая преодоление (фундаментальное изменение) человека посредством новейших НБИК-технологий (нано-, биогенетических, информационных и когнитивных).

Трансгуманизм предполагает дополнение человека вышеуказанными технологиями: сюда можно отнести и редактирование генома, и бионическое протезирование, и непосредственное соединение мозга человека с компьютером, «искусственным интеллектом» («биоинформационная конвергенция»), и наночипирование, и применение разно-

1 Хомяков А.С. Сочинения, в 2-х тт. М.: Медиум, 1994. / т. 1. – с. 442

2 Ефремов И.А. Час Быка. М.: Эксмо, 2009. – с. 50.

образных ноотропных и психотропных веществ, и погружение в виртуальную метавселенную, крионика и т.д.

Все эти технологические новшества, используемые в русле трансгуманистической парадигмы, предполагают *преодоление* человека, его личного состояния, избавление человека от его страданий, от немощи, предполагают расширение его возможностей и способностей и в физическом, и психическом, и в ментальном отношениях, вплоть до обретения им своего рода «бессмертия» (после достижения так называемой «*сингулярности*», — здесь, осуществлённой возможности переноса информации из смертного человеческого мозга на «бессмертный» информационный носитель глобального сетевого суперкомпьютера, глобального, вплоть до вселенского масштаба, «искусственного интеллекта»).

По существу, человек здесь, действительно, *преодолевается*. Это понятно уже из самого названия — «трансгуманизм»: приставка (лат.) «trans-» — означает «через», «насквозь», «переступить», «переходить». То есть, буквально, *трансгуманизм* есть «переход через человека», «переступание за человеческое».

В трансгуманизме стирается основополагающая характеристика человека — его *свобода*. *Свобода* — как раскрывающаяся возможность творчества. При этом, важно указать на то, что свобода человека, вообще, изначально признаётся в русле парадигмы трансгуманизма *иллюзией*, *фикцией*. И вот этот момент — уничтожение «свободы» человека — в трансгуманизме ключевой.

Разумеется, возможен резонный вопрос: а почему вы полагаете, что осуществление трансгуманистических тенденций уничтожает (стирает, подавляет напрочь) свободу человека? Разве человек, заполучив все эти сулимые трансгуманистической идеологией новшества и блага, напротив, не приобретает некие новые, невиданные доселе возможности как физические, так и психические, ментальные? Разве человек, приобретая всё это, не становится свободнее в отношении природной, давящей его необходимости?

Да, разумеется, приобретает, и, разумеется, становится сильнее, мощнее; однако он, человек, именно теряет таким образом, сам того не замечая, себя, свою свободу, свою субъектность.

Ведь чем больше человек приобретёт подобного толка новшеств и благ, новых возможностей и способностей, тем более все эти нов-

шества и блага, все эти новые возможности и способности исподволь овладеют человеком, —учитывая то, что человек подсоединяется к некоему суперкомпьютеру, «супермозгу», великому «искусственному интеллекту»; и этот «искусственный интеллект», в любом случае, уже будет владеть человеком, людьми, человечеством, будет его контролировать и, в режиме онлайн, диктовать ему (и человеку, и человечеству), что ему, им всем, делать.

Это будут уже не люди, а существа, напрочь лишённые свободы, свободы выбора, в подобном режиме существования они, в скорой перспективе, уже просто лишатся вообще своей «слишком человеческой» способности мыслить. Потому как способность к мышлению, источник которого — в сомнении, как только тут проявится, раскроется — так сразу, неизбежно, вступит в конфликт и противоречие с «искусственным интеллектом», к которому они все подсоединены. В конфликт и противоречие с заведомо известным исходом, — проигрышным для человека, для его мышления, для его крамольно вдруг проклюнувшейся мысли, его сомнения.

Мысль, мышление, сомнение, мучительная свобода выбора человека — здесь, по определению, предстанут, предстают, как нечто крамольное, как то, чего не должно быть, а иначе, в таком режиме существования, невозможно.

Впрочем, человек лишается в трансгуманистическом мире своей свободы даже и без прямого и непосредственного подсоединения себя к суперкомпьютеру.

Дело в том, что человек, вообще, как свободное существо, всё время находится в некоем, — то сам осознавая это, то не осознавая, — противостоянии с давящей его природной необходимостью, выражающейся в его физиологических потребностях (в необходимости их удовлетворения), в его боли и страданиях (зачастую, беспросветных), в его страстях и страхах, в его болезнях и немощах, в его смертности, наконец, в его сопереживании страданиям и смертности других людей; и именно в этом непрерывном противостоянии с природной необходимостью человек выковывается, закаляется, *становится человеком* в более-менее полном смысле этого слова: как свободное существо.

В трансгуманистической парадигме ко всей этой давящей мощи природной необходимости добавляются ещё такие искусственные орудия,

которые, дополнительно и всевластно, овладевают человеком. Хотя, казалось бы, по задумке своей они должны, напротив, облегчить человеку жизнь, преумножить его возможности и способности. И они, действительно, возможности и способности его и физические, и ментальные вроде как преумножают, — но, собственно, человека, как субъекта, как личность, как свободного существа, они, напротив, подавляют, обнуляют.

Техническая Мегамашина (в терминах Л. Мамфорда)³ становится всё больше и мощнее, а человек обращается здесь, неизбежно, в её придаток, инструмент и функцию. Человека, как личности, как субъекта, как свободного существа, становится всё меньше, а Системы, Мегамшины, «цифрового» Левиафана (в терминах И. Шнуренко),⁴ довлеющего над этим человеком — всё больше; пока, наконец, и очень скоро, человек обнуляется: стирается, нивелируется как субъект, как личность, как свободное существо.

В этой Системе остаётся, по существу, только один *единственный субъект и потенциальный «творец» — «искусственный интеллект»* (ИИ); а человек, ставший отныне его безликим придатком, лишённый всех вышеуказанных характеристик, творцом и субъектом быть перестаёт в принципе.

Человек обращается в *средство и инструмент* этого ИИ. Более мощные во многих отношениях нежели нынешний человек, — но сугубо уже средство и инструмент.

Важно заметить, что уже современный человек, точнее его, конечно, назвать — *массовый индивид*, столкнувшись сегодня с таким новым феноменом как *виртуальная реальность*, уже, по существу, *определяется, в своём мировоззрении этой новой реальностью, зачастую уже вопреки своим интересам, своей физической реальности*. В трансгуманистической перспективе, в перспективе замещения своего тела, в самом широком смысле, новейшими технологиями, он, современный массовый индивид, вообще *потеряет окончательно свою субъектность и личность, своё самосознание*, и что тут важнее всего — утратит свою свободу и, значит, свою способность творить. Зато, по крайней мере поначалу, ему и неко-

торым «избранным» будет «комфортно», «удобно» и «безопасно».

По существу, мы *потеряем человека* и, действительно, войдём в совершенно *новую реальность — постчеловеческую*.

Современный человек оказался *категорически не готов к своему бытию-в-мире новейших информационных технологий*. Не готов ни нравственно, с одной стороны, ни интеллектуально, с другой стороны, и не соответствует по своим вышеуказанным характеристикам тем вызовам и угрозам, которые несут с собой эти технологии, «преобразующие» по своему образу и подобию этот мир и человека в нём.

Современный массовый индивид, представляющий собой довольно низкого, в своей основной массе, нравственного и интеллектуального уровня существо, попадая в такого рода систему, в такого рода мир, элементарно и неизбежно обращается в функциональный придаток «цифровой» мегамшины, в объект манипуляций и перепрошивки.

В этой связи можно указать на бытующее крайне наивное представление о том, что в прежние времена люди тоже с опасением и даже враждебно относились к техническим новшествам, — вспомним тех же луддитов (нач. XIX в.), — однако ведь ничего страшного не случилось, и все эти технические новшества де только пошли на пользу людям.

Однако данное сравнение весьма хромает (представляет собой, по сути, *ложное сравнение*) — в осуществляемой ныне трансгуманистической парадигме, в сравнении с техническими новшествами прошлых времён, есть *принципиальная разница*. Дело в том, что если технические изобретения прошлого являлись лишь изобретениями различных инструментов, орудий, которые были внешними человеку, которые человек использовал по своему усмотрению, в своих целях и интересах (другой вопрос, как именно он их использовал), то трансгуманистические новшества касаются непосредственно, и прежде всего, самого человека, его природы, особенно, если понимать природу человека как его способность к саморазвитию, к самосозиданию, к творчеству себя.

Технические новшества трансгуманистического толка *кардинально меняют* собственно *человека*; меняют, по существу, уже *изнутри*; и тем самым овладевают человеком; и перспектива этого овладения предполагает не-

3 См. Мамфорд Л. Миф машины. М.: Логос, 2001. – 408 с.

4 См. Шнуренко И. Убить Левиафана. М.: Наше Завтра, 2021. – 506 с.

избежное стирание человека, собственно, как человека, как субъекта, как личность, как свободного существа; предполагает *замещение его всеми этими новшествами*, во всей их совокупности, — *управляемыми* неким «интегральным искусственным интеллектом».

Что касается современного массового индивида, то он уже, безо всех этих вышеуказанных высокотехнологических новшеств, с одной стороны, представляет собой *придаток виртуальной реальности*, а с другой стороны, — *придаток бюрократической системы* (бюрократической мегамашины).

Подробный разбор проблематики *бюрократии* — это отдельный большой разговор, — здесь же отметим только то, что бюрократическая система, ныне безудержно раздувающаяся и всё тотальнее подавляющая человека, имеет две ключевые характеристики: во-первых, она работает отнюдь не на общественные интересы, не на интересы подвластного ей общества и людей, не на интересы отдельного человека, а *на собственные (корпоративные) интересы*, и эти её интересы *кардинально расходятся с интересами общества*; а во-вторых, эта система работает не по содержанию заявленных целей и проблем, а, с одной стороны, *по указаниям начальства* и, с другой стороны, *по своим инструкциям и «законам»*, сугубо *формально*, — очевидно, что такого рода режим её работы, опять же, категорически расходится с интересами общества и людей, реализуя интересы и целенаправление самой этой системы, её «начальства» и её членов-винтиков.

Соответственно, подобный режим работы бюрократической системы обеспечивает (по возможности) отсутствие реальной ответственности её членов-винтиков на всех уровнях, а также обеспечивает *специфический отрицательный отбор* внутри неё: отбор наиболее безликих, сугубых исполнителей, *безнравственных* по сути своей существ, лишённых какой-либо эмпатии (например, способных выполнить любое указание начальства, даже самое безнравственное, или тупо исполнить инструкцию, пусть даже её исполнение приведёт к гибели людей или к иному общественному ущербу).

Необходимо учитывать, что современная бюрократическая система власти, в рамках капиталистической формации, неизбежно *обеспечивает интересы правящего класса — олигархии*, и сама, так или иначе, на своих вершинах

сливается с этим правящим классом, реализуя *целенаправленное подавление и эксплуатации общества*. Такого толка система будет в своих целях и интересах *сама создавать, раздувать и воспроизводить* определённые проблемы, чрезвычайные ситуации, катастрофы и бедствия, дабы, под этим предлогом, отнимать у населения остатки его прав и свобод, стремясь к своей тотальной власти над этим населением, над подвластным обществом.

Современный человек, которому сегодня предлагается весь спектр трансгуманистических соблазнов, уже весьма подавлен бюрократической системой; а что случится, когда вся эта система, её власть, будет подкреплена и обеспечена всеми техническими трансгуманистическими новшествами: от тотального биометрического контроля, до вживлённых наночипов и прочее.

Подавляющая масса населения Земли при этом неизбежно, с учётом вышеозначенных основополагающих характеристик нынешней наличествующей социально-экономической и бюрократической системы, при слиянии правящей олигархии и бюрократии, окажется под тотальным контролем, и более того — под непосредственной возможностью со стороны этой Системы («цифрового» Левиафана) прошивать и перепрошивать «мозги» этой массы населения в соответствии с целями этой Системы, а по существу — уже «искусственного интеллекта» («Большого Брата», в терминах Д. Оруэлла⁵).

Приведём прозорливое, в этом отношении, замечание И.А. Ефремова (из его романа «Час Быка»): «...не допускать мирового владычества олигархии — фашизма или государственного капитализма. Тогда над нашей планетой захлопнулась бы гробовая крышка полной безысходности inferнального существования под пятой абсолютной власти, вооружённой всей мощью страшного оружия тех времён и не менее убийственной науки...»⁶.

В самом простом виде это новое грядущее трансгуманистическое «общество» (написано в кавычках, потому как общества, в сколь-либо полном смысле этого слова, тут уже не будет, поскольку не будет уже, собственно, людей как свободных существ, как личностей) можно бу-

5 См. Оруэлл Д. 1984. Скотный двор. М.: АСТ, 2016. – 384 с.

6 Ефремов И.А. Час Быка. М.: Эксмо, 2009. – с. 51.

дет представить следующим образом: 1) высший этаж — это «элита» (олигархия и высшая бюрократия), чьи определённые способности и возможности, действительно, окажутся весьма преумножены новейшими трансгуманистическими технологиями; и 2) нижний этаж — основная масса населения, — находящаяся под тотальным контролем и чьи некоторые способности тоже вроде как окажутся преумножены трансгуманистическими технологиями, но существовать эта масса уже будет лишь в качестве «служебных существ», «исполнителей», обращённая в безликий рой, в совершенно бездумно подчиняющийся командам-сигналам «Большого Брата».

Верховное управление в такой системе, по существу, будет осуществляться «искусственным интеллектом», а «элита», как она предполагает, будет только наслаждаться жизнью, своими новыми возможностями, в том числе — возможностями извлекать новые удовольствия, передавая все функции управления упомянутому «искусственному интеллекту».

Сегодня «первые ласточки» такого рода грядущей Системы уже проявляются, например, в современных внедряемых моделях «социальных рейтингов». В такого рода системных моделях, — «социального рейтинга», — всё население уже находится под *тотальным биометрическим контролем* и оценивается в своём поведении «искусственным интеллектом» («цифровым» Большим Братом). И соответственно, те подконтрольные существа (их уже сложно называть людьми, и потому — «существа»), которые оцениваются «высоко», которые исполняют все предписания Большого Брата, могут рассчитывать на те или иные бонусы, например, на те или иные удовольствия или на продвижение по служебной лестнице; а те, кто «плохо», с точки зрения Большого Брата, себя ведёт — тот лишается тех или иных удовольствий, может даже понести то или иное наказание, а в пределе — вообще, оказаться устранённым из жизни (например, отключённым от «цифровой валюты», от своего «единого кошелька», т.е. лишиться всех средств к существованию с вполне предсказуемым исходом: либо покаянного исправления, либо — гибели).

В такого рода системе очень неплохо устроятся как раз те, у кого вообще нет никакой личности, никаких нравственных чувств и терзаний, никакой совести; в такой системе неплохо устроятся те, у кого нет лица, а есть только личина, кто

способен подстроиться под любые требования Большого Брата: лакеи, по сути своей, холоуи, лиценеры, и уж тем паче — стукачи.

Это система явно *отрицательного отбора*. А те, кто даже в этих ужасных условиях «социального рейтинга» и иных подобных трансгуманистических «цифровых» нововведений ещё останутся Людьми, попытаются остаться Человеками, они, в самом лучшем случае, станут прозябать на нижних этажах этого «рейтинга» в качестве неких маргиналов, изгоев и, в конце концов, рано или чуть позже, просто исчезнут, «вымрут».

Подобного толка система «социального рейтинга», вполне логично вытекающая из привычной современной модели бюрократической системы, — стремящейся, с одной стороны, к *своей тотальности*, а с другой, к *своей полной безответственности*, — становится, по существу, и тотальной, и совершенно *безответственной*, поскольку все решения принимаются здесь «искусственным интеллектом», в автоматическом режиме, и тут даже некому уже предъявить обычному человеку свои претензии; вся вина тут, априори, перекладывается сугубо на подвластное население, и это население, каждый из его членов, становится заведомо *всегда виновным*; а Система — напротив, не виновна никогда.

Эта система тотального контроля и подавления человека в терминах А.С. Хомякова, может быть названа *кушитской*.

Русский философ XIX века А.С. Хомяков, раскрывая суть тех или иных культур и религий прошлого, определил две модели, — по существу, два полюса, два регистра существования этих культур и религий, назвав их, эти полюса, условно: *иранством* и *кушитством*.

Ключевая точка различия этих двух путей формирования жизни общества, его культуры и религии, есть *точка различия свободы и необходимости: как двух основополагающих типов отношения к человеку и миру*, в целом.

Иранство — названо им так в связи со специфическими религиозными началами древнего Ирана (зороастризм), — предполагает человека в качестве *свободного существа, творца*; аналогично и высший *Бог* (Ахура-Мазда) полагается, как *свободный творец*. *Иранское начало* зиждется на первичности *духовного начала*; на признании *духовного начала* в человеке и, значит, на уважении к человеку, к духовному, творческому началу

в нём, на уважении к личности человека, к его свободе. Отношения человека и Бога выстраиваются на принципе свободного выбора человека. Соответственно, и общество выстраивается на основе указанных отношений к человеку (т.е. на основе признания его свободы).

Кушитство — названо в соответствии с Кушитским царством, располагавшимся (в I тысячелетии до н.э.) выше древнего Египта по течению Нила. *Кушитский принцип*, по А.С. Хомякову, предполагает торжество *природной необходимости*; человек представляется в качестве существа, которое подчинено этой необходимости, напрочь *подавлено* ею, подавлено страхом перед ней, страданиями от неё; соответственно, и государственная система выстраивается сугубо как некая гигантская машина («Мегамашина»), давящая своей железной необходимостью, а человек предстаёт лишь в качестве *средства* для целей этой системы, в качестве её «винтика», *инструмента и жертвы*⁷.

Разумеется, иранство и кушитство есть лишь, используя терминологию М. Вебера, *идеальные типы, мировоззренческие полюса*, и каждая конкретная религия, каждая конкретная социокультурная система является смешанной, содержащей в себе, неизбежно, и иранское, и кушитское начала; однако каждую отдельную культуру и религию, каждое конкретное общество, можно всегда определить и оценить относительно того, какое начало в нём имеет *преимущество*, какое является *определяющим*: иранское или кушитское.

Очевидно, что современное общество, с торжеством в нём, с одной стороны, вышеописанной *бюрократической системы* управления, пытающейся захватывать под свой контроль всё больше сфер общественного и личного бытия людей, а с другой стороны, — с наличествующей в этой общественной системе *капиталистической* формационной социально-экономической моделью, которая, по определению, представляет *человека как средство извлечения прибыли, прироста капитала*, как средство эксплуатации, — наше современное общество есть общество вполне *кушитского толка*.

Какие-либо *иранские* начала в нём существуют ещё лишь потому, что человек и общество

не полностью охвачены капиталистическими, отчуждающими человека, отношениями, с одной стороны, и тотальным контролем бюрократической машины, с другой стороны.

Однако, наличествующие тенденции движутся явно *в направлении тотализации* этого контроля в русле намечающегося трансгуманистического «преображения» человечества.

Трансгуманистическое «преобразование» обеспечит бюрократической системе, действительно, *тотальный контроль* над подвластным ей населением, обратив его, это население, в полностью послушный дрессированный *рой*, с которым эта система, — причём, здесь, уже совершенно обезличенная, безответственная и отдавшая всё на откуп «искусственному интеллекту», — сможет отныне делать всё, что угодно. Капиталистическая формационная модель, ныне находящаяся в своей терминальной фазе, тоже переходит в следующую *формационную* модель, условно именуемую мной «*цифровым паноптикумом*», власть в которой будет воспроизводиться не на основе воспроизводства капитала, а на основе Больших Данных, т.е. полной информации о всех и каждом, во всякий момент времени, с возможностью со стороны управляющей системы по своему усмотрению совершать над *обезличенным* подвластным существом, подключённым к Сети-Системе «искусственного интеллекта», всё, что угодно.

Однако и «элита», совершив свой *трансгуманистический переход*, подсоединившись к «божественному» «искусственному интеллекту», ничем принципиально уже не будет отличаться от массы, в плане сохранения тех или иных человеческих («слишком человеческих») качеств, как то: свобода воли, выбора, мысли, а будет подчинена глобальному «цифровому» Левиафану и станет бездумно исполнять его античеловеческий программный управленческий сценарий.

Иными словами, *кушитская* тенденция достигает в системе осуществлённого трансгуманизма своего совершенства, своего *тотального торжества и триумфа*.

Такие иллюзии, столь мучительные для человека, как свобода выбора, свобода воли, самосознание, совесть будут в трансгуманистической глобальной матрице окончательно стёрты, и человек, — точнее, уже существо принципиально иного толка — *постчеловек*, — обретёт тут своё «счастье».

7 См. Хомяков А.С. Сочинения, в 2-х тт. М.: Медуум, 1994. / т. 1. — 591 с.

«Мы сделаем вас счастливыми⁸...»

Ко всему вышесказанному, сегодня добавляется такой немаловажный фактор, — на который очень редко обращают внимание, а он, действительно, весьма важен, — *торжествующая и нарастающая бессмыслица* человеческого существования. И это отсутствие высшего смысла своего существования толкает человека к *самозабвению*, к бессознательному растворению в Системе «цифрового» паноптикума, человеиника, полностью его поработавшей.

Современное общество — общество *Постмодерна*. Этому его состоянию долгое время предшествовал культурно-исторический *Модерн*, — с его *линейной временной перспективой*; и соответственно, *историческое восхождение человека и общества*, их развитие и совершенствование, — и научно-техническое, и социальное, и экономическое, и гуманитарное — имело своей целью некое *светлое будущее*, по крайней мере — некое лучшее время, нежели наличествует сейчас. Культурно-исторической перспективе Модерна свой образец подарил *христианство*, — с его эсхатологической перспективой Второго Пришествия, тысячелетнего царства и Страшного Суда с последующим воскресением. Иначе говоря, человеческое существование, преисполненное страданиями, физическими и моральными, несправедливостью, ужасами, лишениями, болезнями, смертью, скрашивалось и преодолевалось неким высшим смыслом — Божьей милостью. Тем, что Бог, в итоге, всё рассудит по справедливости и с любовью и утрёт все слёзы; а в различных концепциях Модерна, — наиболее ярко проявил себя в этом плане, марксизм, — тем, что в некоем, вот уж вполне обозримом будущем человеческие страдания будут силами науки и самосовершенствованием человека преодолены, и общество станет более справедливым.

Таким образом, гуманистические идеологические концепции Модерна позволяли человеку преодолевать мучительные страдания жизни, её бессмыслицу, её несчастья, ложь и несправедливость, придавали всему этому ужасу и хаосу существования высший смысл; — например, в христианстве страдания — это повод восхождения человека, его духовного совершенствования, спасения души.

В дохристианских мировоззренческих культурных моделях время полагалось *циклическим*, описывался некий *золотой век* (лучшее время), когда люди и боги были значительно ближе друг к другу. Безмерные страдания жизни преодолевались людьми и заклинались ими посредством определённых повторяющихся ритуалов, отсылающих человека к порядку божественного, к божественным первообразам, к предкам, представляя человеку все его страдания, как имеющие некий изначальный высший смысл; а этот мучительный и несправедливый мир, в будущем, когда время завершит этот свой цикл, окончательно погибнет и вновь возродится, но в новом, уже более светлом и прекрасном, «золотом», виде, в новом своём цикле.

В современной же социокультурной системе *высшие смыслы Модерна* уже утрачены; никакого «светлого будущего» с перспективой восхождения к нему человека и общества в обозримом будущем уже не предполагается и не предвидится; *тьма Инферно*, накрывшая современный мир, становится всё более *беспросветной*; торжествует *вопиющая бессмыслица* существования и человека, и общества. Подлинное христианское миропонимание сходит на нет, перестаёт быть актуальным. Хотя, ввиду явно надвигающейся апокалипсической перспективы «цифрового» царства Антихриста, оно ещё иногда проблёскивает, искрит, пытается сопротивляться надвигающейся Тьме.

Именуемые традиционными, представляющими время циклическим, помещающими «лучшие времена» в далёкое прошлое и воспроизводящими определённые традиции и ритуальные образцы мировоззренческие модели сегодня тоже мало актуальны. По существу, после эпохи Модерна такого рода модели вообще выглядят анахронизмом, атавизмом, чем-то вроде социально-гуманитарной деградации, и их уже трудно представить в качестве действительных и перспективных для относительно больших групп населения.

Современный человек, массовый индивид, сегодня, в системе Постмодерна оказался в ситуации *беспросветной бессмыслицы* своего существования. И *единственным выходом* из подобного состояния при особо острых столкновениях с мучительной действительностью является *окончательное забвение себя*, окончательная заглушка своего самосознания, своей личности, своего «Я». Подобного рода пафос самозабвения в истории

8 Фраза роботов в фильме "Отроки во Вселенной"

реализовывался людьми в дионисийских культах, культах слияния со стихией природы, связанных с различными видами и способами опьянения. Ныне же, природа, её стихия замещена некоей технотронной реальностью, реальностью виртуальной, *самозабвение же предполагается человеком в слиянии с новой «цифровой» реальностью*, например, погрузившись в свою игровую «метавселенную». Эта «цифровая» система предоставляет несчастному индивиду и совершено новые его возможности, и способности, и окончательно делает его «счастливым». И мы опять приходим к *торжеству кушитсва*, только на новом витке господства тотальной необходимости над человеком, но не природной необходимости, а *необходимости технотронной, искусственной, виртуальной, подменившей собой «природу»*.

Единственным конструктивным и позитивным возможным выходом из сложившейся ситуации является именно *иранский*, в терминах А.С. Хомякова, путь, *путь восхождения человека*, на новом витке истории, с актуализацией высших смыслов человеческого восхождения, светлого нового образа будущего для *повзрослевшего* человечества, с приобретённым опытом прошлого, осознания и осмысления прошлых ошибок, на основании признания высшей ценности человеческой свободы, на основании человеческого творчества и самосозидания, и разумеется, в социальной парадигме более справедливого бесклассового общества, без рабов и господ.

При реализации наличествующих нынешних глобальных трансгуманистических тенденций мы неизбежно придём к торжеству, в тер-

минах А.С. Хомякова, системе *глобального человека*, системе Великого Инквизитора (описанной Ф.М. Достоевским),⁹ — только на месте Великого Инквизитора будет ещё более бесчеловечный и холодный правитель — «искусственный интеллект» в системе «цифрового» паноптикума, действительно, «благополучно» очистившего планету от людей в сколь-либо полном смысле этого слова.

Список литературы

1. Васильев Г.Е. Встань с колен — и сам иди. Словарь философии власти. М.: Ваш Формат, 2023. — 410 с.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Советская Россия, 1987. — 832 с.
3. Ефремов И.А. Час Быка. М.: Эксмо, 2009. — 228 с.
4. Катасонов В.Ю. В начале было слово, а в конце будет цифра. М. Издательский дом Тион, 2023. — 672 с.
5. Катасонов В.Ю. Читая Шваба. Инклюзивный капитализм и великая перезагрузка. Открытый заговор против человечества. М.: Книжный мир, 2021. — 320 с.
6. Оруэлл Д. 1984. Скотный двор. М.: АСТ, 2016. — 384 с.
7. Мамфорд Л. Миф машины. М.: Логос, 2001. — 408 с.
8. Хомяков А.С. Сочинения, в 2-х тт. М., 1994.
9. Шнуренко И. Убить Левиафана. М.: Наше Завтра, 2021. — 506 с.
10. Schwab K. Malleret T. Covid-19: The great reset. Geneva: Forum publishing, 2020. — 213 с.

9 См. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Советская Россия, 1987. — 832 с.

MODERN TRANSHUMANISTIC GLOBAL TRENDS IN THE LIGHT OF A.S. KHOMYAKOV'S CULTURAL AND HISTORICAL CONCEPT OF IRANISM AND CUSHITISM

Vasiliev Gleb Evgenievich

Ph.D., Assoc.

Senior Researcher, D.S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Heritage
named after D. S. Likhachev,
Kosmonavtov str. 2, 129366 Moscow, Russia,
gleb.negin@mail.ru

Abstract

The article reveals the main trends and goal-setting of the ideology of transhumanism; it also reveals the main challenges and threats to man and society associated with the implementation of the transhumanist paradigm in the modern world. At the same time, these current trends are considered by the author in their correlation with the concept of the Russian philosopher A.S. Khomyakov, his teachings on Iranism and Cushitism: as about two fundamental cultural and religious models of attitude towards man and society.

Keywords

Transhumanism, freedom, subject, creativity, culture, man, Iranism, Cushitism.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2024.47.4.007

МЕЖДУПАРТИЙНЫЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (часть 2)

Рыбак Кирилл Евгеньевич,
доктор культурологии,
ассоциированный научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366,
kvr1482@gmail.com

Избачков Юрий Сергеевич,
соискатель,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366,
strax5@list.ru

Контрастом к делу Цубербиллер выглядит дело по обвинению присяжного поверенного И.И. Филиппова в участии в Московском комитете Междупартийного Красного Креста¹.

В отношении Ивана Ивановича Филиппова у охранного отделения имелись агентурные сведения о его принадлежности к народно-социалистической партии (энесы). 24 февраля 1909 года в ходе обыска у него были изъяты партийная литература, открытки с фотографиями революционеров (Мазуриной, Измайлович, Кропоткина, Спиридоновой), переписка, указывающая на участие его в книгоиздательстве «Молодая

Россия», 75 экземпляров гектографированного «Отчёта Московского Комитета междупартийного Красного Креста» с января по 1 февраля 1909 года², выполненное машинописным способом письмо Красного Креста политическим заключённым в Таганской тюрьме по поводу деятельности этой организации, записка «От кружка каторжан», три расписки некой Ивановой в получении денег для Новинской каторжной тюрьмы, расписка Артемьевой в получении 5 рублей для второго Арбатского участка, Моисеевой в получении 10 рублей.

1 ЦГА Москвы. Ф.142. Оп.1. Д.556. В архивном деле есть как судебное дело, так и предварительное следствие.

2 Упомянутые в этом отчете суммы говорят об оборотах Междупартийного красного Креста – собрано средств: 2782 рублей 34 копеек, израсходовано за месяц 740 рублей 23 копейки.

Допрошенный в качестве обвиняемого 5 августа 1909 г. Филиппов³ объяснил, что найденные у него отчёты и нелегальная литература не его, а оставлены в его отсутствие неизвестным ему лицом. Обнаружив их, он положил их в портфель, желая расследовать, кем именно они оставлены. Письмо заключённым, постановления и известия народно-социалистической партии он нашёл в дверном почтовом ящике, и положил в карман, желая в дальнейшем с ними ознакомиться. Насчёт расписок он не припомнил, откуда они у него появились. В отношении других бумаг он пояснил, что они касаются ведения дел его клиентов или его коллег.

Сравнение почерка не проводилось, обозначенные инициалами в письмах и заметках лица не были установлены, граждане, прямо указанные в записках, не были установлены и допрошены, даже несмотря на указание прокурора, отправившего дело на следствие.

То, что указанные печатные материалы были обнаружены в портфеле Филиппова на его письменном столе в его доме, а письмо Красного Креста политическим заключённым в Таганской тюрьме вместе с партийными постановлениями обнаружены в кармане его пиджака являлись вполне достаточными доказательствами для его осуждения за участие в заведомо неразрешённой организации.

Объяснения Филиппова, хоть и выглядят убедительно, но были подтверждены его коллегами, которые на суде показали, что к нему часто приходили неизвестные лица, а его письмоводитель Жарова прямо показала, что в день обыска к нему приходил какой-то неизвестный человек, принёс сверток, положил на стол и ушёл, не назвав фамилии, именно этот свёрток и нашла полиция. Обвинительный акт был составлен 26 августа 1910 года.

В целом, доказательственная база очень похожа на дело Цубербиллеров, однако признательные показания Владимира Цубербиллера оказались более значимыми, чем оправдывающие присяжного поверенного показания его работницы.

Дело рассматривалось без участия присяжных заседателей, что в данном случае могло сыграть существенную роль. В делах Московской Судебной Палаты (вышестоящая судебная ин-

станция по отношению к Московскому Окружному Суду) есть хорошо сохранившаяся сводная отчётность по рассматриваемым делам. Например, в прокурорской переписке с Вологодским Окружным Судом находим статистику оправдания подсудимых: в суде присяжных — 40,6 % приговоров, без участия присяжных заседателей — 19,2 % приговоров⁴.

Если же брать конкретные уголовные дела, рассмотренные Московским Окружным Судом с участием присяжных заседателей, то нередко встречаются случаи, когда присяжные оправдывали даже лиц, задержанных с поличным на месте преступления, которые потом придумывали версии событий, ещё менее правдоподобные, чем версия Филиппова⁵.

Можно отметить, что судебные следователи не вдавались в выяснение связей обвиняемого в революционной среде⁶, а ограничились формальными следственными действиями, достаточными для осуждения исходя из существовавших в то время стандартов доказывания. Прокурор, хоть и отправил один раз дело на следствие, но приложил минимум усилий для ведения дела. Судьи сочли минимальную доказательную базу достаточной для осуждения. По приговору Московского Окружного Суда от 12 апреля 1912 года Филиппова оштрафовали на 100 рублей. При этом производство по делу заняло более трёх лет.

Оценивая эффективность работы системы в целом, следует учитывать агентурную и аналитическую работу корпуса жандармов, сведения о которой применительно к этому делу, к сожалению, не сохранились. Однако можно предположить, исходя из понимания методов их работы,

3 На этот момент Филиппову было 40 лет.

4 ЦГА Москвы. Ф.131. Оп.78. Д.473. Л.278.

5 См, например, дело по обвинению крестьян Анохина Я.С., Шибанова Ф.Е. и Анохина Ф.С. в попытке вооруженного ограбления дачи Боголюбова в дачной местности «Серебряный Бор» (ЦГА Москвы. Ф.142. Оп.1. Д.449).

6 Справедливости ради нужно отметить, что у следователей для этого крайне ограниченный инструментарий. С учетом личностей обвиняемых и их роли в организациях (опытные, мотивированные, занимающие не рядовое положение в структуре, выполняющие узкоспециализированные задачи, знающие, что их обязательно поддержат в сложной ситуации), шансы на успех были не велики, но попытаться стоило.

что наружное наблюдение велось за несколько недель до и после обыска. Кроме того, нужно принимать во внимание затраты на направление многочисленных письменных запросов по местам жительства установленных контактов подозреваемых лиц.

В деле Филиппова видим много усилий, затраченных властями. При этом по характеру и количеству изъятых в ходе обыска материалов, профессии обвиняемого (присяжный поверенный), дающей дополнительные возможности для связи с арестованными революционерами, можем предположить, что он был значимым узлом партийной сети. Принятыми мерами этот узел не был эффективно нейтрализован. Штраф в сумме 100 рублей никак нельзя признать действенной мерой.

Третье дело касается ареста и административной высылки слушательницы М.В.Ж.К. (Московские Высшие Женские Курсы) дворянки Раисы Аполлинариевны Головачёвой⁷.

У нас нет прямых подтверждений её партийной принадлежности в феврале-марте 1912 года. Однако, судя по полицейской «Ведомости о лицах, задержанных и доставленных в отделение по охране общественной безопасности и порядка в гор. Москве с 19-ого по 25-е февраля 1912 г. включительно»⁸, она была членом РСДРП. Из этого документа узнаём, что Головачёва «обыскана по агентурным сведениям, указывающим на участие в группе, имеющей целью помощь политическим каторжанам и ссыльным, и арестована по результатам обыска, подтвердившего изложенные выше сведения. Содержится в порядке охраны».

Часть изъятых в ходе обыска у Головачёвой материалов косвенно подтверждает её приверженность идеологии РСДРП.

Необходимо отметить наличие в ГА РФ большого количества дел, касающихся ареста Головачёвой, включая сохранившиеся вещественные доказательства, которые оказались весьма важными в контексте поставленной нами задачи разобраться в эффективности деятельности правоохранительной системы тех лет⁹.

Итак, 21 февраля 1912 года Головачёва была обыскана и арестована, поскольку подтвердились агентурные сведения полиции о причастности её к революционной деятельности. Среди прочего у неё изъяли бланки почтовых переводов ссыльным. Причём у части переводов были вырезаны или тщательно замараны адресаты. Полиция справилась на почтамте о возможности идентифицировать переводы по номерам квитанций, но там ответили, что корешки квитанций хранятся только один месяц, поэтому установить всех получателей переводов не представляется возможным.

Из сохранившихся нетронутыми квитанций установлено, что Головачёва направляла деньги Александре Прокофьевне Чефроновой (ссыльная в Великом Устюге, на допросе заявила, что Головачёву не знает, документов о связи при обыске в ссылке не обнаружено), Фёдору [Тимофеевичу] Маличу (эсер, ссыльный в Енисейской губернии, был обыскан в ссылке, его связь с Головачёвой не была доказана), Анне Петровне Товбин (ссыльная в Олонецкой губернии), Алексею Ивановичу Герцеву (ссыльный в Олонецкой губернии). Кроме этого жандармы обнаружили у Головачёвой квитанции ещё на 19 переводов с отрывочными данными людей, которых они не смогли установить.

Свидетельница Нина Смирнова показала полиции, что её знакомая курсистка Головачёва действительно помогает политическим ссыльным и каторжным из своих собственных средств, поскольку она зарабатывает уроками больше 100 рублей в месяц. Состоит ли Головачёва в группе лиц, оказывающих организованно помощь таким лицам, ей неизвестно.

В переписке, отобранной при обыске у Головачёвой, оказалось письмо студента Московского университета Николая Николаевича Бухгольца¹⁰ на имя Раисы Головачёвой, в котором

7 Головачёва Раиса Аполлинариевна, Коллекция фотопортретов лиц, проходивших по делам полицейских учреждений. 1840-1917 гг. ГА РФ. Ф.1742. Оп.1. Д.8431.

8 ЦГА Москвы. Ф.131 Оп.80 Д.539 Л.74-74об.

9 ГА РФ. Ф.58. Оп.4. Д.364 (1912 год); Ф.63. Оп.32. Д.180; Ф.63. Оп.50. Д.119 (1912 год); Ф.102. Оп.148 (Д-5, 1912

год). Д.10 ч. 61; Ф.102. Оп.209 (Д-7, 1912 год). Д.427; Ф.1167. Оп.2. Д.881, 882, 884; Ф.1167. Оп.3. Д.1448, 1449

10 Советский учёный, специалист по теоретической механике, автор знаменитого учебника «Основной курс теоретической механики», доктор физико-математических наук, генерал-майор инженерно-авиационной службы (1943); лауреат Сталинской премии второй степени (1943). Малоизвестная деталь его биографии: до революции он служил в армии, был поручиком 17-ого сапёрного батальона. В деле Головачёвой есть донесение

сообщается о посылке 15 рублей в первую Тольскую каторжную тюрьму.

Допрошенный по содержанию этого письма студент Николай Бухгольц объяснил, что «брат некой Былинской, которая была подругой Нины Александровны Смирновой, с которой свидетель состоит в гражданском браке, находится в ссылке или каторге и очень нуждается, причём его сестра, названная Былинская, обратилась с просьбой к Смирновой о помощи её брату. ... Головачёва находится в близких отношениях к студенту Аркадию Владимировичу Стойлову, причём последний ... много зарабатывает уроками греческого языка». Бухгольц отметил, что Головачёва из милосердия помогает не только политическим, но и уголовным ссыльным¹¹.

В основном, свидетели по её делу ограничивались туманными объяснениями об условиях жизни и деятельности Головачёвой. Показания свидетелей не были скоординированы по содержанию, однако жандармы никак не смогли использовать разницу в их показаниях.

Сама же Головачёва объяснила, что живёт на средства от уроков (приблизительно 150 рублей в месяц), учится на медицинском факультете М.В.Ж.К. Её жених, студент Аркадий Стойлов, также преподаёт иностранные языки частным лицам. Головачёва отрицала причастность к ка-

ким-либо революционным сообществам и партиям, действующим против правительства, участия в группе лиц, поставивших себе целью оказывать организованно помощь ссыльным и каторжным, не принимала.

«Кому пересылались деньги по тем почтовым квитанциям, которые обнаружили у меня при обыске, я не знаю, т.к. они перечислялись не мною. Не знаю также, кем они посылались в виду того, что квитанции эти получены от неизвестного мне лица, которое я встретила на почте, и который обратился ко мне с просьбой о том, не могу ли я послать денежных средств лицам, которые были на квитанциях. Ответив этому лицу отказом, я всё же взяла эти квитанции, т.к. лицо это убедило меня посмотреть, как много денег посылается ссыльным, и обещал зайти ко мне за ними, но не зашёл до настоящего времени. Это было месяц или полтора тому назад. На вопрос, поставленный вами о том, каким образом встреча эта могла произойти месяц или полтора назад, если последняя квитанция от 6 сего февраля, отвечаю, что встреча эта могла быть и позднее, точно я не помню, когда именно. Лично я посылаю деньги из своих средств только четырём своим знакомым, на имя которых у меня заготовлены бланки переводов»¹².

Ознакомление с личными делами Р.А. Головачёвой по месту учёбы в Повивальном институте при Московском Императорском Воспитательном Доме¹³ и на медицинском факультете М.В.Ж.К.¹⁴ позволило нам обнаружить множество прошений Головачёвой о рассрочке внесения платы за обучение, обосновываемых тяжёлым материальным положением, необходимостью ухаживать за больной сестрой, недостаточностью средств получаемых частных уроков. Этими же обстоятельствами Головачёва объясняла малое количество сдаваемых экзаменов. То есть мы видим, что аргумент об использовании собственных средств для помощи политическим заключённым выдуман.

Самым серьёзным изобличающим доказательством связи Головачёвой с деятельностью Междупартийного Красного Креста стала обна-

полицей, что Николай Бухгольц не был замечен в революционной пропаганде, но состоял членом революционной комиссии кассы взаимопомощи студентов-рязанцев (ГА РФ. Ф.102. Оп.148 (Д-5, 1912 год). Д.10 ч.61. Л.27), хотя ранее письменно обещал администрации Императорского Московского технического училища этого не делать (ЦГА Москвы. Ф.372. Оп.3. Д.2033. Л.11).

11 Следует отметить, что революционеры осуждались не только по политическим преступлениям. Многие, особенно члены «групп экспроприации», отбывали наказание по общеуголовным статьям. Материальную базу для революционной деятельности в значительной мере составляли грабежи и кражи у состоятельных граждан, ограбления банков, магазинов и контор. Например, см. ЦГА Москвы. Ф.131. Оп.80. Д.367. Л.51–52. Так что выборочная помощь уголовникам не должна вводить в заблуждение. Прямые указания на грабежи, как способ пополнения партийной кассы, находим в деле Сергеевской Марии Фёдоровны (ГА РФ. Ф.504. Оп.1. Д.220. Л.13об.). В упомянутом деле есть сведения о желании харьковской эсеровской организации убить некоего фабриканта – дядю одного из членов организации, чтобы большая часть причитающегося ему наследства была направлена на нужды организации (Л.10).

12 Протокол допроса Р.А. Головачёвой см. ГА РФ. Ф.102. Оп.148 (Д-5, 1912 год). Д.10 ч.61. Л.12–13.

13 ЦГА Москвы. Ф.112. Оп.2. Д.474.

14 ЦГА Москвы. Ф.363. Оп.4. Д.7610.

руженная у неё записка, из которой следовало, что если столовая¹⁵ М.В.Ж.К. сдавалась для организации собраний студентов, то 10 % от платы подлежала передаче политическим заключённым. В этой записке упоминался Красный Крест.

Жандармы допрашивали знакомых Головачёвой, чтобы получить больше подтверждений о её причастности к деятельности этой организации. Однако свидетели отвечали уклончиво и никаких дополнительных сведений собрать не удалось.

Студент Московского университета Илиодор Николаевич Покровский показал, что «под Красным Крестом, в который студенты постановили отчислять 10 % от суммы, получаемой по устройству собраний общества филологов для помощи голодающим и что фактически эти деньги посылаются не в Красный Крест, а в Самарскую губернию, записка эта была дана им Головачёвой, которая просила о сборе пожертвований для голодающих и в этом случае согласилась хлопотать о предоставлении для вышеуказанных собраний студентов помещений столовой слушательниц Московских Высших Женских Курсов». Далее он объяснил, «что по делу Головачёвой ему ничего не известно, что в данном случае под красным крестом, о котором идёт речь в его записке, ни в коем случае нельзя подразумевать межпартийного красного креста, так как о существовании такого ему положительно не известно».

По поводу записки Илиодора Покровского о 10 % отчислениях в пользу Красного Креста, Головачёва заявила, что «записка носит шуточный характер и под красным крестом надо разуметь помощь голодающим».

Несмотря на собранные доказательства в административной высылке Головачёвой полиции было отказано. Тем не менее, жандармы продолжали подозревать Головачёву в революционной деятельности, временами устанавливая за ней

наружное наблюдение¹⁶. В постоянном наблюдении не было необходимости, учитывая активную деятельность Марии Мароши в деятельности их кружка.

Следует обратить внимание на связь между гражданской профессией Головачёвой (студентка медицинского факультета) и её революционной активностью (Междупартийный Красный Крест).

Исследуя архивные дела, мы также хотели найти свидетельства связи Раисы Головачёвой и Ольги Цубербиллер. Московские Высшие Женские Курсы — это их очевидная точка пересечения.

Анализируя дошедший до нас комплекс документов, касающихся революционной деятельности Головачёвой, отмечаем тщательность, с которой подготовлены материалы для административной высылки Головачёвой за пределы Москвы. Аккуратно заполненные на печатной машинке формуляры с описанием биографических данных, содержание показаний самой Головачёвой и ключевых свидетелей по делу, подробные описания изъятых писем и квитанций из протоколов осмотров и сами протоколы осмотра. Все эти сведения повторяются из документа в документ.

В числе прочего в формулярах обнаружена повторяющаяся запись: «4. Петровские ворота 1 Знаменский 10, 4 Лид Вл. Эр. /неразборчиво/. Кто такая эта «Эр.» жандармы не смогли установить».

Большая удача, что сохранились вещественные доказательства по делу — те самые квитанции и записные книжки, изъятые у Головачёвой¹⁷. В одной из записных книжек находим, что указанная «Эр.» — это Людмила Владимировна Эрарская.

Записи сделаны мелким почерком, но фамилия «Эрарская» довольно хорошо различима, кроме того Людмила Владимировна Эрарская указана в записной книжке четыре раза.

В ходе выяснения социальных связей арестованной Головачёвой следователем были направлены запросы по всем найденным у неё адресам: как по лицам, которым адресовались денежные переводы, так и по данным из её за-

15 Некоторые отчёты наружного наблюдения позволяют подозревать, что столовые, которых в то время в Москве было довольно много, были устойчивой основой для поступления денег на эти цели. Например, маршрут следования некоего «Сундука» напоминает маршрут нелегального инкассатора (ГА РФ. Ф.63. Оп.45. Д.304. Л.116). Мы не находим в документах жандармов системного изучения этого вопроса.

16 «Дневники наружного наблюдения. Головачёва Раиса Аполлинариева 28 лет, дворянка Минска, кличка «Люстринова» (ГА РФ. Ф.63. Оп.44. Д.5618 (1914 год). Также ГА РФ Ф.43. Оп.45. Д.297. Л.239.

17 ГА РФ. Ф.1167. Оп.2. Д.881.

писных книжек¹⁸. Из дома по 1-му Знаменскому переулку пришёл ответ, что там проживает Ераская¹⁹ Людмила Владимировна, девица 20 лет, дочь отставного генерал-майора, вместе с Ераской Надеждой Павловной женой отставного статского советника 57 лет и сестрой Ераской Верой Владимировной, дочерью отставного генерал-майора 28 лет, артисткой.

На это жандармы тоже не обратили внимание. Между тем именно сёстры Эрарские²⁰ — это общие знакомые и тот самый мостик, который мог связывать Головачёву и Цубербиллер²¹. В данном случае, преследуя революционеров,

государственная машина в лице жандармов пыталась следовать высоким стандартам документирования результатов расследования. Однако тщательность заполнения многочисленных процессуальных документов приводила к таким досадным упущениям²².

Система захлёбывалась в бюрократических формальностях (дело Головачёвой). При этом, проявляя признаки предвзятости (дело Цубербиллер), система не могла эффективно бороться с революционной активностью: правонарушители²³ уходили от ответственности или получали незначительные, символические наказания.

Стоит также отметить несовершенство системы криминалистических учётов того времени. Революционеры, стремясь запутать полицию, менялись своими биографическими данными. Например, под именем Эрика Нордштрема (брат Эмиля Нордштрема, тоже эсер) долгое время действовал другой революционер — Вильгельм-Альберт Завинский²⁴. Другой пример касается перлюстрированной переписки этого же Нордштрема с неким «Николаем»²⁵. В полицейском деле 1914 года имеется долгая переписка относительно того, кем же может быть некий «Николай», с которым Нордштрем связан революционной работой. Разумеется, это был Николай Витка.

Тем не менее, приложив значительные усилия, правоохранительной системе Российской Империи удалось в 1914 году практически полностью подавить революционное движение. Мы видим это в рапортах полиции²⁶, а также в пись-

18 ГА РФ. Ф.58. Оп.4. Д.364/45. Л.20 (1912 год).

19 Так в документе.

20 Речь идет о Вере Владимировне и Людмиле Владимировне Ерарских. Эрарские (правильно Ерарские) – дворянский род, внесенный в 3 часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии. Родоначальник – подполковник Владимир Алексеевич Ерарский (12.01.1845 – после 1906 г.). Воспитывался в Ставропольской гимназии, офицер, участвовал в различных походах на Кавказе против черкес и турок. Военский начальник в Касимовском уезде, подполковник (1898); военский начальник в Жиздринском уезде Рязанской губернии (1905). 10 сентября 1906 года уволен в отставку с мундиром с производством в генерал-майоры. Жена – дочь коллежского асессора Надежда Павловна, урожд. Стефанович.

Вера Владимировна (01.08.1883 – ?). Крещена 3 августа 1883 г. в Петропавловской церкви 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Е.В. полка; восприемники: штабс-капитан Владимир Николаевич Карамзин и жена капитана Альфонса Брюнелли Нина Васильевна. Вера Владимировна в 1902 году окончила Московское училище ордена Святой Екатерины и Александровского института, получила свидетельство на звание домашней учительницы.

Людмила Владимировна (16.06.1890 – 1964 (?), Москва). Крещена 18 июля в Тифлисской Кукийской Александро-Невской церкви; восприемники: подпоручик Владимир Людвигович Коллонтай и жена отставного канцелярского чиновника Якова Осиповича Клоссена Ольга Людвиговна. Особо следует обратить внимание, что восприемником Людмилы Владимировны был Владимир Людвигович Коллонтай – муж революционера, советского дипломата Александры Михайловны, урожд. Домонтович (1872–1952). Александра Михайловна Коллонтай была близко знакома с Е.Д. Стасовой и Т.Л. Щепкиной-Куперник.

21 Другая установленная связь – Смирнова Нина Александровна (жена Н.Н. Бухгольца), слушательница М.В.Ж.К. по математическому отделению, где в 1908 году также училась, а с 1 сентября 1908 года преподавала О.Н. Цубербиллер (ЦГА Москвы. Ф.363. Оп.4. Д.23438).

22 Не исключено также, что жандармы так прятали своих агентов. Чем реже фамилия встречается в материалах дела, тем меньше вероятность, что её запомнят, и вспомнят в другой ситуации.

23 Самым распространенным государственным преступлением в Российской Империи было отнюдь не участие в запрещенных революционных организациях, а оскорбление Императора и его семьи. Делами какого-нибудь крестьянина, который будучи нетрезвым упомянул бранным словом Императора, занимали значительную часть времени судебных следователей и товарищей прокуроров окружных судов.

24 ГА РФ. Ф.1742. Оп.1. Д.12165.

25 ГА РФ. Ф.63. Оп.50. Д.232.

26 Так в деле о наблюдении за собраниями «Общины Голгофских христиан» жандармские чины отмечают, что по-

мах самих революционеров²⁷. Вместе с тем стратегической ошибкой было считать достигнутый результат удовлетворительным и не предложить социально активным членам общества альтернативу революционному пути. Уже через несколько лет внешние условия по отношению к социальной системе изменились настолько, что потребовалось приложить усилия для удержания революционной активности, однако ресурсов для этого уже было недостаточно.

На примере трёх революционных партий видим, что для этой работы по линии Междупартийного Красного Креста революционерами подбирались достаточно подготовленные люди соответствующих навыков и профессий: студентка-медик, участие которой в деятельности Красного Креста не является чем-то удивительным; присяжный поверенный, в обязанности которого входит посещение тюрем и общение с арестантами; преподаватели, родственники работников правоохранительной системы, которых мало кто мог заподозрить в симпатиях революционерам. Мы также упомянули Лидию Злобину, связь с которой, будь она установлена, могла сильно изменить ситуацию в деле Ольги Цубербиллер. Злобина тоже был медиком²⁸.

Что же касается упомянутой Марии Владимировны Мароши, то её деятельность заслужива-

ет отдельной статьи²⁹. Мы можем отметить лишь её сложное происхождение³⁰, неудачный брак³¹, осуждение приговором Междупартийного суда от 24 мая 1917 года (лишена политических прав и оставлена под стражей до созыва Учредительного собрания)³², повторное осуждение и расстрел в 1924 году.

Вот как описывается её судьба после Октябрьской революции в заметке «Женщина-охранник»³³. «В октябре 1923 г. служащая завода «Красная ракета», Сергиевского уезда, М.В. Михайлова-Мароши явилась в МГО³⁴ и подала объёмистое заявление, в котором сообщила о своей работе в московской охранке в период 12–17 гг. В этом заявлении она подро-

сле разгрома революционного движения в начале 1910-х годов, интеллигенция разочаровалась в политике и подалась в религию и оккультизм (ГА РФ. Ф.102. Оп.119 (Д-4, 1910 год). Д.398).

27 Свидетельство из перлюстрированного письма: «А затем вот что: у нас, ты знаешь, всё придавлено. Рабочая пресса разгромлена. Легальные организации дышат на ладан». См. Дело с разработкой перлюстрированных писем: (1) из Москвы от [Замышляева Николая Николаевича] в Стокгольм [Нордштрему Эмилю-Кондрату Карловичу], с просьбой сообщать сведения о жизни немецкой социал-демократии и перевести статью доктора А. Зюдекума; (2) от 25 октября 1915 года из Москвы за подписью «Вс. Г.» в Петроград Витке (Витка) Николаю Андреевичу (меньшевик-ликвидатор) об издании газеты (ГА РФ. Ф.63. Оп.50 (разработка 1914 года). Д.232. Л.1, 7).

28 Интересный аргумент Злобиной в свою защиту в деле об участии в запрещённой организации: «Я интенсивно работала, это могут подтвердить доктор и медсестры на работе. А это значит, что мне некогда было заниматься революционной деятельностью» (ЦГА Москвы. Ф.131. Оп.80. Д.369. Л.57–58).

29 Подробнее о деятельности Марии Мароши см. ЦГА Москвы. Ф.179. Оп.45 ч.3. Д.11380, Ф.17. Оп.107. Д.180, ГА РФ. Ф.504. Оп.1. Д.183, Ф.Р 3917. Оп.5. Д.1114 (1924), Ф. 10035. Оп.1. Д.72174 (делопроизводственный номер П-75192)).

30 Её мать, Мария Викторовна Пахотинская, родилась в семье надворного (затем статского) советника Виктора Францевича Пахотинского и Матроны Ивановны NN (род. ок. 1846). Видимо у неё были сёстры Евгения Викторовна (1869–1963, замужем за Николаем Николаевичем Лаппа, их дочь Татьяна Николаевна Лаппа была первой женой писателя М.А. Булгакова), Неонила Викторовна и брат Леонид Викторович (род. ок.1878), возможно ещё один брат Валентин Викторович (род. 1872, Ставропольская губерния, актёр). 19 ноября 1892 года у дворянской девицы Марии Викторовны Пахотинской родилась незаконнорождённая дочь Мария, восприемники надворный советник Владимир Михайлович Яблочков и дворянка девица Неонила Викторовна Пахотинская. Очевидно, что отчество Марии было дано по крестному – Владимировна. См. метрические документы ЦГА Москвы в отношении представителей рода Пахотинских, в т.ч. Ф.2125. Оп.2. Д.116. Л.145 (запись о рождении Марии Владимировны Пахотинской).

31 18 января 1912 года Мария Владимировна венчалась с венгерским подданным, военнопленным Юлием Владимировичем Мароши, который служил в Московской городской управе. С мужем перестала жить спустя несколько месяцев, а именно с 8 мая 1912 г.

32 Членов С.Б. Московская охранка и её секретные сотрудники. По данным Комиссии по обеспечению нового строя. М., 1919. С.70.

33 Вечерняя Москва. 1924. №26, 21 ноября. Оценивая доводы заметки нельзя забывать о контексте эпохи, когда она была опубликована.

34 Московский губернский отдел Государственного политического управления при НКВД РСФСР.

но излагала свою биографию и описывала свою «деятельность» в охранке. Михайлова-Мароши писала о том, что она чувствует в настоящий момент угрызения совести и, ссылаясь на своей 5-летний «стаж», предлагала свои услуги МГО. Она была арестована. Отдел Государственного архива прислал в МГО свыше 50 агентурных записок — сведений, которые Михайлова подавала в охранку. Выяснилось, что, поступив в 12-м году в московское охранное отделение, она сейчас же по поручению полковника Мартынова выехала в Париж с экскурсией московских учителей. Целью поездки было констатировать связь русской общественности с эмиграцией³⁵. На суде, впрочем, Михайлова утверждает, что реальных результатов поездка эта не дала. Чем далее, тем более развёртывается «деятельность» Михайловой. Сейчас же по возвращении её из-за границы она сообщает в охранку о ряде партийных групп, освещает жизнь революционно настроенной части студенчества и выдаёт работу «Междупартийного красного креста»³⁶. В 1915 г. Михайлова доносит о Пресненской группе РСДРП, причём принимает самое живое участие в ликвидации этой группы. В 15 г. у неё на даче состоялось совещание представителей Пресненской группы с представителями с.-д. о создании единого политического центра. Михайлова выдала это собрание охранке, результатом чего явились аресты видных деятелей Пресненской группы т.т. Меницкого, Канделакки и др. За этот «успех» Михайлова получила повышение. Будучи допрошена при Керенском «Комиссией по обеспечению нового строя», Михайлова открыто заявила, что в своей «деятельности» она находила удовлетворение и призвание. Дело о Михайловой-Мароши разбиралось вчера в московском Губсуде под председательством тов. Сината. Михайлова приговорена к вышей мере наказания — расстрелу без применения амнистии».

Сравнивая дела наружного наблюдения за революционерами, в которых фигурирует Ма-

роши («Роза»³⁷) в 1915 году³⁸ с её личным делом из Московской городской управы³⁹, видим, что жандармы, очевидно, подозревали революционеров в использовании легального общества «Красного Креста» для прикрытия своей деятельности. Мароши была одним из основных агентов, через которую жандармы отслеживали деятельность РСДРП в этом направлении. С одной стороны, её служебная деятельность в Московской городской управе была связана с оказанием помощи раненым и их семьям, с другой стороны, она активно контактировала с революционерами, которые работали в структурах общества «Красного Креста» на Никитском бульваре, дом 11⁴⁰.

Также темой отдельного исследования может стать и жизненный путь агента охранного отделения Анны Егоровны Серебряковой, в том числе с обращением к революционной деятельности выпускницы М.В.Ж.К. Елизаветы Петровны Дурново (в замужестве Эфрон, мать Сергея Эфрона, мужа Марии Цветаевой) (1853–1910). Они были хорошо знакомы между собой. Елизавета Петровна была казначеем организации московских максималистов, «имела на руках огромные суммы денег, превышающие 100 тысяч рублей, составляла сметы комиссий и бюро [Оппозиционной фракции ПСР]»⁴¹, с середины 1880-х г. вела работу в политическом Красном Кресте. В 1904 (1905?) году примкнула к партии эсеров. В июле 1906 г. была арестована, в ходе

35 Здесь напрашивается сравнение с работой за рубежом членов «Священной Дружины».

36 По сути, эта работа и так всем была известна, см. выше заявление Российского Общества Красного Креста, сделанное в 1907 году.

37 Возвращаясь к вопросу присвоения наблюдательных кличек. Филеры взяли от Марии Мароши наблюдение за двумя её коллегами по «Кружку слушательниц М.В.Ж.К. по оказанию помощи политическим заключённым», которым присвоили клички «Ландыш» и «Гвоздика» (ГА РФ. Ф.63 Оп.45 Д.287 Л.229), «Мята» (ГА РФ. Ф.63 Оп.45 Д.297 Л.40). Показательно, что активные члены Кружка помощи политическим заключённым сёстры Волконские имели наблюдательные клички «Лань» и «Куница», что указывает на осведомлённость о них охранным отделением из другого источника.

38 ГА РФ. Ф.63. Оп.45. Д.287, 303, 304.

39 ЦГА Москвы. Ф.179. Оп.45. Д.11380.

40 Охранное отделение вело пристальное наблюдение за контактировавшими с Марией Мароши работницами Общества Красного Креста Уваровой («Кошка») и Софьей Волконской («Куница») (ГА РФ. Ф.63 Оп.45 Д.304, 297).

41 Шаламов А.Ю. Московская полиция. 1905–1907. 2022. С.386.

обыска изъяты документы партии эсеров, пакеты с деньгами и чековые книжки, подложные паспорта, фотографии, письма, записные книжки, записки о денежных расчётах и др. В изъятых бумагах Елизаветы Петровны «по словам прокурора Московской судебной палаты было найдено около 160 адресов и явок»⁴². В марте 1907 г. освобождена под залог в сумме 15 тысяч рублей, внесённый дворянкой фон Вендрих. В газете «Сибирская жизнь» от 29 мая 1910 г. на сей счёт есть интересная заметка. Поскольку её объём невелик процитируем полностью: «Вопрос о судебном залоге. В общем собрании уголовного кассационного департамента сената заслушан принципиальный вопрос о судебном залоге. Жена инженера Эфрон, привлечённая по 102-й ст. Уг. Улож. была оставлена на свободе под залог 15000 руб., внесённый г-жею фон Вендрих. Однако, г-жа Эфрон на суд не явилась, г-жа же фон Вендрих умерла раньше вызова судебной палатой Эфрон в суд. Судебная палата определила обратить залог 15000 руб. в доход казны. Это решение было обжаловано в сенат, причём кассатор доказывал, что залог не может считаться сделкой имущественного характера, и должен быть приравнен к поручительству, т.е. обязательству личному, прекраща-

ющемуся со смертью обязавшегося лица. Сенат, однако, согласился с обер-прокурором в том, что залог является обязательством имущественного характера и постановление палаты утвердил».

Оценивая в целом деятельность правоохранительной системы царской России на примере противодействия Междупартийному Красному Кресту, следует отметить в целом компетентность правоохранительных органов, но даже эффективное внедрение агентов не позволяло им иметь всю полноту информации о революционном движении в предреволюционные годы. Реконструируемые нами сведения с привлечением дополнительных источников тоже не дают полной картины, однако показывают сложный характер связей внутри революционных организаций.

Список литературы

1. Алексеев И.В. Провокатор Анна Серебрякова. М., 1932.
2. Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. По данным Комиссии по обеспечению нового строя. М., 1919.
3. Шаламов А.Ю. Московская полиция. 1905–1907. 2022.

42 Цит. по Житие Елизаветы Дурново. Часть 2. Электронный ресурс. – [Режим доступа] <https://bettybarklay.livejournal.com/232420.html>

INTER-PARTY RED CROSS IN PUBLIC LIFE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Rybak Kirill Evgenievich,

Doctor of Cultural Studies

Associate Researcher, Russian Heritage Institute

st. Kosmonavtov, 2, Moscow,

129366, Russia,

kvr1482@gmail.com

Izbachkov Yuri Sergeevich,

lawyer,

Associate Researcher, Russian Heritage Institute

st. Kosmonavtov, 2, Moscow,

129366, Russia,

strax5@list.ru

Abstract

Using the example of representatives of three revolutionary parties, the activities of the law enforcement system of Tsarist Russia are shown in relation to the Inter-Party Red Cross, which provided assistance to exiles and prisoners in various ways. The relative efficiency of the police, excessive bureaucratization, complicated by manifestations of corruption in the law enforcement and judicial systems are noted.

Keywords

Inter-Party Red Cross, police, security department, Social Revolutionaries, Moscow Higher Women's Courses, Zuberbuhler, Zuberbüller Ivan Filippov, Raisa Golovacheva, Nikolai Buchholtz, Lyudmila Erarskaya, Nordström, Nikolai Vitka, Lidiya Zlobina, Maria Marosi, Anna Serebryakova (Reshchikova), Elizaveta Durnovo (Efron), convict, exile.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR

УДК 7.01

ББК 85

DOI 10.34685/НН.2024.47.4.008

ИКОНОГРАФИЯ БЛАЖЕННОЙ ПЕЛАГИИ ДИВЕЕВСКОЙ КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О КУЛЬТУРНОМ ФЕНОМЕНЕ ЮРОДСТВА

Гаевская Надежда Зеноновна,
соискатель кафедры культурологии,
Русская христианская гуманитарная академия,
наб. Фонтанки, 15, Санкт-Петербург, Россия, 191119,
САФУ Северный Арктический Университет
наб. Северной Двины, 17, Архангельск, Россия, 163002,
Lovich2000@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования иконографии образа блаженной Пелагии Серебрянниковой, юродивой Серафимо-Дивеевского монастыря, в архивах РГИА, РНБ, Ново-Иерусалимского монастыря. Впервые атрибутировано прижизненное фотографическое изображение Пелагии Дивеевской из собрания Муромского историко-художественного музея. Сделаны выводы о месте иконографии в системе визуального воплощения образа монастырских юродивых.

Ключевые слова

Портрет, гравюра, эстамп, юродивая, Пелагия Серебрянникова, Серафимо-Дивеевский монастырь.

Осмысление темы визуального образа и изображения сегодня наиболее актуально, так как открывает новые исследовательские перспективы изучения культурных процессов. Система визу-

ального в основе имеет феномены, воспринимаемые культурной памятью как культурные образцы, одним из которых в русской культуре стало юродство. Мы рассматриваем юродство как куль-

турный и религиозный феномен социальной действительности, проявляющийся в определенных паттернах поведения и свойствах личности; социальный топос, вид служения¹. Блаженный юродивый — это религиозный чин, что является важной культурной характеристикой.

Юродство — одна из самых необычных, парадоксальных культурных форм. Известный философ и культуролог, К.Г. Исупов определяет юродство как экстремальную форму самоотречения, вид практической религиозно-бытовой аскезы внеуставного содержания². Трактовка В.Н. Назарова позволяет говорить об одном из подвигов христианского благочестия, особом, парадоксальном виде духовного подвижничества, заключающегося в отречении от ума и добродетели, и в добровольном принятии на себя образа безумного и нравственно падшего человека, и расширяет поле дефиниций определения юродства³.

Традиция создания образа юродивого берет начало в русской культуре в XI веке со времени создания первых иконографических образов Андрея Царьградского, Алексия человека Божия. Создание образа юродивого продолжено в XIV — XVII веках в корпусе агиографии, литургических и гимнографических текстов. В конце XIX века образы юродивых стали воссоздаваться в документальных текстах: дневниках, воспоминаниях и визуальных материалах: фотографиях, гравюрах и эстампах.

Изучение визуального в культуре позволяет решить задачу определения визуальных характеристик образов, проследить генезис культурной традиции. В современной культуре изучение визуального определяет возможности и прогнозирует границы восприятия и воображения. Изображения, история визуального образа, визуальное как текст становятся основными источниками информации о культурном феномене.

Исследование визуального определяет задачи и направление — это художественно-эстетические характеристики образа юродивого. В современном гуманитарном знании просле-

живаются два направления в трактовке восприятия образа: образ как обобщенное и всеобщее отражение действительности и образ как конкретный и неповторимый случай всеобщего. Художественный образ имеет двуединое начало: объективную информацию и субъективное её восприятие⁴. Методологическая основа исследования образа юродивых в визуальных материалах сформулирована на основе культурологических трудов С.А. Иванова⁵ и В.Н. Топорова⁶, и работ О.А. Туминской, И.Л. Бусевой-Давыдовой, А.Н. Власова⁷, в которых рассматриваются проблемы визуального.

Создание образа юродивого связано с проблематикой канонического и субъективного. Если мы полагаем, что в каноне фиксируется культурная память, то при создании образа юродивого субъективное восприятие образа входит во взаимодействие, а подчас и противоречие с каноническим. Портретные изображения юродивых рассматриваются как исторический источник, а изобразительный ряд представляет субъективное видение определённого типа культуры. Образ юродивого воспринимается как транслирующий сакральное знание. Для русской культуры характерна особая эстетика, эстетика юродства, понимаемая как духовная красота безобразного.

Одной из прославленных в чине русских юродивых является блаженная Пелагия Серебрянникова, юродивая Серафимо-Дивеевского монастыря (1807–1884). Пелагия (Сурина, по мужу Серебрянникова) родилась в Арзамасе в купеческой семье, была ребёнком, соответствующим нормам поведения и развития индивида социального класса купечества конца

1 Туминская О.А. Гаевская Н.З. Образ юродивого в слове и изображении. Калуга. «Золотая аллея». 2021. С. 117
2 Исупов К.Г. Космос русского самосознания. М.: ИНИОН РАН. Центр гуманитарных инициатив. 2020. С. 277
3 Назаров В.Н. Юродство // Этика. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. 2001. С. 602

4 Туминская О.А. Образ юродивого в слове и изображении. Калуга, «Золотая аллея», 2021. С.45

5 Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., «Языки славянской культуры», 2005. 457 с.

6 Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. Т.2. 864 с.

7 Туминская О.А. Икона юродивого. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2016. 448 с. См. также: Бусева-Давыдова И. Л. Народная икона// Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. №9 (89), 2011. С. 6-20. Власов А.Н. «Костюм» юродивого на Русском Севере (проблемы художественной инверсии образа)// Народный костюм и современная молодежная культура: сборник статей. Архангельск, 1999. С. 42

XIX века, но вдруг стала вести себя странно, стала «не умная вовсе». Пелагию привезли как умом страдающую в Саровскую пустынь к преподобному Серафиму Саровскому, он несколько часов беседовал с ней и благословил на подвиг в Дивеевскую обитель. Пелагия блажила, просила подавание, которое раздавала нищим, зимой ходила босая, имела дар слёз и исцеления. Сведения о внешности Пелагии, которые отразились в портретной иконографии, мы находим в жизнеописании блаженной «...это была женщина высокого роста и очень красиво сложенная, с необыкновенно живыми, блестящими и пронзительными глазами; любила она очень цветы, и если имела их под рукою, задумчиво их перебирала, тихо нащёптывая молитву»⁸. Скончалась 30 января 1884 г., прославлена в лике святых в 2004 году.

Обращаясь к вопросу о методах исследования портретных изображений блаженной Пелагии, надо отметить, что методы искусствоведческого исследования, включающие установление техники исполнения, исследование морфологии листа, провенанса произведения, а также справочной литературы, позволяют подготовить материал для изучения визуальных характеристик культурного феномена юродства. Исследование включает работу с архивными материалами. Для нас особенно важными становятся этапы искусствоведческого и документального исследования изображений юродивой, созданных в мастерских Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, и возможное включение этого материала в общее культурно-историческое исследование художественной деятельности и культуры монастырей в социально-религиозной жизни XIX века.

На сегодняшний день известны четыре группы изображений блаженной Пелагии Ивановны Серебренниковой по техническому исполнению. Первая группа и самая распространённая — это воспроизведение прижизненного живописного портрета, жанр воспроизведения — фоторепро-

дукция, техника фототипия⁹. Вторая группа: гравюры с портрета, изготовленные в художественной мастерской Дивеевского монастыря¹⁰. Третья группа: эстампы с изображением блаженной¹¹. И четвертую группу представляет находка последних лет, единственный прижизненный фотографический портрет Пелагии Серебренниковой из собрания историко-художественного музея г. Муром (Владимирская область)¹².

Культурно-историческое и художественное исследование объединяются в решении вопросов атрибуции. Исследования атрибуции предметов искусства, документальных материалов имеют значение не только для искусствоведения, но, как показывают современные исследования Дмитрия Антонова¹³ и Петра Чистякова¹⁴, особенно для истории культуры. Атрибуция предмета, хранящего и передающего информацию не только об истории культуры, но и о частных эстетических и религиозных переживаниях субъектов культурного процесса, дополняет и подчас проясняет многое в истории культурного явления, монастырских практик, в самом понимании религиозного в культуре.

Одна из методик, позволяющих прийти к этим результатам, методика культурного архива. Она позволяет исследователю осмыслить феномен визуального, представленный в образцах художественного искусства. В ходе изучения культурного феномена юродства вопросы

8 Ковалевский А.Ф. Блаженная Пелагия Ивановна, Христа ради юродивая подвижница Серафимо-Дивеевского монастыря // Душеполезное чтение. 1889. № 4. С. 432. См. также: Ковалевский А. Ф. Блаженная Пелагия Ивановна, Христа ради юродивая подвижница Серафимо-Дивеевского монастыря. Москва: Университетск. типогр., 1889. 16 с. / отг. из: Душеполезное чтение 1889, № 4

9 Сказание о Христа ради юродивой подвижнице Серафимо-Дивеевского монастыря Пелагии Ивановне Серебренниковой: (Собраны от лиц, близких к ней). Тверь: тип. Губ. правл., 1891. 183 с.

10 Пелагия Ивановна Серебренникова // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 55. Москва: Церковно-науч. центр "Православная энциклопедия." 2019. С. 292-295

11 Преподобный Серафим Саровский и Дивеевская обитель/Ред. Павлович Г. Москва: «Отчий дом». 2011. 558 с.

12 Электр. ресурс: История России в фотографиях (rusaiaphoto.ru) запрос: <https://rusaiaphoto.ru/search/years-1840-1999/?query=дивеев> (дата обр. 10.12. 2022)

13 Антонов Д.И. Доронин Д.Ю. Советские иконы. История и этнография Нижегородской традиции. М.: Изд-во РГГУ. 2023. 262 с.

14 Чистяков П.Г. Почитание местных святых в российской православии XIX-XXI веке: на примере почитания чудотворных икон в Московской Епархии. Диссерт. иссл. М., Изд-во РГГУ. 2005. 256 с.

визуального включаются в общую историю документального материала, и происходит процесс архивирования, обработки в культурной памяти сведений об изображении, позволяющих определить место предмета атрибуции в культурном процессе и истории культуры. Художественное воплощение образа юродивых позволяет осмыслить жизнь монастыря в идеальном, когда областью идеализации становится христианская эстетика, эстетика кенозиса и добротолубия, умного художества, и произведение искусства как её воплощение.

В данном случае вопросы атрибуции касаются живописного портрета, гравюры и фотографии блаженной Пелагии Серебренниковой, юродивой Серафимо-Дивеевского монастыря. До сегодняшнего дня источником иконографии блаженной считался прижизненный портрет, выполненный маслом, созданный в живописных мастерских сёстрами Дивеевской обители ориентировочно в последнее десятилетие жизни Пелагии Серебренниковой. И только в 2021 году появились сведения о прижизненном фотографическом портрете блаженной. Это открытие позволяет совершенно иначе посмотреть на историю изображений Пелагии Серебренниковой, восстановить порядок создания иконографического ряда и многое понять и осмыслить относительно самого феномена юродства, как одного из сложнейших явлений русской культуры.

Наши поиски начались в 2020 году, когда были найдены различные варианты портретного изображения Пелагии Серебренниковой, опубликованные в первом издании «Сказания о Пелагии Серебренниковой» 1891 г.¹⁵, изданного в Твери и возобновлённого в издании Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря (1896, 1903 г.)¹⁶. Трудность состояла в том, что в определённых изданиях изображение на форзаце было представлено с подписью Отто Ренар, в других этой подписи не было, при редактировании она была убрана. В связи с этим было проведено историческое исследование происхождения данной подписи, в результате которого было выяснено следующее:

15 Сказание о Христа ради юродивой подвижнице Серафимо-Дивеевского монастыря Пелагии Ивановне Серебренниковой: (Собраны от лиц, близких к ней). Тверь: тип. Губ. правл., 1891. 183 с.

16 Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря: В 2 ч. // Сост. архимандрит Серафим (Чичагов) Репринт. воспроизведение изд. 1903 г. Краснодар: Кн. изд-во. 851 с.

Отто Ренар — прусский подданный и профессиональный фотограф, открыл своё фотоателье в Москве в 1881 году, салоны О. Ренара находились в Москве, в Нижнем Новгороде и Арзамасе¹⁷. Авторская подпись фотографа свидетельствовала о том, что именно в этом салоне делали фотографию с единственного прижизненного живописного портрета Пелагии, которая затем размещалась на форзаце или авантитуле публикации «Сказания», изданного в Твери в 1891 году.

Илл. 1. Живописный портрет блаженной Пелагии Серебренниковой. Живописная мастерская Серафимо-Дивеевского монастыря*.

17 Шипова Т.Н. Фотографы Москвы — на память будущему. 1839–1930: Альбом-справочник. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив»; АО «Московские учебники», 2001 363 с. <http://fototikon.blogspot.ru/2017/05/Shipova.html> Электр. ресурс: (дата дост. 1.02. 2024)

* Фоторепродукция размещена на форзаце книги «Сказание о Христа ради юродивой подвижнице Серафимо-Дивеевского монастыря Пелагии Ивановне Серебренниковой: (Собраны от лиц, близких к ней).» Тверь: тип. Губ. правл., 1891. 183 с.

Надо отметить, что в изучении появившегося в конце XIX века в России художественного метода фотографии рисунков и живописных портретов были использованы материалы, проводившейся в 2021 году в Эрмитаже выставки «Искусство фоторепродукции второй половины XIX века» и консультации сотрудников. В сопроводительных материалах к выставке мы читаем: «С момента изобретения фотографии воспроизведение предметов искусства рассматривалось как одно из основных областей её применения. Репродукционная съёмка считалась одним из самых сложных направлений светописси, а хорошие фоторепродукции ценили и нередко коллекционировали наравне с произведениями живописи и графики»¹⁸. Таким образом фотография портрета юродивой Пелагии Дивеевской на авантитуле является такой фоторепродукцией. Эти данные значительно уточняют уже имеющиеся в томе 55 Православной Энциклопедии 2019 г. издания, в которой читаем: «Живописный портрет Пелагии (место нах. неизвестно) был воспроизведён в издании её жизнеописания «Сказания о Пелагии Серебренниковой», изданном в Твери в 1891г.»¹⁹ Теперь мы можем говорить о том, что воспроизведение единственного (утраченного после 1927 г.) прижизненного живописного портрета блаженной произведено в жанре фотопортрета в фотоателье Отто Ренара, возможно, в процессе подготовки публикации Тверского издания «Сказаний» 1891 г. и по решению редакции, так как для монастырских печатных изданий в монастыре имела собственная фотографическая мастерская.

Второе свидетельство о том, что фоторепродукция портрета Пелагии Серебренниковой существовала и была выпущена достаточным тиражом, мы находим в работе С.М. Дорошенко «Настоятели и наместники. Арх. Серафим

(Чичагов)»²⁰. «Летом 1904 года арх. Серафим (Чичагов) занимался переоборудованием ризницы и церковного музея Ново-Иерусалимского монастыря и начал составление новых описей музея. Составление описей было закончено уже при новом настоятеле архиепископе Иустине (1905–1907), который сообщал в Синодальную контору, что «главная опись ризничего имущества монастыря уже составлена»²¹. Светлана Михайловна Дорошенко обнаружила Опись музея, хранящуюся в РГАДА, в описи мы читаем: «В трёх комнатах музея арх. Серафим разместил 18 фотографий портретов, пожертвованных им лично, кабинетного размера. Один из этих портретов был портрет блаженной Дивеевской Пелагеи»²².

История источника репродукции, непосредственно живописного портрета Пелагии Серебренниковой трагична. Написанный около 1880 г., вероятно, сёстрами живописной мастерской монастыря, (либо духовным сыном Пелагии художником Михаилом Петровым), портрет находился в келье Пелагии и исчез в 1927 году после закрытия монастыря. Таким образом фоторепродукция с подписью «О. Ренар» единственное свидетельство о портрете, и материал для многочисленных вариантов современного воссоздания образа блаженной.

Дальнейшие исследования позволили обнаружить и иные источники для воссоздания портрета, а именно гравюры, во множестве выпущенные в мастерской монастыря. Гравюры на религиозные темы и повествующие об истории монастыря помогали сделать изображения и содержащиеся в них истории доступными для широкой публики, в данном случае паломников и прихожан. В источнике мы читаем: «Особенного внимания заслуживают корпуса живописный и литографический, где сестры, кроме живописи

18 Виртуальный визит на выставку «Искусство фоторепродукции» (hermitagemuseum.org)

См. также: 22 декабря 2020 года в Эрмитаже открылась выставка «Искусство...» (ok.ru) куратор выставки: сотрудник Эрмитажа Ирина Олеговна Терентьева (электр. ресурс: дата доступа: 1.03.2024)

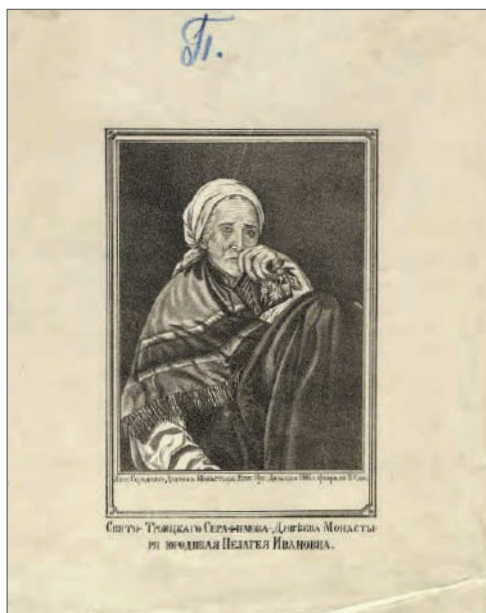
19 Пелагия Ивановна Серебренникова // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 55. Москва: Церковно-науч. центр "Православная энциклопедия." 2019. С. 292-295

20 Офиц. сайт Ново-Иерусалимского монастыря. Раздел: Настоятели и наместники. Арх. Серафим (Чичагов) Автор: Дорошенко С.М. Электр. ресурс Архимандрит Серафим (Чичагов) (1904–1905) (n-jerusalem.ru) (дата дост. 16.12.2023)

21 Митрополит Серафим (Чичагов): летопись жизни и служения. Автор-составитель: Дорошенко С.М. Редакция: Шмидт В. В. М.: РПУ им. Иоанна Богослова, РАНХиГС, издательство «Летний сад». 2019. 1000 с.

22 Опись церковного музея Ново-Иерусалимского монастыря. РГАДА (ф. 1183. Оп. 1. 4. 47) Ед. хран. 206. (1906 г.) См. также: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 46. 1903. Ед. хр. 129а. Там же. 1904. Ед. хр. 67. Там же. Ч. 47. 1906. Ед. хр. 209.

и литографии, занимаются фотографией, литохромотипией и резьбой по металлу»²³.

Илл. 2. Гравюра с портрета блаженной Пелагии Дивеевской. Литографическая мастерская Серафимо-Дивеевского монастыря. Коллекция РГИА. Ф. 835. оп. 4. Д. 59. л. 30. Из коллекции строительных планов и фотографий Синода.

Яна Эрнестовна Зеленина, ст. научный сотрудник ГИМ, ещё в 2003 году опубликовала статью, где упоминаются гравюры с изображением юродивой²⁴. Она же обнаружила наиболее ранний образец в технике литографии в собрании РГИА: «Дивеевская блаженная Пелагия Ивановна Серебренникова 1885 г. Литографская мастерская Серафимо-Дивеевского монастыря. Литография. 40,7 x 26,7 (двойной лист) РГИА. Ф. 835. оп. 4. Д. 59. л. 30. Из коллекции строительных планов и фотографий Синода. Сохранность. Лист деформирован по нижнему краю, потемнел, загрязнен. Заломы бумаги в правом нижней углу, царапины. Тексты. Под изображением: «Лит: Серафимо

Дивѣева Монастыря Ниж: Губ: Дозв: цен: 1885 г. февраля 11го дня». Под рамкой изображения: «Свято-Троицкаго Серафимова Дивѣева Монастыря юродивая Пелагія Ивановна»²⁵.

В статье Г. Павловича, посвящённой Пелагии Серебренниковой в 55 томе ПЭ, вышедшем в 2019 году, представлен ещё один вариант, определяемый как эстамп²⁶. Но парадокс исследования заключается в том, что автор нахождения эстампа, директор известного издательства «Отчий дом» Михаил Евгеньевич Шкатов, не мог дать сведений об атрибуции, так как в личном архиве фотография эстампа была без выходных данных. Эстамп был опубликован в 2011 году в книге «Преподобный Серафим Саровский и Дивеевская обитель» под редакцией Георгия Павловича²⁷. Нами была проведена работа по поиску возможных наиболее ранних источников, атрибутированных в коллекции. Работа эта увенчалась успехом, в собрании гравюр отдела эстампов РНБ был найден эстамп, который можно будет считать наиболее ранним из сохранившихся и описанных в коллекции.

Рассматривая вопросы атрибуции, мы отмечаем, что соотношение визуального и текстового полей печатной литографии представляет комплекс информации о бытовании произведения, находящего выражение в тексте, неся пояснительно-сопровождающую функцию. Исследование морфологии гравюр выявило наличие подписей в нижней части изображений, надписей на нижнем поле, включающих название (в данном случае имя изображённого лица), место изготовления, отметку о разрешении цензурного комитета и дату этого разрешения.

Экземпляр, выполненный в технике литографии на камне, определён размером 0,258 на 0,212 с сильно помятым левым полем, хранится в фонде эстампов РНБ, дата поступления в РНБ 19 мая

23 «Российския державы славо и ограждение». Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России / ред.-сост. Н. Н. Чугреева. Москва: Лето: Фонд социально-культурных инициатив, 2015. С. 247

24 Зеленина Я. Э. Худож. мастерские Серафимо-Дивеевского мон-ря: Иконография и стиль произведений // Светильникъ: Религ. искусство в прошлом и настоящем. М., 2003. № 1(2). С. 120, 123

25 «Российския державы славо и ограждение». Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России / ред.-сост. Н. Н. Чугреева. Москва: Лето: Фонд социально-культурных инициатив, 2015. С. 269

26 Пелагия Ивановна Серебренникова // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 55. Москва: Церковно-науч. центр "Православная энциклопедия." 2019. С. 292-295

27 Преподобный Серафим Саровский и Дивеевская обитель/Ред. Павлович Г. Москва: «Отчий дом». 2011. 558 с.

Илл. 3. Эстамп (Пелагия Серебрянникова в своей келии)
(Коллекция эстампов. РНБ. Санкт-Петербург. инв.№ 3385,
шифр РНБ (Э – ГП/ 3-П246), период начала XX века.)

1937 г., под инв. № 3385 с шифром РНБ (Э — ГП/ 3-П246), относимый к периоду начала XX века. Подпись гласит о цензурном разрешении «Лит: Серафимо-Дивьева Монастыря Ниж. Губ.: Дозв: цензур. 1885 г. февраля 11 дня» и причисляет Пелагию Ивановну к юродивым. «Серафимова Дивьева Монастыря юродивая Пелагия Ивановна въ своей келлі».

Важно отметить происхождение литографии. Архив РНБ, книга поступлений 1937 г. говорит об изъятии, более эта фраза не пояснена. Сегодня мы можем предположить, что данные говорят о конфискационном изъятии в ходе проводимых репрессий 1930-ых годов.

Имеющиеся изображения позволяют сделать вывод о художественном воссоздании образа блаженной. Если эстамп хранит черты лица, вероятно более приближенного к реальности, лица юродивой, исхудавшего, морщинистого, как бы изломанного, то на гравюре мы видим уже художественное преобразование образа, угловатость лица сглаживается и превращается в округлость, чёткость взгляда, прорисованные веки и зрачки, яркие штрихи, подчёркивающие складки одежды. Вероятно, первично изображение на эстампе, а гравюра — результат художественного процесса воплощения образа.

Установленное различие в изображениях заставило нас продолжить поиски, а искусствоведческий метод, включающий стилистические, иконо-

графические, исторические, семиотические виды исследования, благодаря уникальным возможностям музейного информационного пространства, позволил использовать источниковедческие и аналитические ресурсы музейных веб-сайтов. В 2022 году в коллекции «Яндекса» «Rossianfoto» и «Мультимедиа Арт музея» появилось фотографическое изображение Пелагии Серебрянниковой, прояснившее вопросы создания художественного образа. Перед нами лицо юродивой, полное совпадение с историческими описаниями: цветы в руке, кисти рук с длинными ногтями, поза.

Илл. 4. Фотография блаженной Пелагии. Фотографическая мастерская Серафимо-Дивеевского монастыря. (Муромский историко-художественный музей. Архив научного отдела. (НВ-21081). На паспарту. 1880. Фотография визитного формата.)

Измученное в аскезе лицо, угловатые черты, внутренняя сила. Всё это читается на фотографическом изображении. Вероятно, именно фотография и была источником всех последующих художественных решений.

Коллекция «Яндекса» начала создаваться в 2001 году на средства президентского гранта поддержки культурных инициатив и фонда «Искусство третьего тысячелетия» (рук. Дарья Дегтярёва), который аккумулирует средства благотворительных организаций. Эта коллекция в некотором смысле прообраз созданного единого музейного

каталога России. Цель коллекции не столько научная атрибуция, сколько оцифровка фондов малых музеев России и предоставление публичного доступа к коллекциям. Действительно, Муромский художественно-исторический музей в 2001 году произвёл полную оцифровку фондов и предоставил данные в коллекцию «Rossianfoto». Но работа по формированию интернет-версии коллекции велась достаточно медленно, и только в 2020 году данный фотографический портрет был опубликован на сайте коллекции «Rossianfoto» «История России в фотографиях» с предполагаемой атрибуцией, как «Пелагия Серебренникова» или «Паша Саровская»²⁸. Сотрудники Муромского музея предоставили данные о том, что действительно в фондах музея (фонд архива научного отдела) хранится подобный экспонат, фотография, атрибутированная как «Портрет неизвестной женщины в шале» (НВ-21081). На паспорту: «Фотография. Серафимо-Дивеевский монастырь». 1880–1900. Фотобумага. 10,0x6,3; 8,8x5,3. Фотография визитного формата. Такой формат объясняется тем, что появление в середине 1850-х годов недорогих отпечатков визитного формата сделало фотографию доступной для всех слоёв населения. Особенно востребованы были визитки с воспроизведением предметов искусства и исторических портретов. Этот формат был выбран для печати и в фотографической мастерской Серафимо-Дивеевского монастыря. Возможно, фотография первоначально была частью коллекции альбома, принадлежавшего городскому голове Муроме. На сегодняшний день более точных свидетельств о принадлежности к определённому альбому не обнаружено.

Надо отметить, что в исторических документах региональных и центральных архивов, личных архивах, воспоминаниях, дневниках содержатся сведения о направлениях и особенностях религиозной деятельности Дивеевского женского монастыря как отражения религиозности общества в определённый период, в данном случае, в середине XIX века. Эти сведения позволяют определить внутренние и внешние процессы в деятельности монастыря, проследить за генезисом, сделать вывод о роли этих процессов в динамике религиозности в определённый исторический период. В данном случае запечат-

ление образа монастырской юродивой Пелагии Серебренниковой в подобном, достаточно широко с точки зрения жанровой принадлежности художественном ряду говорит о значимости изображаемого лица для жизни монастыря, позволяет сделать вывод о внутренних процессах монастырской жизни, таких как включение в состав монашествующих всех социальных и религиозных типов, блаженных и юродивых, хранение традиции внимания уникальному опыту юродивых как опыту особых духовных переживаний и стигматизированного поведения. Внешнее в деятельности монастыря связано с религиозно-нравственным воздействием на народ в миру, паломников и богомольцев, особое место в котором занимали юродивые как провидящие и уличающие во грехе, целители и молитвенники. В церковные праздники в Серафимо-Дивеевском монастыре собиралось несколько тысяч паломников, посещение юродивых было для многих важным этапом паломничества.

Таким образом представленная группа портретных изображений позволяет, во-первых, восстановить этапы развития процесса художественного воплощения образа блаженной Пелагии и, во-вторых, провести анализ отражения образа юродивого в пространстве визуального.

Говоря об изображении блаженной как форме визуального и культурного феномена, надо отметить различие видов визуализации. Образ юродивого — это видимое и зримое, зрелище и показанное напоказ, которые объясняются различными контекстуальными условиями и различными задачами. Гротескный, скандальный внешний вид юродивого — это зрелище, но это и предельное уничижение в аскезе. Фигура юродивой Пелагии наделена трансцендентным смыслом, что определяет характеристики содержания, воспринимаемого нами. Смерть в повседневном, профанном для жизни в ином становится сутью образа юродивого. Мы можем наблюдать, что одежда Пелагии самая ничтожная, уничижительная. Внешний вид, детали фигуры говорят о табуированности. Таким образом происходит запечатление значимого образа юродивой в культурном сознании и культурном коде.

Механизм запечатления основан на воображении. Соединение восприятия и воображения есть активный синтез нашей субъективности, которая раскрывает не внешнее, но внутреннее. В соответствии с этим устанавливается граница девиации,

28 Электр. ресурс: История России в фотографиях (russianphoto.ru) запрос: <https://russianphoto.ru/search/?years=1840-1999/?query=дивеев> (дата обр. 10.12. 2022)

граница между нормальным и ненормальным. В восприятии образов юродивых происходит производство, репродукция и восприятие символических образцов²⁹. Образ юродивой, в частности, Дивеевской юродивой Пелагии приобретает символические характеристики, становится символом. Однако для образа юродивой характерна фиксация и на бытовых подробностях, так изображены цветы, шаль, элементы убранства комнаты, упоминается в описании: посуда, железные цепи, детали одежды, скамья. Надо отметить, что это не противоречит идеализации образа. «Значение вещиности определяется ролью бытовых деталей в жизнеописании, которые получают функцию отрицания действительности. Вещность переводит происходящее в трансцендентный план: бытовые реалии приобретают антибытовую функцию»³⁰.

Исследование визуальных характеристик образа юродивых позволяет понять закономерности видения и понимания мира русским человеком. Образ блаженной Пелагии раскрывается в визуальных мотивах одиночества, инога, ухода, безмянности и безбрачия, смерти, подготавливает читателя к восприятию трагизма юродского подвига и формирует визуальную топикку юродства. В портрете, гравюре, фотографии образ юродивой Пелагии становится видимым, визуализируется.

Надо отметить, что образ юродивого традиционен для русской культуры и аксиологически значим. Традиция одобрения сохранена в народной культуре и сегодня. Образ юродивого есть сохраняемая обществом культурная ценность. Художественный образ юродивой Пелагии Серебрянниковой, получивший воплощение в картине, в гравюре, в фотографии, совмещает ментальное коллективное представление о нравственном подвиге в христианской культурной парадигме.

Следует указать, что рассматриваемый автором образ странной насельницы Серафимо-Дивеевского монастыря Пелагии Серебрянниковой, представляющий для современной науки новый ракурс видения проблемы, введён в эпистему оптического наследия живописи под названием

«Блаженная Пелагия Дивеевская», транслирует линию женского юродства, составляющую группу малочисленных визуальных примеров. Впервые прослежен путь формирования иконографического извода блаженной Пелагии Дивеевской: фотография — списки с фотографий — эстамп — тиражирование графических листов — живописный портрет. Не исключена эволюционная линия будущего: портрет Пелагии Дивеевской может послужить началом иконописного извода юродивых XXI века.

Список литературы

1. Власов А.Н. «Костюм» юродивого на Русском Севере (проблемы художественной инверсии образа)// Народный костюм и современная молодёжная культура: сборник статей. Архангельск, 1999. С. 42
2. Исупов К.Г. Космос русского самосознания. М.: ИНИОН РАН. Центр гуманитарных инициатив. 2020. С. 277
3. Ковалевский А.Ф. Блаженная Пелагия Ивановна, Христа ради юродивой подвижница Серафимо-Дивеевского монастыря // Душеполезное чтение. 1889. № 4. С. 432.
4. Сказание о Христа ради юродивой подвижнице Серафимо-Дивеевского монастыря Пелагии Ивановне Серебрянниковой: (Собраны от лиц, близких к ней). Тверь: тип. Губ. правл., 1891. 183 с.
5. Туминская О.А. Икона юродивого. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2016. 448 с
6. Чистяков П.Г. Почитание местных святых в российском православии XIX-XXI веке: на примере почитания чудотворных икон в Московской Епархии. Диссерт. исслед. М., Изд-во РГГУ. 2005. 256 с.
7. Российския державы славо и ограждение». Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России / ред.-сост. Н. Н. Чугреева. Москва: Лето: Фонд социально-культурных инициатив, 2015. С. 247

29 Nadezhda Gayevskaya. Образ юродивого в русской агиографической традиции и проблема визуального // Behind the Image, Beyond the Image/ edited by Giovanni Argan, Lorenzo Gigante, Anastasia Kozachenko-Stravinsky. Italy. Ca' Foscari university of Venice. 2021. С. 179

30 Византийские легенды. Издание подгот. С.В. Полякова. Л., 1972. Серия "Литературные памятники". С.24

ICONOGRAPHY OF PELAGEYA DIVEEVSKAYA AS A VISUAL SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE CULTURAL PHENOMENON OF HOLY FOOL

Gayevskaya Nadezhda Zenonovna,
Candidate of the Department of Cultural Studies
Russian christianity academiya, St.-Peterburg
SAFU Northern Arctic University
Severnaya Dvina Nab., 17, Arkhangelsk, 163002, Russia,
Lovich2000@mail.ru

Abstract

The historical documents of regional and central museums and archives contain information about the directions and features of the activity of the Trinity Serafimo-Diveevsky Convent as a reflection of the religiosity of society in the middle of the XIX century. The attribution of these documents and objects, which store and transmit information not only about the history of culture, but also about the private aesthetic and religious experiences of the subjects of the cultural process, complements and sometimes clarifies much in the history of cultural phenomena, monastic practices, in the very understanding of the religious in culture. The article presents the results of a study of the iconography of the image of Blessed Pelagia Serebrennikova, the holy fool of the Serafimo-Diveevsky monastery. For the first time, a lifetime photographic image of Pelageya Diveevskaya from the collection of the Murom Historical and Art Museum has been attributed. Conclusions are drawn about the place of iconography of the blessed in the system of visual embodiment of the image of the holy fools.

Keywords

Portrait, engraving, print, fool, Pelagia Serebrennikova, Serafimo-Diveevsky monastery.

RAR

УДК 930.85

ББК 71.07

DOI 10.34685/NI.2024.47.4.009

РУССКАЯ КУЛЬТУРА СЛОВА XIX ВЕКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА АРХИМАНДРИТА МАКАРИЯ

Халина Наталья Васильевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры медиакоммуникаций,
технологии рекламы и связей с общественностью,
Алтайский государственный университет,
ул. Димитрова, д. 66, г. Барнаул, Россия, 656049,
nkhalina@yandex.ru

Пивкина Надежда Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
ул. Красноказарменная, д. 13, г. Москва, Россия, 111250,
nadezhda_stolyar@mail.ru

Деминова Марина Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики журналистики,
Алтайский государственный университет,
ул. Димитрова, д. 66, г. Барнаул, Россия, 656049,
m.deminova@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется практика создания слова главы Алтайской миссии архимандрита Макария как составляющая лингвистических практик Алтайской миссии XIX века, включающая в себя: а) акцентуацию грамматического предиката как основы логической пропозиции, отражающей в высказывании присутствие-позицию «мыслящего духа». б) двоичную детерминированность, или бинарную производность; в) усиление семантики отрицания как основы конструирования концепции отрицания в качестве знания об ином бытии. С целью расширения представления о концептуальной среде, в которой формировалась философия слова главы Алтайской миссии, и понимания в российском обществе XIX века задач просвещения, анализируются воззрения религиозного философа, литературного критика, одного из главных теоретиков славянофильства И.В. Киреевского.

Ключевые слова

Алтайская миссия, архимандрит Макарий, верующее мышление, внутреннее устройство духа, мыслящий дух, система предикатов, концепция отрицания как знания об ином бытии, философия слова.

XIX век в истории русского православия расценивается А.Б. Ефимовым как эпоха расцвета русского православного миссионерства, которое укреплялось усилиями алтайской, камчатской, китайской, японской, корейской и других православных миссий, действовавших в этот период¹. В течение всего XIX века Алтайская миссия представляла собой образец, первую из миссий, в которой были высоко развиты миссионерские практики, осуществлены первые переводы богослужения на алтайские наречия, что стало примером для переводческой деятельности в других миссиях. Свою историю Алтайская миссия начинает с архим. Макария (Глухарёва), выдающегося миссионера, лингвиста-переводчика, педагога, церковного деятеля. «От молитвы рождается любовь ко Христу, от любви ко Христу новая молитва рождается, — писал он, — тогда влагается в уста души новая песнь; любовь же Божественная изливается в сердце Духом Святым, Которого Отец Небесный посылает, во Имя возлюбленного Сына Своего Иисуса Христа всякому человеку сердцем верующему в правду и устами исповедующему и призывающему во спасение сие Имя Божественное и поклоняемое»².

Синод 1789 года, определявший как систему действий миссионеров, так и систему подобающей рефлексии на действия обращаемого в православную веру населения: 1) преподавать Евангелие, Деяния Апостолов, послания, не отягощая детских по культуре и духу людей всем Священным Писанием и церковным преданием, кроме самых необходимых фактов, 2) излагать понятия о Боге, о создании мира и человека, о спасительной жертве Иисуса Христа, о Церкви, 3) учить их кратким молитвам, рассказывать об иконах, чтобы они чтити их, а не боготворили, поклонялись бы Богу в образе иконы; 4) не должно совершаться никакое принуждение; 5) преподавать следует кротко, любовно, без угроз и притеснений; 6) крестить же, исповедовать, причащать, объясняя, что новообращённый причащается Христу; 7) пререкания слушать терпеливо, снисходительно и самому отвечать словами, но ла-

сково и дружелюбно³. Таким образом, ‘излагать’ ‘учить’, ‘не совершать принуждения’ — система предикатов, отражающих систему действий миссионера. Допускаемые эмоциональные состояния: ‘кротко’, ‘любовно’, ‘без угроз и притеснений’, ‘терпеливо’, ‘снисходительно’, ‘ласково’, ‘дружелюбно’, задают особенности той среды, которая необходима для принятия православной веры и приятия внутреннего устроения духа, его поддерживаемого.

Под руководством архим. Макария ещё в Тобольске миссионеры составили кодекс правил, которых следовало придерживаться при организации жизни Алтайской миссии:

«А) Желаем, да будет у нас всё общее — деньги, пища, одежда, книги и прочие вещи; и сия мера да будет для нас удобностью в стремлении к единодушию.

Б) Желаем тому из нас, которому определением начальства будет поручено особенное попечение о деле проповедания, повиноваться по правилам иноческого общежития.

В) Желаем принимать от него наставления со вниманием, смирением и любовью, а его наставления должны проистекать из Слова Божия и быть согласными с учением Церкви Восточной, Греко-Российской.

Г) Желаем быть пред ним искренними и откровенными в частом исповедании помыслов и искушений наших и вместе с ним учиться у Господа уклоняться от зла и творить благое...»⁴.

Базовый предикат ‘желаем’ в системе правил жизнотворчества Алтайской миссии, представляет собой семантически многоуровневую когнитивную единицу, согласующую состояние готовности миссионера к выполнению своего священного долга проповеди Слова Божьего (а), готовности чтить правила организационной иерархии (б), готовности принимать семантику слова другого как проистекающую из Слова Божьего и согласную с учением Греко-Российской Церкви (Церкви Восточной), преобразуя её в прагматиче-

1 Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви / А.Б. Ефимов М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, 2007.

2 Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб. 1899, С. 239.

3 Пивоваров Б.И. Краткие сказания о начале православного просвещения Сибири, об Абалацкой иконе Божией Матери и о сибирских святых. Преподобный Макарий Алтайский URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46362371> (дата обращения: 10.02.2023).

4 Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1884 г. // Томские епархиальные ведомости. 1885. No 7. Отд. неофиц. С. 7–8.

ское действие (в), готовности уклоняться от зла, учась у Господа, будучи искренним в исповедовании помыслов перед тем, кому будет поручено особенное попечение о деле проповедания (г), готовности творить благое (д).

Архимандрит Макарий за четырнадцать лет пребывания в Алтайской миссии, определив язык народности, понятный всем этносам Алтая — телеутский, изучил его, составил азбуку, словарь (3 тыс. слов), грамматику телеутского языка, перевёл на телеутский язык почти все Евангелие, многие места из Апостола, псалмы и избранные места из Ветхого Завета, некоторые толкования, «Краткий катехизис» митрополита Филарета и его «Краткую Священную Историю», Символ веры, молитвы, чин и вопросы к исповеди, некоторые части богослужения.

Деятельность миссионера, согласно пониманию архимандрита Макария, должна строиться на твёрдом усвоении христианских истин: 1) единственное и полное откровение Божие — Священное Писание; 2) единственный путь к спасению — Православная вера; 3) господство духа Христова в народе, в церкви; 4) наши отношения к людям иноверным и неверным определяются духом любви, которая долго терпит, не ища своего; 6) воспитатель и учитель народный в каждом селе — священник с причтом; 7) на родном языке решительно необходимо изучение Священного Писания; 8) поддержать духовное просвещение — главная обязанность и задача христианского народа; 9) дело священноапостоства — объединить народ в помощь проповеди веры.

В христианских истинах, которыми должен руководствоваться миссионер, определяется логика деятельностного пути не только миссионера, но и ведомого им народа: 'откровение Божие' — 'путь к спасению' — 'господство духа Христова' — 'отношение к людям иноверным и неверным' — 'воспитатель и учитель народный' — 'родной язык' — 'духовное просвещение' — 'проповедь веры через объединение народа'. Семантическая сила выделенных предикатов в их двоичной детерминированности, или бинарной зависимости/производности: единичный предикат может выступать как в функции производящей смысловой формы, так и функции производной. Так, если рассмотрим бином синтагм 'господство духа Христова' (А) — 'отношение к людям иноверным и неверным' (В), то $A \rightarrow B$ означает/читается, что толь-

ко и только господство духа Христова является определяющим в отношениях к людям иной веры и неверным; $A \leftarrow B$ читается как: отношение к людям иноверным определяется духом Христовым, понимание и приобщение к которому приходит через Православную веру, открывающуюся каждому через Священное Писание.

В 1842 году архимандрит Макарий подаёт в Святейший Синод прошение об освобождении его с поста начальника Алтайской Духовной Миссии, причиной чему явилось ослабление здоровья, в частности, зрения. Указом Святейшего Синода от 16 июня 1844 года архимандрит Макарий освобождён от руководства миссией и определён настоятелем в Троицкий Оптин монастырь Орловской епархии (близ города Болхова).

В благословение пастве, прощаясь с Алтаем, отец Макарий оставил поэтическое послание:

*Алтай золотой!
Будь счастлив, родной!
И мир — над тобой!
Будь ты исполнин,
И свят, как Афон:
Господь твой — один.
Все мерзости вон.
Алтай мой родной,
Отныне Бог твой —
Спаситель драгой!
Прощаюсь с тобой
На сердце с тоской
В слезах на глазах,
С молитвой в устах!
Алтай мой родной,
Отныне Бог твой —
Спаситель драгой!
Прости, мой родной,
Прости, мой Алтай,
И, Богом хранимый,
Завет поминай!
Алтай золотой!
Будь счастлив, родной!
И мир — над тобой!*

Поэтические строки отца Макария являются свидетельством деятельности верующего мышления, главный характер которого «заключается в стремлении собрать все отдельные силы души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, прекрасное и истинное, удивительное и желаемое,

справедливое и милосердное, и весь объём ума сливаются в одно живое единство и таким образом восстанавливается существенная личность в её первоизданной неделимости»⁵.

Изучение языка и постижение через него бытового уклада и образа мышления различных народов составило основу деятельности видных православных миссионеров, последователей и продолжателей кирилло-мефодиевской традиции — епископов Стефана, Ионы, Герасима и Питирима Пермских, Гурия и Варсонофия Казанских, архимандрита Феодорита Кольского. Опыт, накопленный богословскими школами, с начала XIX в. стал активно переноситься в светскую науку — выпускники Духовных Семинарий служили на кафедрах университетов, создавая «первопроходческие» по своему характеру учебные пособия по языковым дисциплинам. В XIX в. центр развития лингвистической науки переместился из богословских школ в светские учебные заведения: лингвистика, как отмечает А.В. Торопов, стала более прикладной, соответствуя интересам государственной дипломатии и престижу общественной элиты.

Как полагает исследователь, развитие светского языкознания в известной степени связано с развитием христианского богословия, что особенно отчётливо ощущается на примере России. Одним из ярких тому подтверждений стала вышедшая в 1869 г. в Казани «Грамматика алтайского языка»⁶, авторами которой стали будущий митрополит Московский Макарий (Невский), на момент выхода издания — иеромонах, служивший после окончания Тобольской Духовной Семинарии в Алтайской Духовной Миссии, и видный востоковед и педагог Н.И. Ильминский, преподававший в Казанском университете и Казанской Духовной Академии. Впервые в практике православного миссионерства и светской лингвистической науки объектом систематического изучения стал язык, относившийся к тюркской группе. Ранее просветительская деятельность Православной Церкви была обращена к финно-угорским народам. Особенностью «Грамматики алтайского языка» является также и то, что она

предназначена не только будущим миссионерам, но и обращена к церковному читателю: опыт служения будущего митрополита Макария условно ценен и для светской науки, поскольку он одним из первых соприкоснулся с таинственным для европейцев народом Алтая. «Грамматика алтайского языка», обобщающая опыт диалога Церкви и светской науки, явилась одним из ключевых этапов, выведивших его на новые рубежи. Эта грамматика стала продолжением «Лексикона алтайского языка», составленного архимандритом Макарием.

Главной задачей Алтайской Миссии в составлении грамматики и словаря с точки зрения языковедения было создание прагматической осведомлённости как миссионеров, так и собственно представителей алтайских языков и формирование на её основе совершенно новой фракции сознания — фронтального сознания — и новой «медиатизированной» фракции русского. В совокупности эти два «новообразования» обеспечивали онтологическую безопасность, или онтологическую уверенность России XIX. Прагматическая осведомлённость, будучи важным аспектом коммуникативного взаимодействия говорящего и слушающего, представляет собой знание того, как язык используется для кодирования социального значения через сознательное отражение взаимосвязей между факторами, которые участвуют в прагматическом понимании и производстве⁷. Категория прагматической осведомлённости в большей степени описана в работах, посвящённых исследованию второго языка, при обучении которому важно использование знания языка и понимание того, что люди используют язык, в первую очередь, для координации совместной деятельности.

Создаваемые миссионерами лексиконы, словари, грамматики этнических языков в XIX веке были созвучны идеям славянофильства, в частности, воззрениям религиозного философа, литературного критика, одного из главных теоретиков славянофильства Ивана Васильевича Киреевского. И.В. Киреевский рассматривает Церковь как

5 Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Ч. 1. Серия: Философское наследие России. Л.: Эго, 1991. С. 252.

6 Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской миссии. Казань. 1869

7 Халина Н. В., Каннингхэм Д., Авдеева Т. Ю., Деминова М. А., Жеребненко А. В., Лапина Н.В. Трансформационная прагматика. Приложение к современной философии лингвистики. Коллективная монография /Под ред. Н.В. Халиной и Т.Ю. Авдеевой. Изд-во Алт. ун-т, Барнаул, 2022. С. 15.

основу национальной жизни, определяющую своеобразие и неповторимость русского просвещения, являющуюся частью восточнославянского просвещения. Восточное просвещение связывается И.В. Киреевским с сущностным типом образованности, направленным на внутреннее устройство духа («развитие чувства внутренней правды»), который противопоставляется европейскому типу — формальному, нацеленному на накопление знаний и развитие интеллекта: «Одна образованность есть внутреннее устройство духа силою извещающей в нём истины; другая — формальное развитие разума и внешних познаний. Первая зависит от того начала, которому покоряется человек, и может сообщаться непосредственно; вторая есть плод медленной и трудной работы. Первая даёт смысл и значение второй, но вторая даёт ей содержание и полноту. Для первой нет изменяющегося развития, есть только прямое признание, сохранение и распространение в подчинённых сферах человеческого духа; вторая... не может быть создана мгновенно, но должна слагаться мало-помалу из совокупных усилий всех частных разумений. Впрочем, очевидно, что первая только и имеет существенное значение для жизни, влагая в неё тот или иной смысл»⁸.

Образец высшей образованности в понимании И.В. Киреевского, заботящейся о правильности внутреннего состояния духа, представлен в «Слове на Новый год» архимандрита Макария:

«Смотрите в зеркало совести; смотрите в чистейшее зеркало Божиих откровений в Священном Писании всегда откроется вам в сих зеркалах, чего Бог от вас хочет. Но познавая волю Божию, уже смотрите, поступайте, как можно, верно и по крайней тонкости и точности, согласно тому, чего Господь хочет от вас»⁹. Состояние мыслящего духа может быть достигнуто через систему действий, которая определяется как «чего Бог от вас хочет». По своей логиче-

ской структуре эта система «мотиваций к действию» повторяет систему правил «желаем», которые в качестве «стимулов-к-действию» были сформулированы под руководством Архимандрита Макария при подготовке к выполнению своего миссионерского долга. Таким образом, если модус «желаем» был представлен высказываниями-результатами, характеризующимися модальностью, то модус «хочет» представлен высказываниями-процессами (актами высказывания), характеризующимися, в свою очередь, модаллизацией. Таким образом, в соответствии с семиологической концепцией ценностей А.Ж. Греймаса и Ж. Курте¹⁰, мы имеем дело с семиотическим членением коллективного семантического мира. «Выступая как содержание идеологической модели, они актуализируются и берутся на вооружение S — индивидуальным или коллективным, который модаллизуется как «хотеть-быть», а затем как «хотеть-делать». Это значит, что идеологию, которая относится к уровню поверхностных семиотических структур, можно определить, как актантную структуру, актуализирующую ценности, которые она выбирает внутри аксиологических систем (имеющих виртуальный характер)». Идеология при этом рассматривается в качестве постоянного поиска ценностей, с одной стороны, с другой стороны, актантная структура, несущая информацию, рекуррентная в любом идеологическом дискурсе.

Философия слова главы Алтайской миссии архимандрита Макария объясняется через логосное начало языка, предполагающее понимание слова как «органического семени», смыслы которого рождены из *дословесного, довербального хаоса*, меона (греч. μήδων — *не-сущее*). Это слово сохраняет на себе печать Божественного творения (первозданное Слово) и творчески развивает потенции и реализует энергии Божественного Логоса. Такая объединяющая основа концепций принципиальна для философско-лингвистических взглядов русских религиозных философов¹¹. Внутренняя форма рассматриваемой философии-

8 Киреевский И. В. Обозрение современного состояния словесности // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений: в 4 т. / Сост., прим.и комм. А. Ф. Мальшевского. Т. 2. Литературно-критические статьи и художественные произведения. Калуга: Гриф, 2006. С. 167–226.

9 Слово архимандрита Макария на Новый год URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Altajskij/slovo-na-novyj-god/ (дата обращения: 09.02.2023).

10 Греймас А.Ж., Курте Ю. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М.: Радуга, 1980. С. 483–550

11 Агафангел (Гага), игумен. О концепциях языка в русской религиозной философии. URL: <https://bogoslav.ru/article/4871945> (дата обращения: 15.02.2023).

ской концепции по проблематике созвучна ключевой проблеме современной философии языка, которая игуменом Агафангелом (Гагуа) определяется в качестве вопроса трансформации ментальных содержаний в регистре вербальности, проблемы процесса и механизмов перехода содержаний сознания в языковой план, в речевое высказывание.

Список литературы

1. Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской миссии. Казань. 1869.

2. Греймас А.Ж., Курте Ю. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М.: Радуга, 1980. С. 483-550.

3. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви / А.Б. Ефимов М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, 2007.

4. Пивоваров Б.И. Краткие сказания о начале православного просвещения Сибири, об Абалацкой иконе Божией Матери и о сибирских святых. Преподобный Макарий Алтайский URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46362371> (дата обращения: 10.02.2023).

5. Халина Н.В., Каннингхэм Д., Авдеева Т.Ю., Деминова М.А., Жеребненко А.В., Лапина Н.В. Трансформационная прагматика. Приложение к современной философии лингвистики. Коллективная монография / Под. ред. Н.В. Халиной и Т.Ю. Авдеевой. Изд-во Алт. ун-т, Барнаул, 2022. С. 15.

XIX CENTURY RUSSIAN WORD CULTURE: THE LINGUISTIC PRACTICE OF ARCHIMANDRIT MAKARIYA

Khalina Natalia Vasilievna,

DSc in Philology,
Professor of the Department of Media Communications,
advertising technology and public relations,
Altai State University,
Dimitrova St., 66, Barnaul, Russia, 656049,
nkhalina@yandex.ru

Pivkina Nadezhda Nikolaevna,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
National Research University "MPEI",
Krasnokazarmennaya St., 13, Moscow, Russia, 111250,
nadezhda_stolyar@mail.ru

Deminova Marina Aleksandrovna,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Journalism,
Altai State University,
Dimitrova St., 66, Barnaul, Russia, 656049,
m.deminova@mail.ru

Abstract

The article investigates the practice of creating the word of the head of the Altai Mission Archimandrite Makary as a component of linguistic practices of the Altai Mission of the XIX century, which includes: a) accentuation of the grammatical predicate as the basis of a logical proposition, reflecting the presence-position of the "thinking spirit" in the statement. b) binary determinacy, or binary derivation; c) strengthening the semantics of negation as the basis for constructing the concept of negation as knowledge of another being. In order to expand the idea of the conceptual environment in which the philosophy of the word of the head of the Altai mission was formed and the understanding of the tasks of enlightenment in the Russian society of the XIX century, the views of the religious philosopher, literary critic, one of the main theorists of Slavophilism I. V. Kireyevsky are analyzed.

Keywords

Altai Mission, Archimandrite Makary, believing thinking, inner disposition of the spirit, thinking spirit, system of predicates, concept of negation as knowledge of another being, philosophy of the word.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/НИ.2024.47.4.010

БЛАГОТВОРЕНИЕ КАК ФАМИЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА РОМАНОВЫХ

Закатов Александр Николаевич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории, философии и социальных наук,
Московский государственный университет геодезии и картографии,
директор Канцелярии главы Российского императорского дома,
Гороховский пер., д. 4, г. Москва, Россия, 105064,
an_zakatov@mail.ru

Романова Дарья Яковлевна,
кандидат культурологии,
руководитель Центра семейного и родового наследия,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366,
dariam1864@mail.ru

Аннотация

Благотворительность рассматривается как неотъемлемая часть нематериального культурного наследия России. На примере социального служения представителей Императорского Дома Романовых авторы обращаются к различным формам их благотворительности, являющимся актуальными в мирное и военное время.

Ключевые слова

Благотворительность, меценатство, Российский Императорский Дом Романовых, нематериальное культурное наследие.

Культура милосердия всегда являлась одним из важных проявлений русской идентичности, а также играла объединяющую роль среди представителей разных сословий и возрастных категорий.

В настоящее время, когда возрастает необходимость ценностного подхода к такому значимому пласту историко-культурного наследия России, как благотворительность, представляется актуальным обращение к обширному опыту социального служения Российского Император-

ского Дома. Отношение к вопросам благотворительности и меценатства являлось, прежде всего, показателем «аристократии духа».

История благотворения в России неразрывно связана с династией Романовых. Наряду с прямым оказанием материальной поддержки бедным и страждущим, милосердие августейших особ проявлялось также в поддержке многих творческих начинаний, связанных с развитием русской культуры.

Благотворительность осуществлялась во взаимодействии с творческой элитой, выражалась в различных формах покровительства искусству, в содействии сохранению памятников истории и культуры.

Этот вид нематериального культурного наследия, несомненно, имеет значимость для развития современной социальной политики.

К основным характеристикам устройства благотворительной деятельности в Российской Империи относятся:

Религиозно-нравственное обоснование долга монарха, членов династии и всех государственных деятелей, наряду с выполнением ими своих основных обязанностей, **заботиться о нуждающихся соотечественниках на добровольной и бескорыстной основе.** Это сознание препятствовало чрезмерной бюрократизации и формализации социальной политики.

Сочетание общей государственной социальной политики, получившей развитие в XVIII столетии в качестве обязанности государства по отношению к нуждающимся, с **личной благотворительной инициативой** представителей императорской фамилии. Царствующий императорский дом был родом, обладающим статусом государственного учреждения, из которого в определяемом законом порядке происходили носители верховной власти¹. В силу этого связь индивидуального благотворения членов императорского дома с «общественным призрением», выражавшаяся в покровительстве над различными благотворительными учреждениями, была всецело органичной и естественной. Такое покровительство способствовало развитию организованной помощи, восполняло недостатки, связанные с бюрократическими факторами, служило примером для других людей, усиливало просветительский характер социального служения.

Преемственность в культуре семейного социального служения. Культура благотворения являлась краеугольным камнем воспитания детей и формой межличностных отношений. Например, воспитателем будущего императора Александра II полковником К.К. Мердером была создана «касса благотворения», когда деньги, по-

лученные маленьким цесаревичем в качестве поощрения, шли на дела милосердия². Преемственная линия прослеживалась и в покровительстве над учреждениями (передача статуса августейшего покровителя или попечителя по традиции или по завещанию). Благотворение являлось родовой ценностью и семейным делом, неотъемлемой частью повседневной жизни представителей императорской фамилии.

Всеобщность служения. Члены Российского императорского дома, как правило, избегали придания своей благотворительной деятельности характера элитарности. Напротив, они стремились приобщать к участию в делах милосердия представителей всех сословий, национальностей, возрастов и т.д. Августейшие особы не только сами жертвовали крупные суммы, но организовывали акции по сбору средств и лично участвовали в них. При этом признавалась значимость любого пожертвования, независимо от размера.

Идейно-историческое обоснование.

Благотворение членов Российского императорского дома нередко носило мемориальный характер. Дела милосердия совершались в памятные даты, как «венец» торжественных событий, в ознаменование военных побед, в честь рождения членов династии, в память о скончавшихся родственниках и своих предшественниках на занимаемых государственных должностях, на помин души. Таким образом, благотворительность сочеталась с выражением почтения к предкам, увековечиванием их памяти. По образному выражению великой княгини Марии Владимировны, это является «воздвижением памятников в душах людей»³.

Воспитательно-просветительская составляющая.

В благотворительности членов императорского дома наблюдается стремление к нерасторжимости христианского благочестия (а на примере отдельных представителей и духовного подвига) и эстетики повседневности.

1 Подробнее: Закатов А.Н. Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность // Ценности и смыслы, 2016, № 1 (41). – С. 36-47.

2 Зимин И.В. Личная благотворительность членов Императорской Семьи (XVIII – XX вв.). – М: Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество; Издательский Дом ТОНЧУ, 2018. – 152 стр., ил. с.32.

3 Юбилей всенародного подвига. – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии. Вознесенский Печерский монастырь, 2015. – 272 с. илл. – С. 17. Перевод на английский – проф. Р. Мартин. ISBN 978-5-903657-61-2, УДК 94 (47), ББК 63.3(2)-8 Романовы, Ю-13

Императорская фамилия являла пример формирования ответственного отношения к благотворительности с самого детства; сочетания материальной помощи с попечением о духовном развитии нуждающихся лиц; личного участия во многих проектах; личного посещения нуждающихся и оказания медицинской помощи; самоограничения в сложных для народа условиях (например, в военное время); стремления объединения усилий на ниве милосердия с представителями всех сословий.

Кроме личного примера и престижности творчества соотечественников с членами царствующего дома, немаловажное значение имела система поощрения наиболее отличившихся в сфере благотворительности в разных формах выражения благодарности от августейших особ.

Адресность благотворительности. Проведение благотворительных акций было направлено на решение конкретных проблем, на развитие определённых отраслей деятельности; жертвователи могли увидеть конкретный результат своих усилий. Отдельное место занимала духовная и материальная поддержка молодого поколения.

Традиции и формы благотворения в мирное и военное время.

Учреждения и акции широкой благотворительной направленности

Значимым примером системного подхода к благотворительности являлось создание благотворительных ведомств и комитетов. Старейшей из благотворительных институций являлось Ведомство учреждений Императрицы Марии (ВУИМ), постепенно сформировавшаяся государственная система (Четвёртое отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии), включавшая в себя постоянно увеличивающееся количество учреждений.

Выдающееся значение имела деятельность благотворительных обществ (Женского Патриотического Общества, Императорского Человеколюбивого общества)⁴.

Особую роль в системе социального служения Дома Романовых играло Российское общество Красного Креста, созданное благодаря императрице Марии Александровне и позднее

находившееся под покровительством императрицы Марии Фёдоровны. Важно отметить работу дамских комитетов, в которой принимали активное участие представительницы Императорской Фамилии. Оказание помощи было разнотипным. В частности, это касается ликвидации последствий голода и эпидемий, неурожаев, стихийных бедствий, пожаров, землетрясений. Была организована работа учреждений помощи голодающим.

Обращаясь к наследию Дома Романовых, важно выделить следующие формы благотворения, являющиеся актуальными в наше время:

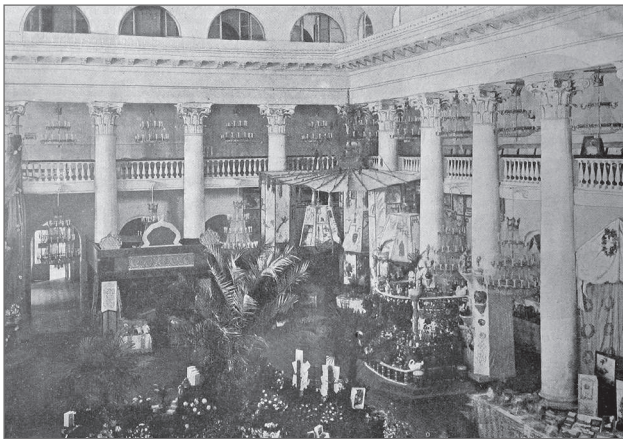
Праздник как эстетическая форма социального служения. Это особенно показательно на примере благотворительных базаров и праздников цветов. В современной России, когда особенно актуально развитие различных форм социального служения, представляется важным обращение к такому феномену культуры милосердия дореволюционной России, как праздник. Данная форма социального служения играла объединяющую роль для представителей различных сословий. В частности, добрым примером нам может служить праздник «Белый цветок», учреждённый в России Государем Николаем II. Приобщение к традициям милосердия — яркий образец для многих учреждений культуры, в частности, музеев, повседневность которых основана на деятельной исторической памяти, на сохранении и творческом развитии лучших культурных традиций прошлого. В данном контексте показателен пример Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва, в стенах которого в наши дни проходили ежегодные акции при участии Канцелярии Главы Российского Императорского Дома, регулярное проведение благотворительных акций Елисаветинско-Сергиевским просветительским обществом, Марфо-Мариинской обителью милосердия, Ассоциацией Благотворителей «Белый цветок».

Благотворительные сборы на различные нужды (в том числе, организация кружечных сборов); балы; базары (к примеру, благотворительные базары, устроенные Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной⁵ и Великой княгиней

4 Данная структура включала больницы, учебно-воспитательные заведения, дешёвые квартиры, приюты, народные столовые, дома призрения и т.д.

5 Кучмаева И.К. Когда жизнь истинствует... Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны. М.: Издательство «Индрик», 2008. – 364 с.

Марией Павловной); ёлки, выставки, концерты (в том числе, в пользу Елизаветинского благотворительного общества, общин сестёр милосердия, комитета РОКК); лекции, лотереи, лотереи-аллегри. Мероприятия преследовали не только благотворительную, но и нравственно-воспитательную цель. По инициативе Великой княгини Марии Павловны были проведены акции «День креста — помощь воинам под неприятельским огнём» и «Пожарные — солдатам».

Илл.1 Благотворительный базар в залах Российского Благородного Собраниа, 22-25 марта 1903 г. Общий вид базара. Из книги Кучмаевой И.К. Когда жизнь истинствует... Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны. М.: Издательство «Индрик», 2008. – 364 с.

Илл.2 Стол Её Императорского Высочества Великой княгини Елисаветы Феодоровны. Весь левый угол этого стола занят рукодельными работами и живописью на полотне Её Императорского Высочества. Из книги Кучмаевой И.К. Когда жизнь истинствует... Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны. М.: Издательство «Индрик», 2008. – 364 с.

Илл.3 Благотворительный жетон «Помощь военно-санитарной организации Великой княгини Марии Павловны». Из архива Канцелярии главы Российского Императорского Дома.

Илл.4 Великая княгиня Мария Павловна. Журнал «Le Petit Journal». 5 декабря 1891 г. Из архива Канцелярии главы Российского Императорского Дома.

Много сил представители династии посвящали **вопросам оказания помощи детям**, проблемам детства и материнства, попечения о сиротах, что находило отображение в создании системы социальных учреждений и воспитательных домов для сирот и подкидышей (яркие примеры — создание Екатериной II системы социальных учреждений «Приказы общественного призрения» и деятельность Воспитательного дома). Великой княгиней Екатериной Михайловной был создан приют для детей работающих родителей — первый детский сад в России. Под попечением представителей Дома Романовых находились приюты, ясли, богадельни, детские трудовые артели (Ольгинские детские семейные приюты трудолюбия, приют для потерявшихся детей под покровительством Великой княгини Ксении Александровны, Сергиево-Елизаветинский приют при Московской центральной пересыльной тюрьме, созданный для того, чтобы облегчить участь семей осуждённых, чтобы дети воспитывались в свете христианского добротолубия). Помощь оказывалась и самим заключённым, а также женщинам, освобождаемым из тюрем (Дамский попечительный о тюрьмах комитет). Под покровительством Великой княгини Елизаветы Маврикиевны действовало Общество попечения о бедных и больных детях «Синий крест».

Забота о детях участников войны. По инициативе Великой княгини Елизаветы Фёдоровны «в пользу детей воинов, вставших на защиту Отечества» была издана книга «Под Благодатным Небом». Ещё один пример — Сергиево-Елизаветинское начальное училище с ремесленными отделениями для солдатских детей.

Помощь военным инвалидам (ветеранам войн)

Благотворительная деятельность являлась и выражением благодарности за подвиги поданных на военном поприще (учреждённый Императором Александром I в 1814 году Комитет для оказания помощи раненым и больным генералам и офицерам). В эпоху правления Государя начала формироваться система общегосударственной поддержки военнослужащих и их семей.

В последующем, помимо попечения о больных и раненых, семьях погибших и раненых, отдельное внимание уделялось сёстрам милосердия и представителям духовенства.

Одним из значимых примеров помощи воинам является устройство императрицей Марией Фёдоровной в 1883 г. Мариинского приюта, предназначенного для приспособления нуждающимся ампутированным и увечным воинам искусственных конечностей и протезов. Интерес представляет и «Международный фонд Красного Креста Императрицы Марии Фёдоровны для присуждения из процентов премий авторам наилучших изобретений, направленных к облегчению страданий раненых и больных воинов».

Помощь увечным (инвалидам)

Оказывались меры, направленные на поддержку слепых⁶ и глухих детей и взрослых⁷; развитие протезного дела.

Отдельное место занимало оказание помощи в экстремальных ситуациях, во время бедствий — пожаров, наводнений и неурожаев⁸.

Помощь малоимущим и бездомным

Осуществлялась помощь, связанная с предоставлением жилья (под покровительством Великого князя Сергея Михайловича находилось Общество доставления дешёвых квартир и других пособий нуждающимся жителям С.-Петербурга).

Создавались убежища (открытие убежища Государыни Императрицы Марии Фёдоровны для заслуженных воспитательниц её учреждений, состоявшего при отделении малолетних сирот; убежище для сирот лиц, погибших во время катастрофы на Ходынском поле).

Медицинская помощь и развитие медицинского образования включали в себя развитие лечебных учреждений (к примеру, здравница Великого князя Михаила Александровича, где оказывали помощь лёгочным больным), развитие акушерского образования и деятельности повивальных институтов, поддержка общин сестёр милосердия и забота об их медицинском образо-

6 «Мариинское попечительство для призрения слепых» Императрицы Марии Александровны.

7 «Попечительство Императрицы Марии Фёдоровны о глухонемых», занимавшееся благотворительной, методической и научной работой.

8 Общество пособия пострадавшим от пожарного бедствия в Санкт-Петербурге, Московское общество помощи погорельцам, Комитет о пособии разорённым наводнением Санкт-Петербурга, Общество спасения на водах.

ваний⁹, финансирование научных исследований.

Помощь Церкви

Храмоздательство и покровительство храмам являлись особыми формами благотворительности Императорского Дома (как в России, так и за рубежом), имевшими и миссионерский характер. К примеру, значительные средства были выделены на строительство православного храма в Дармштадте. Возведение храмов являлось также увековечением исторической памяти. Благотворительность символически олицетворяла собой и связь с исторической родиной (яркий пример — поддержка Императрицей Марией Фёдоровной деятельности Датского Красного Креста в России);

Многочисленные вклады в храмы и монастыри;

Основание обителей и монастырей (Марфо-Мариинская обитель милосердия, Покровский женский общежительный монастырь с хирургической больницей в Киеве и др.);

Пожертвования на благоустройство обителей, в частности, в период прославления святых (Саровские торжества). Сбор средств в пользу храмов («Церковная лепта»).

Поддержка развития науки и образования

Одним из направлений социального служения императорской фамилии являлось покровительство учебным заведениям (творческие учебные заведения, промышленные, военно-учебные заведения, гимназии, ремесленные и начальные училища, церковно-приходские школы и т.д.) и приобщение молодого поколения к делам милосердия; развитие профессионального образования, просветительская деятельность Императорского Православного Палестинского Общества, выделение средств на обучение и содержание талантливых учащихся, улучшение материальных условий и забота об их досуге; учреждение именных стипендий; устройство студенческих общежитий и общежитий для юных добровольцев в военное время¹⁰), организация общеоб-

разовательных чтений для рабочих¹¹, организация чтений и религиозно-нравственных бесед при лазаретах и казармах с целью духовного влияния на молодых солдат, покровительство отделу по распространению духовно-нравственных книг Общества любителей духовного просвещения.

Меценатство

Культура являлась значимой сферой социального служения, августейшие особы занимали заметное место в ряду создателей, дарителей и попечителей музеев. Традиции их милосердия раскрываются сквозь призму покровительства различным видам и жанрам искусства. Важно отметить участие представителей династии в решении организационных и финансовых вопросов, связанных с развитием просветительских учреждений, формированием разнопрофильных музейных коллекций и библиотечных фондов, дарения в музеи и ходатайства о приобретении материальных свидетельств той или иной эпохи. Благотворение воплощалось и в художественной форме (в творческих изделиях, созданных руками Царственных Особ и продаваемых с благотворительной целью).

Культурно-просветительские центры становились очагами социального служения. Так, например, в период Русско-японской войны Румянцевский музей принял посильное участие в помощи больным и раненым воинам. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна устроила в нём склад пожертвований для раненых воинов. Благотворительные выставки, организованные ею, покровительство Великой княгини Елены Павловны художникам, писателям, учёным, композиторам — яркие примеры вовлечения культурно-просветительских учреждений и представителей творческой интеллигенции в благотворительную жизнь, а также оказания им поддержки.

Отражение благотворительной деятельности в изданиях

Повседневность социального служения находила отражение в изданиях того времени, таких как: «Вестник Красного Креста», «Иллюстрированный календарь Красного Креста», «Вестник благотворительности», «Русский инвалид», «При-

9 Среди наиболее известных общин были: Крестовоздвиженская, Александровская, Елизаветинская, Иверская, Покровская, Царскосельская общины сестёр милосердия, Кауфманская, Свято-Троицкая, Свято-Георгиевская общины сестёр милосердия и др.

10 Право пожизненного ношения знака общежития Ее Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны получали воспитанники, оказавшие

своим благотворным влиянием на товарищей пользу делу воспитания юных добровольцев.

11 Чтения организованы по инициативе Великого князя Сергея Александровича.

зрение и благотворительность в России», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Еженедельник Особого Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Фёдоровны о благотворительности Москвы в деле помощи раненым и пострадавшим вследствие военных действий на Дальнем Востоке», «Досуг слепых», журнал «Детская помощь» и др. Также это касается отчётов сестёр милосердия, ряда публикаций в дореволюционной прессе.

В контексте истории благотворения Дома Романовых важно отметить учреждение в 1897 году премии императрицы Александры Фёдоровны с целью поощрения появления в отечественной печати значительного объёма изданий, посвящённых проблемам благотворительности. Были представлены примеры тем, наиболее подходивших для осуществления данной цели: 1) «Трудовая помощь как средство призрения бедных»; 2) «Исторический обзор мер общественного призрения и благотворительности в России», «Соотношение деятельности общественной и частной на поприще призрения бедных и благотворительности»¹². Также, в прессе был размещён список книг зарубежных писателей, появление которых в переводе на русский язык было признано желательным.

Важно отметить издания, созданные с благотворительной целью, в частности, речь идёт о книге «Под Благодатным Небом», в которой особое внимание уделялось детству святых. Это и благотворительные открытые письма, календари и эстампы, издававшиеся Общиной Святой Евгении и имевшие также просветительское значение. В данном контексте необходимо выделить и литературный сборник «Призыв», изданный в пользу состоявшего под покровительством Их Императорских Высочеств Великой княгини Елисаветы Фёдоровны и Великого князя Сергея Александровича Общества призрения престарелых и лишённых способности к труду артистов и их семейств в Москве.

Благотворительность во время войн

В военное время эти постоянные формы благотворительности дополнялись открытием госпиталей; созданием военных богаделен, инвалидных домов, вдовьих домов для семей погибших солдат и офицеров; учреждением имен-

ных комитетов (Татьянинский комитет помощи беженцам, Романовский, Алексеевский, Александровский, Комитет Великой княгини Марии Павловны по снабжению тёплой одеждой фронтовиков и т.п.) и ведомств для системного и разностороннего подхода к вопросам оказания помощи военнослужащим и раненым; непосредственное исполнение обязанностей сестёр милосердия членами императорского дома женского пола. Во время Русско-японской войны оказывалась поддержка душевнобольным-пострадавшим офицерам и нижним чинам. Особую значимость имели также следующие формы вспомоществования:

Снабжение всем необходимым на театре военных действий, создание походных церквей, помощь русским военнопленным, государственный сбор денег на их выкуп, создание именных военно-санитарных поездов. Были организованы комитеты, госпитали и лазареты, летучие отряды. Так, например, при Царскосельском лазарете имени Государыни Императрицы Александры Фёдоровны для выздоровления воинов, эвакуированных с Дальнего Востока, была мастерская для обучения воинов. Важно вспомнить самоотверженную работу Великой княгини Виктории Фёдоровны, Военно-санитарный автомобильный отряд её имени (Первая мировая война). Увековечение памяти являлось особым видом социального служения августейших особ. Так, действовал Комитет по увековечению памяти русских воинов в войне 1904–1905 годов, созданный Великой княгиней Ольгой Александровной.

Современные формы социально ориентированной деятельности Императорского Дома:

Сочетание традиционных и новых форм благотворения, участие в культурных, образовательных и просветительских инициативах является одним из приоритетных направлений деятельности Российского Императорского Дома, не прерывавшейся в изгнании¹³ и олицетворяющей сохранение исторической преемственности социального служения династии. В настоящее время благотворительность выражается в системной поддержке на уровне фондов и отдельных акций милосердия:

12 Московские церковные ведомости. 1897. №24. с.37.

13 Проведение международных благотворительных акций в пользу РОКК (поездка Великой княгини Виктории Фёдоровны в Америку, ее участие в благотворительных акциях).

Илл.5 Её Императорское Высочество Великая княгиня Виктория Фёдоровна, награждённая тремя Георгиевскими медалями за самоотверженную работу на передовых позициях. Портрет И. Космина. Журнал «Нива» 1916. № 49. Из архива Канцелярии главы Российского Императорского Дома.

Императорский фонд исследования онкологических заболеваний, учреждённый Его Императорским Высочеством Великим князем Георгием Михайловичем¹⁴;

Благотворительный фонд «Банк еды «Русь» — крупнейший в России «банк еды» для социально незащищённых семей через приходы Русской Православной Церкви, религиозные и благотворительные организации во всех регионах страны¹⁵;

Поддержка Императорским фондом историко-культурного наследия. Яркий пример — участие Фонда в сборе средств для Международного благотворительного фонда Юрия Розума, занимающегося проблемами музыкального и культурного образования подрастающего поколения.

В контексте исторической преемственности важно отметить совместную деятельность супругов Великого князя Георгия Михайловича и Светлейшей княгини Виктории Романовны, являющую собой пример супружеской пары, объединённой

общими духовно-нравственными ценностями: «Задача аристократии сегодня — использовать своё имя на благо обществу, для развития культуры» (из интервью Светлейшей княгини). В этой связи представляется актуальным создание «календаря» благотворения (освещение мероприятий или публикация материалов, посвящённых «юбилеям» крупных благотворительных проектов, а также особенностям их реализации в повседневной жизни). В целом, мы можем говорить о созидательной деятельности, направленной на укрепление взаимодействия Российского Императорского Дома с другими историческими институтами в вопросах социального служения.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что социальное служение представителей Дома Романовых являлось их ценностным принципом и жизненным призванием, а также отображением их духовно-ценностного мира в мирное и военное время, а формы служения членов императорской фамилии актуальны в настоящее время.

Список литературы

1. Закатов А.Н. Традиции благотворительности дома Романовых. – СПб: Императорский фонд исследования онкологических заболеваний, 2015. – 140 с., илл. – ISBN 978-5-9905643-3-6
2. Закатов А.Н. Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность // Ценности и смыслы, 2016, № 1 (41). – С. 36-47.
3. Зимин И.В. Личная благотворительность членов Императорской Семьи (XVIII – XX вв.). – М: Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество; Издательский Дом ТОНЧУ, 2018. – 152 стр., ил.
4. Российская благотворительность под покровительством Императорского дома Романовых [Текст] каталог выставки, Москва, Государственный музей-заповедник "Царицыно", 7 декабря 2018–24 марта 2019 / Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности "Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество" при поддержке Департамента культуры города Москвы, Институт Всеобщей истории Российской академии наук; [составитель Л.В. Шумская]. – Москва: Елисаветинско-Сергиевское просветительское о-во, 2019. – Ч. 1: Милосердие и просвещение. Ч. 1. – 2019.

14 <http://imperialfund.org/>

15 <https://foodbankrus.ru/o-nas/komanda/romanov-gm/>

5. Кучмаева И.К. Когда жизнь истинствует... Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Федоровны. М.: Издательство «Индрик», 2008. – 364 с.

6. Кучмаева И.К. Жизнь и подвиг Великой княгини Елизаветы Федоровны. М.: Московское издание, 2004.

7. Соколов А.Р., Хитров А.А. Российская благотворительность под покровительством дома Романовых. – СПб., 2015. – 568 с. – ISBN 978-5-9906154-2-7

8. Соколов А.Р., Зимин И.В. Благотворительность семьи Романовых. XIX-начало XX в. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. – М.: Издательство Центрполиграф, 2015. – 604 с.

9. Романова Д.Я. Эстетический аспект благотворительной деятельности Великой княгини

Елизаветы Федоровны / Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна: московский период: XVI-XVIII Елисаветинско-Сергиевские чтения, Москва, 2013-2015 гг.: избр.ст./ [Отв.ред.А.В.Громова]. – М.: Елисаветинско-Сергиевское просветительское о-во, 2017. – 268 с. с.127–133 – (Научная библиотека Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества/ Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество»).

10. Юбилей всенародного подвига. – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии. Вознесенский Печерский монастырь, 2015. – 272 с. илл. – С. 17. Перевод на английский – проф. Р. Мартин. ISBN 978-5-903657-61-2, УДК 94 (47), ББК 63.3(2)-8 Романовы, Ю-13

CHARITY AS AN FAMILY VALUE OF THE RUSSIAN IMPERIAL HOUSE OF ROMANOV

Zakatov Alexander Nikolaevich,

PhD in History,

Docent of Cathedra of History, Philosophy and Social Sciences,

Moscow State University of Geodesy and Cartography,

Director of the Chancellery of the Head of the Russian Imperial House,

Gorokhovskiy Lane 4, 105064 Moscow, Russia,

an_zakatov@mail.ru

Romanova Daria Yakovlevna,

PhD in Culture Studies,

Center for Family and Ancestral Heritage, Head,

Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural

Heritage named after D. S. Likhachev,

Kosmonavtov str. 2, 129366 Moscow, Russia,

dariam1864@mail.ru

Abstract

Charity is considered as an integral part of the non-material cultural heritage of Russia. On the example of the social service of representatives of the Imperial House of Romanov, the authors turn to various forms of their charity, which are actual in peacetime and wartime.

Keywords

Charity, arts patronage, the Russian Imperial House of Romanov, non-material cultural heritage.

RAR
УДК 930.85
ББК 63
DOI 10.34685/НІ.2024.47.4.011

К ВОПРОСУ О ЯЗЫЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЯХ И КУЛЬТАХ ФИННО-УГОРСКОГО ПЛЕМЕНИ МЕРЯ

Козлов Михаил Николаевич,

доктор исторических наук,
профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура»
Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета,
ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Россия, 299053,
kmn_75@mail.ru

Бойцова Елена Евгеньевна,

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Всеобщая история и мировая культура»
Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета,
ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Россия, 299053,
e.e.bojtsova@mail.sevsu.ru

Аннотация

На основе анализа материалов археологических исследований мерянских языческих святилищ и могильников IX — начала XI вв., а также текста «Жития Авраамия Ростовского» и народного предания «Сказание о построении града Ярославля» проведена историческая реконструкция языческих верований и культов финно-угорского племени меря, населявшего ростовские, ярославские, суздальские и костромские земли в IX — начале XI вв. В исследовании также проведён анализ мерянских традиционных представлений о загробном мире.

Ключевые слова

Меря, языческие святилища, языческие верования, культ Велеса, языческие представления о загробном мире.

Многие балтийские и финно-угорские народы, проживавшие некогда на окраинах Древней Руси, были ассимилированы пришлыми славянами в течение XI–XII вв. Однако их языческое наследие составило неотъемлемую часть древнерусской культуры. Неславянские языческие мотивы чётко прослеживаются в древнерусском ремесле, строительстве, искусстве, народном фольклоре. Важной частью финно-угорской традиционной культуры являлись их верования и культы. Они

оказали существенное влияние на формирование народного Православия в раннехристианскую эпоху. Таким образом, без изучения религиозных верований и культов финно-угорских народов, проживавших на восточнославянских землях, невозможен детальный анализ религиозного и культурного развития древнерусского общества.

Однако если славянское язычество стало объектом исследования отечественных учёных ещё во второй половине XVIII в., то дохристиан-

ские верования и культы финно-угорских народов, проживавших некогда в Северо-Восточной Руси по сей день, остаются для нас загадкой.

Особый интерес в этом отношении вызывает суровое племя меря, проживавшее вплоть до начала XI в. в ростовских, ярославских и костромских землях. Мерянские языческие верования и культы оказали существенное влияние на мировоззрение недавно окрещённого пришлого славянского населения, существенно повлияв на формирование древнерусской двоеверной картины мира, отдельные элементы которой просматриваются в народном Православии вплоть до нашего времени.

В настоящее время усилился интерес к народным традициям и верованиям, проживающих в России финно-угорских народов. Целый ряд отечественных исследователей проводят реконструкцию различных аспектов некоей единой финно-угорской мифологии, опираясь на этнографические материалы XIX — начала XX вв., собранные среди финно-горских народов Поволжья, Урала или Сибири¹.

Между тем, языческие верования и культы финно-угорских народов, ассимилированных славянами в XI–XII вв. остаются вне научного внимания современных исследователей. Так, В.Я. Петрухин, например, в одной из своих монографий провёл ретроспективный анализ мифологии финно-угров в целом, но мерю в своём исследовании он так ни разу и не упомянул².

На сегодняшний день можно констатировать, что детального научного исследования, посвящённого религиозным воззрениям финно-угорского племени меря в отечественной гуманитарной науке, не существует.

Историческая реконструкция языческих мерянских верований и культов — основная цель данной статьи.

Самыми ценными источниками в свете реконструкции верований и культов мерянского племени являются материалы раскопок мерянских языческих святилищ и могильников конца X–XI вв.

Некоторые драгоценные детали религиозной жизни Ростовского края конца X–XI вв. содержатся также в «Житии Авраамия Ростовского» и народном предании «Сказание о построении града Ярославля». По мнению И.О. Тихомирова, «Сказание» восходит к какому-то письменному источнику XI в., не дошедшему до нашего времени³.

Так, в «Житии Авраамия Ростовского» сообщается о том, что святитель Авраамий с великим негодованием обнаружил в одном из районов Ростова (Чудском конце) капище Велеса с каменным идолом⁴.

«Чудский конец» — это старый район города, в котором проживали коренные жители мерянского края. Именно они, согласно отрывку из вышеупомянутого источника, и поклонялись Велесу в Ростове в период правления здесь князя Бориса Владимировича.

Более информативным выглядит сообщение о религиозной жизни ярославской мери из народного предания «Сказание о построении града Ярославля»: «Бысть селище, рекомое Медвежий угол, в нем же насельницы человецы, поганья веры языцы, зли суще. Идол, ему же кланястася сии, бысть Волос, сиречь скотий бог. И сей Волос, в нем же бес живя, яко и страхи мнози твои, стояше осреди логовины, нарицаемой Волосовой, отседе же и скотии по обычаю на пажити изгоняше. Сему многокозненному идолу и кереметь створена бысть и волхв вдан, а сей неугасимый огонь Волосу держа и жертвенная ему кури. Тако егда прииде первый спут скотия на пажити, волхв закала ему тельца и телицу, в обычное же

1 Голубкова О.В. Орнитоморфные образы женских демонологических персонажей в традиционном мировоззрении славян и финно-угров // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. №20. С. 286-297; Кольчугина С.В. Образ оленя в традиционном искусстве финно-угров // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2010. №1. С. 67-69; Дорошин Б.А. Архетипический образ птицы-демиурга в мифологических представлениях финно-угров Поволжья: некоторые антропокосмические аспекты // Социосфера. 2010. №4. С. 156-160; Абукаева Л.А. Культ земли в запретах финно-угров // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета, 2017. С. 232-235.

2 Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель, 2003. 464 с.

3 Тихомиров И. А. О некоторых ярославских гербах // Тр. 3-го обл. ист.-археол. съезда во Владимире. Владимир: Типография Губернского правления, 1909. С.38

4 Житие Авраамия Ростовского. Электронный ресурс. Точка доступа http://krotov.info/acts/11/3/avraam_rostov.htm, Время обращения 10.09.2024

время от диких зверей жертвенное сожига, а в неких зело больных днех и от человек»⁵.

Исследователи связывают поселение Медвежий угол с небольшим мерянским посёлком, расположенном некогда на высоком коренном берегу реки Которосли, практически на водоразделе между этой рекой и Волгой на территории нынешнего Ярославля. Его следы были обнаружены в 1938–1940 гг. при раскопках Успенского собора в археологическом слое X — начала XI вв.⁶

Из «Сказания» следует, что у ярославской мери славянский культ «скотьего бога» Велеса наложился на местный тотемистический культ медведя. Так, само название поселения «Медвежий угол» может означать, что оно представляло собой городище-святилище и сакральный центр местной округи, в котором поклонялись богу-медведю. Упоминание же в «Сказании» «керемети» указывает на тот факт, что капище Велеса было мерянским. Подобным словом древнерусские книжники обычно называли святилища финно-угорских или балтийских народов. Медведь, скорее всего, считался у местных жителей тотемным воплощением Велеса. Не случайно Велесу, согласно тому же источнику, приносили в жертву коров перед первым весенним выгоном скота в лес. Медведь у различных народов Европы считался хозяином леса.

Согласно преданиям в языческую эпоху капище Велеса находилось также в селе Чертово в десяти верстах от Ростова⁷.

Показательно, что процесс синкретизма культа Велеса — повелителя умерших и тотемистического культа медведя произошёл также в мифологии балтийских народов. Так, язычники литовских и латышских племён считали медведя прародителем человека и одним из образов бога Велеса (Вельниса) — проводника в царство мёртвых и повелителя душ умерших⁸.

В пользу предположения о том, что ярославская меря почитала тотемного зверя-медведя, свидетельствует обычай класть в местные курганные захоронения рядом с останками покойника глиняные муляжи медвежьих лап и металлические кольца. По мнению Д.И. Дубова, таким образом местные жители хотели добиться лояльного отношения бога смерти — медведя к умершему в загробном мире, а глиняные кольца являлись платой за это⁹.

В одном из захоронений Тимирёвского могильника было найдено захоронение девочки 11–13 лет. Рядом с её останками была зафиксирована отрубленная лапа медведя. На руку девочки и фалангу медведя были одеты одинаковые браслеты¹⁰. Совершившие данное захоронение местные жители, видимо, осуществили обряд «посмертного обручения» умершей девочки с богом загробного мира.

Глиняные муляжи медвежьих лап и металлические кольца встречаются в мерянских погребениях костромских и владимирских курганов¹¹. Возможно, что верования, связанные с медведем — властителем подземного мира были распространены не только у ярославской, но также у костромской и владимирской мери.

О том, что ярославские язычники поклонялись подземным богам, сообщает и автор «Повести временных лет». Так, если верить данному источнику, некие волхвы, пришедшие от Ярославля и устроившие мятеж в Белозёрских землях в 1071 г., заявили местному воеводе Яну Вышатичу, что поклоняются богам, которые «сидят в бездне»¹².

Характерно, что у родственного мере финского племени мокша вплоть до XVIII в. сохранился обычай приносить в жертву корову перед первым весенним выгулом скота некоему богу Велу. Так, померанский учёный XVIII в. И.Г. Георги в своём «Описании всех в Российском Государстве обитающих народов» упоминает, что у мокши суще-

5 Лебедев А. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль: Изд-во Ярославской епархии Русской Православной церкви, 1877. С.9-11

6 Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С.73

7 Золотов Ю. М. Изваяния языческих богов на Руси // Советская археология. 1985. №4. 235

8 Роткирх Т. Литовско-языческие очерки. Исторические исследования Теобальда. Вильна: Тип. О. Завдозного, 1890. С. 48

9 Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. с. 75

10 Там же. С.75

11 Дубов И.В. Северо-Восточная Русь. С.28; Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С.77

12 Повесть временных лет / под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.214

ствовал весенний праздник, схожий по описанию с тем, что был некогда у язычников Медвежьего угла. Согласно данному источнику весной перед выгоном скота в поля мокша приносит в жертву некому богу Велу чёрную корову¹³.

Таким образом, можно предположить, что накануне христианизации в землях ярославской, костромской и владимирской мери существовал культ медведя-повелителя «инога мира». У ярославской мери произошла синкретизация местного тотемного культа медведя с культом древнерусского бога Велеса.

В настоящее время исследованы всего несколько языческих святилищ, которые можно условно назвать мерянскими. Так, в 2014 г. в северо-восточной части Угличского кремля были открыты развалины языческого капища, функционировавшего ещё до основания древнерусского города Угличе Поле. Общие размеры сакральной зоны составляли 7 на 10 м. В одной из исследованных ям, входивших в сакральную зону святилища, были найдены прокалённый грунт и погребённые черепа лошадей и собаки. В другой жертвенной яме были обнаружены кальцинированные кости птиц (жертвенные животные либо остатки трапезы). Найденная при раскопках святилища лепная керамика принадлежит финно-угорской (мерянской) культурной традиции и изготовлена из красной глины. Данная керамика обнаруживает ближайшие аналоги на памятниках центральных районов Волго-Окского междуречья — Ростова и ростовской округи. По мнению исследователей, осуществлявших раскопки святилища, оно функционировало в третьей четверти X в., то есть в период обитания здесь племени меря¹⁴.

Другое, возможно также мерянское святилище было открыто исследователями в 1996 году при раскопках домонгольских археологических слоёв города Плеск Владимирской области. Оно находилось в северной части современной Соборной горы. Основу сакрального комплекса составила яма правильной, почти квадратной формы, длиной 2,3 м (с севера на юг) и шириной

2,1 м, чётко сориентированная по сторонам света. Наиболее отчётливо выявились следы двух жертвоприношений: первого и последнего. Судя по сохранившимся фрагментам костяка, жертвенным животным оказался крупный лось-самец с мощными рогами. На стorerвшие кости была брошена связка из 13 ключей, в юго-западный угол ямы — тесло и точильный брусок. В юго-восточном и юго-западном углах ямы на кострище были найдены плохо сохранившиеся фрагменты навесного замка или даже нескольких замков. В кострище же оказались обломки лепной красной керамики, принадлежащей финно-угорской (мерянской) традиции¹⁵.

Как мы видим, святилище, найденное при раскопках древнерусского города Плесса, во многом схоже с тем, что было найдено исследователями при раскопках города Угличе Поле. Так, в обеих случаях на территории святилищ были найдены жертвенные ямы, долгое время используемые служителями культа для жертвоприношений. При раскопках этих ям были найдены черепа и кости животных. Кроме костных останков животных также были обнаружены глиняные горшки, фрагменты разбитой керамики, схожей с той, что была найдена при раскопках древнего Клещина.

До недавнего времени было принято считать, что Плес, возник в середине XII в. как опорный пункт владимирских князей на Волге в военных целях и в целях колонизационного освоения окрестных территорий¹⁶. Однако недавно во время раскопок в Плесе были обнаружены археологические слои X–XI вв., свидетельствующие о том, что до возникновения здесь княжеской крепости на месте славянского города находилось мерянское поселение. К нему относились и погребальные курганы X–XI вв.¹⁷.

15 Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново: Merja press, Мысль, 2008. С.80

16 Травкин П.Н. Средневековый Плес // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы ежегодной научно-практической конференции. Электронный ресурс. Точка доступа <https://arheologi.livejournal.com/63910.html>. Время обращения 10.03.2024

17 Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Аверин В.А., Фризен С.Ю. Поселение средневекового Плеса (по материалам археологических раскопок Варваринского некрополя в г. Плес Ивановской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 168

13 Георги И. Г. Описание всех, проживающих в России народов. Часть 1. О народах финского племени. СПб.: Печатня артиллерийского инженерного училища, 1776. С.54

14 Томсинский С. В. Остатки языческого святилища на территории Угличского кремля по материалам раскопок 2014 года // Археология Владимирско-Суздальской земли. 2017. №7. С. 158-161

Население Плёса первоначально составляли местные меряне, со временем ассимилированные пришлыми славянами. Так, при его раскопках была обнаружена в основном мерянская керамика, схожая с камской. Краниологический анализ человеческих останков из Плёса, датированных концом X — XIII вв. показал близость местного населения к финно-угорскому субстрату¹⁸.

Вполне возможно, что руины языческого святилища, исследованного П.Н. Травкиным, относятся к периоду функционирования мерянского посёлка, а не древнерусского города.

Таким образом, можно предположить, что в языческую эпоху в Плёсе местные меряне, как и жители поселения, на месте которого возник славянский город Угличе Поле, почитали неких божеств, связанных с нижним, подземным миром.

Третье мерянское святилище предположительно находилось на Александровой горе. В языческую эпоху здесь располагалось укрепленное мерянское городище, окружённое с трёх сторон оврагами и обрывистым берегом озера, по всему периметру защищённое искусственным насыпным валом¹⁹. Со всех сторон Александрова гора была окружена курганными могильниками X–XI вв. На раннем этапе Александрова гора и находящееся рядом селище были центром мерянской округи. Одно из народных названий Александровой горы — Ярилина гора указывает на существование в дохристианскую эпоху здесь языческого капища.

В 0,5 км к северо-западу от Александровой горы лежит почитаемый местным населением в древности Синий камень. Ещё в XVII в. он оставался местом поклонения окрестного населения. Об этом, в частности, сообщает «Житие Иринарха Ростовского». Так, в данном источнике сообщается о том, что каждый год в день Петра и Павла (12 июля) здесь собирались местные жители со всей округи и устраивали народные гуляния²⁰.

По мнению И.В. Дубова Клещинский Синий камень ранее лежал либо прямо у подножия Александровой горы, либо на её площадке и, видимо,

входил с нею в один сакральный комплекс²¹. Подобные камни были найдены в Ярославле, Угличе, на Берендеевом болоте²².

Таким образом, можно предположить, что в языческую эпоху на Александровой горе находилось языческое святилище, частью которого был сохранившийся до наших дней Синий камень.

К сожалению, нет никакой возможности в настоящее время установить объект поклонения в данном святилище. По мнению И.В. Дубова в языческую эпоху здесь было капище бога солнца Ярилы. Культ камней исследователь связывает с культом мёртвых предков, принесённым в Верхнее Поволжье славянами-переселенцами²³.

По нашему мнению, в данном случае следует учитывать, что отечественные исследователи обнаружили на Александровой горе следы мерянского поселения IX–X в. Славянское же поселение здесь возникло лишь в XIII в. Таким образом, в языческом святилище на Александровой горе не могли почитать славянских языческих богов.

К тому же день Петра и Павла, во время празднования которого крестьянская округа обычно сходилась к Синему камню, отмечали 12 июля. Таким образом, славянский бог Ярило, которого почитали в начале весны, никакого отношения к данному святилищу не имел, также как и князь Александр Ярославич Невский.

Расположение святилища на вершине горы указывает на тот факт, что в нём почитали кого-то из верхних, небесных мерянских божеств.

В грунтовых могильниках клещеевской мери исследователи не обнаружили муляжи глиняных медвежьих лап и металлических колец, характерных для ярославских, владимирских и костромских могильников. Вместе с тем, здесь было зафиксировано значительное количество оберегов с изображениями уток или других водоплавающих птиц²⁴. Были найдены также амулеты-привески в виде птичек или утиных и гусиных лапок в погребениях костромской и ивановской мери. Так, в местных мерянских захоронениях встречаются стилизованные коньковые подвески в виде фантастических птичек, плоские подвески птичек

18 Там же. С.168

19 Дубов И.В. Новые источники. С.95

20 Житие Иринарха Ростовского // Электронный ресурс Точка доступа https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-14/15). Время обращения 25.04.2024

21 Дубов И.В. Новые источники. С.92-94

22 Там же. С.94

23 Там же. С. 92-94

24 Дубов И.В. Северо-Восточная Русь. С.23

в привесками в виде утиных лапок и полые подвески с шумящими привесками, соединяющие в себе признаки коня и утки²⁵.

Этнографы ещё в начале XX в. отмечали изображения уток, гусей или утиных лап на сакральных камнях Костромского края. Подобного рода камень был найден в Бараньих горах в 7 км от с. Чёрная Заводь, а также в местности «Гусыня» около села Пушкино Костромского уезда. И под Минским городищем у Волги когда-то стоял громадный камень «кобыла» с нацарапанным изображением утки, потом разбитый и отвезённый в Кострому под фундамент одной часовни²⁶.

Согласно финской традиционной мифологии некая утка, летающая по бескрайнему небу, создала весь человеческий мир. Из её яиц возникла земля и всё живое на ней²⁷.

Таким образом, можно предположить, что на Александровой горе в дохристианскую эпоху существовало святилище некоего языческого божества, связанного с тотемистическим культом волшебной птицы.

Типичными для мери являлись грунтовые могильники с захоронениями в ямах. Встречаются как захоронения, совершённые по обряду кремации, так и ингумационные погребения. Для труположений характерны меридиональная, чаще северная ориентировка. Женщины погребались с украшениями, в погребениях мужчин встречаются ножи, кресала, топоры, оружие. В ярославских могильниках учёные находят имитации «домиков мёртвых», глиняные лапы и кольца. Подобный погребальный инвентарь учёные фиксировали также во владимирских и костромских курганах²⁸.

В ранних мерянских могильниках встречаются домики мёртвых — небольшие срубы, ориентированные по сторонам света размерами 2х2 м.

В таких срубах размещались останки пяти-шести человек²⁹.

Анализ погребальной обрядности позволяет предположить, что загробный мир, согласно языческим представлениям мерян, находился где-то далеко на севере, а не на западе как у многих других индоевропейских народов. На это указывает обычай класть умерших головой на север или северо-восток. Как и у славян, у мерян царство мёртвых считалось царством тьмы и холода, поэтому покойникам часто клали в могилу кресальные камни для добычи огня. Обычно они располагались у пояса умерших³⁰.

Домики мёртвых, а также бытовые вещи, положенные в могилы к умершим указывают на тот факт, что меряне-язычники верили, что души умерших продолжают своё существование после смерти. Так, при раскопках муромских погребений были найдены кузнечно-литейные мастерские, а также инструменты для добычи и выплавки металлов³¹.

Видимо, по мнению мерян, в загробном мире случались и военные конфликты. Так, самым обычным погребальным инвентарём в мерянских мужских погребениях были боевые топоры, ножи и копья. В целом оружие было обнаружено примерно в 75 % мужских погребений. Зафиксировано оружие и в некоторых женских погребениях³².

Душу покойника в загробный мир, по мнению мерян должен был перенести волшебный конь. Так, захоронения с останками лошадей исследователи зафиксировали в ярославских, костромских могильниках, захоронениях плещеевской и ростовской мери. Интересно, что конские кости исследователи фиксируют не только в мужских, но и женских захоронениях. Зафиксированы исследователями и конские захоронения без человеческих останков³³. Вероятно, такие конские погребения сооружали для тех, кто погиб на чужбине и не мог, по мнению мерян, отправиться в загробный мир без волшебного коня.

25 Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С.79

26 Шарабарина С.Г. Фольклорно-этнографические исследования финно-угорского наследия Костромского края в начале XX века // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1-2. С.61

27 Петрухин В. Мифы финно-угров. С.63-65

28 Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. С.16

29 Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С.73

30 Там же. С.80.

31 Там же. С.74

32 Там же. С.75,80

33 Там же. С.74-75, 77.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в языческую эпоху у мери существовали стационарные языческие святилища, в которых почитали тотемных животных — медведя — покровителя мёртвых и бога верхнего мира, символом которого были птицы. В X — начале XI вв. произошла синкретизация культа славянского Велеса с мерянским тотемистическим культом медведя — хозяина иного мира.

Загробный мир, по мнению мерян находился где-то на севере и представлял собой тёмное и холодное подобие реального мира.

Список литературы

1. Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Аверин В.А., Фризен С.Ю. Население средневекового Плесса (по материалам археологических раскопок Варваринского некрополя в г. Плес Ивановской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С.161–179.

2. Георги И. Г. Описание всех, проживающих в России народов. Часть 1. О народах финского

племени. СПб.: Печатня артиллерийского инженерного училища, 1776. 89 с.

3. Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 176 с.

4. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель. 2003. 464 с.

5. Роткирх Т. Литовско-языческие очерки. Исторические исследования Теобальда. Вильна: Тип. О. Завдозного, 1890. 201 с.

6. Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. 510 с.

7. Томсинский С.В. Остатки языческого святилища на территории Угличского кремля по материалам раскопок 2014 года // Археология Владимиро-Суздальской земли. 2017. № 7. С. 154–163

8. Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново: Merja press, Мысль, 2008. 309 с.

9. Шарабарина С.Г. Фольклорно-этнографические исследования финно-угорского наследия Костромского края в начале XX века // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1–2. С. 58–67

ON THE QUESTION OF PAGAN BELIEFS AND CULTS OF THE FINNO-UGRIC TRIBE MERYA

Kozlov Mikhail Nikolaevich,

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of General History and World Culture,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol, Russia, 299053,
kmn_75@mail.ru

Boitsova Elena Evgenievna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of General History and World Culture,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol, Russia, 299053,
e.e.boitsova@mail.sevsu.ru

Abstract

Based on the analysis of archaeological research materials of Meryan pagan sanctuaries and burial grounds of the 9th – early 11th centuries, as well as the text of the "Life of Abraham of Rostov" and the folk legend "The Tale of the Construction of the City of Yaroslavl", a historical reconstruction of the pagan beliefs and cults of the Finno-Ugric tribe of Merya, who inhabited the Rostov, Yaroslavl, Suzdal and Kostroma lands in the 9th – early 11th centuries, was carried out. The study also analyzes the Meryan traditional ideas about the afterlife.

Keywords

Merya, pagan sanctuaries, pagan beliefs, the cult of Veles, pagan ideas about the afterlife.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/НІ.2024.47.4.012

МУЗЕИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ СОБРАНИЙ

Юренева Тамара Юрьевна,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник –
руководитель центра музейной политики
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
Берсеневская наб., 18-20-22, стр. 3, 119072 Москва, Россия,
iureneva@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются основные направления, подходы и принципы формирования собраний музеев Русской православной церкви как конфессиональных музеев, появившихся в культурном пространстве России в постсоветский период. Рассматриваются источники и формы комплектования фондов, концептуальные основы отбора материалов.

Ключевые слова

Церковный музей, музей Русской православной церкви, негосударственный музей, учреждение музейного типа, комплектование музейных фондов.

За последние десятилетия музейная сеть России претерпела кардинальные изменения. Если в советскую эпоху она включала только государственные и общественные музеи, то закрепление Конституцией Российской Федерации в 1993 г. многообразия форм собственности — частной, государственной, муниципальной и иных форм,

а также принятие ФЗ «О Музейном фонде в Российской Федерации и музеях Российской Федерации» (1996) привело к активному развитию негосударственных музеев. В их числе были и музеи Русской православной церкви, которые относятся к церковным музеям. Под церковными музеями в отечественном музееведении понимают группу

«музеев, создаваемых при церквах, монастырях, епархиях, которые являются их собственниками и учредителями»¹. Будучи конфессиональными музеями, они имеют ряд особенностей в осуществлении музейной деятельности, том числе и в отношении фондовой работы. Анализ основных направлений комплектования фондов, концептуальных основ, принципов и форм составления собраний церковных музеев является предметом рассмотрения в данной статье.

Понятие «церковный музей» законодательно не определено, вероятно, по той причине, что в данном словосочетании ключевым является понятие «музей», а не форма собственности. Согласно российскому законодательству, музей — это «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включённых в состав Музейного фонда Российской Федерации»². В большинстве своём церковные музеи не соответствуют этому определению, главным образом, по двум параметрам: они являются не учреждениями, а структурными подразделениями религиозных организаций; коллекционные предметы из их собраний не включены в состав Музейного фонда РФ. Поэтому, согласно музееведческим представлениям, такие структуры являются не музеями, а учреждениями музейного типа, исполняющими «отдельные функции музея и практикующими некоторые свойственные музеям формы деятельности»³. Почти повсеместно в них отсутствуют штатные сотрудники, а их функции выполняют волонтеры из числа прихожан, учащиеся духовных учебных заведений, насельники и насельницы православных монастырей. Это обстоятельство серьёзно затрудняет возможность осуществления на профессиональном уровне научно-фондовой работы⁴.

В силу особенностей ведения статистического наблюдения за музейной отраслью статистическая информация о церковных музеях на государственном уровне отсутствует; Русская православная церковь пока не создала реестр музейных учреждений. Многие из них не имеют не только собственных сайтов, но даже своей страницы на сайте соответствующей религиозной организации. Всё это создаёт определённые сложности в формировании эмпирической базы исследования различных аспектов деятельности церковных музеев, в том числе и в отношении изучения проблемы формирования их собраний.

Будучи конфессиональными структурами, церковные музеи, по сравнению со светскими учреждениями, — государственными, муниципальными, частными, — имеют ряд особенностей в отношении комплектования фондов. Они проявляются в подходах и принципах отбора предметов музейного значения, в направлениях и источниках комплектования.

Согласно методическим рекомендациям, которые подготовил в 2019 г. Патриарший совет по культуре, формирование собрания церковного музея должно начинаться с составления научной концепции комплектования, в которой излагаются цели и задачи комплектования, указываются его формы, а также принципы и критерии отбора материала. Она является составной частью научной концепции музея, поэтому основные направления комплектования коллекций должны определяться с учётом миссии, целей и задач создания музея, среды, в которой он создаётся, и запроса потенциальной аудитории⁵.

Эти рекомендации в полной мере соотносятся с теми методическими указаниями и нормативами в области комплектования фондов, которые существуют и в государственных музеях. Что же касается конфессиональной специфики, то она присутствует в содержательном наполнении концепции комплектования фондов конкретных церковных музеев. Концепция является служебным документом для внутреннего пользования, однако задачи комплектования, его направления и формы, критерии отбора материалов порой можно воссоздать

1 Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 63

2 Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), ст. 3 // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/123168/> (дата обращения 12.09.2024).

3 Словарь актуальных музейных терминов. С. 63.

4 Кирьянова, О. Г. Церковные музеи Центральной России. М.: Институт Наследия, 2022. С.8. DOI 10.34685/NI.2022.15.77.001

5 Опыт создания церковных музеев. Лучшие практики / Патриарший совет по культуре. М., 2019. С. 35, 27. URL: <https://psk-mp.ru/media/pdf/OpytSozdaniaTserkovnyhMuzeev.pdf?ysclid=m3ixw9mtfw956765733> (дата обращения 12.09.2024).

по уставам церковных музеев, если таковые имеются в открытом доступе, по сведениям, сообщаемым священнослужителями и работниками музеев в интервью и научных статьях.

Так, Церковно-археологический кабинет (ЦАК) Тульской духовной семинарии, который по выполняемым функциям является не только учебным музеем, но и епархиальным древлехранилищем, своими основными целями считает «сохранение и изучение исторически и в мемориальном отношении ценных светских или религиозных предметов», «историческое и религиозное просвещение студентов и населения города и области»; «развитие краеведческой работы <...> с преимущественным выделением церковного краеведения⁶». Основными направлениями научной деятельности ЦАК являются изучение истории Русской православной церкви, церковной истории Тулы и Тульского края, жизни и деятельности лиц, прямо или косвенно связанных с историей церкви. Исходя из реализуемой музеем научной политики, хранитель отбирает предметы музейного значения в собрание музея, а сложные вопросы обсуждаются на Учёном совете; при необходимости создаётся фондовая комиссия⁷.

Учреждение «Самарский епархиальный церковно-исторический музей» (УСЕЦИМ) видит свою миссию в том, чтобы «дать представление современному человеку об этнообразующей и культурообразующей роли православия в истории России». Поэтому своей основной целью музей считает «сохранение и актуализацию той части наследия национальной культуры, которая корнями уходит в православие»⁸.

Среди задач УСЕЦИМ — познакомить современного человека с историей епархии и «институтами Русской Православной Церкви в крае», «жизнедеятельностью подвижников и мучеников за веру Христову»; показать вклад церкви в развитие национальных видов искусства, научить понимать язык православной иконы, её смысл

и содержание; познакомить с устройством и символическим смыслом православного храма, православными таинствами и обрядами; привлечь внимание к местным православным святыням. На реализацию этих задач ориентированы все виды музейной деятельности, в том числе и комплектование фондов.

Музей начинал свою деятельность в 1997 г., располагая одной комнатой и небольшим собранием экспонатов; в настоящее время в музее 3 зала (зал истории Православной церкви в Самарской епархии, зал церковного искусства, выставочный зал) и около 7 тыс. музейных предметов⁹. В разработку концепции первой экспозиции музея большой вклад внёс игумен Вениамин (Лабутин), ныне — архимандрит¹⁰.

Основу музейного собрания составили личные вещи, облачения, книги и документы митрополита Мануила (Лемешевского) и митрополита Иоанна (Снычёва). В дальнейшем благодаря планомерной работе по сбору и систематизации церковных предметов музейного значения музейное собрание пополнилось документами, фотографиями и другими предметами, характеризующими жизнь архиереев, возглавлявших епархию, а также епископов, священников, монахов, старцев, деятельность которых оказала большое влияние на народы, населявшие Самарский регион. Центральное место заняла воссозданная келья владыки Мануила (Лемешевского) из последнего дома, в котором он жил.

Собранное музеем церковное искусство призвано отразить в экспозиции влияние традиционной православной культуры на социокультурный облик региона. Среди икон — творения местных мастеров, в частности, иконы мастерской братьев Белоусовых, выходцев из Палеха, известных иконописцев России второй половины XIX в. Гордость коллекции составляют уникальные иконы Григория Журавлёва, родившегося в 1858 г. в с. Утёвка Бузулукского уезда Самарской губернии безруким и безногим (писал иконы, держа кисть в зубах).

6 Положение о Церковно-археологическом кабинете Тульской духовной семинарии // Кирьянова, О. Г. Церковные музеи Центральной России. Приложения. С. 173

7 Там же. С. 174–175

8 Радченко, О. И. Социальная функция, цели и задачи епархиального музея // Музей как хранитель исторической памяти: Сб. материалов научной конференции, посвящённой 25-летию Самарского епархиального церковно-исторического музея. Самара: ООО "Научно-технический центр", 2022. С. 45–46

9 Самарский епархиальный церковно-исторический музей: сайт. URL: <https://se-museum.ru/about> (дата обращения: 12.09.2024)

10 Лабутин, А. В. История создания Самарского епархиального церковно-исторического музея // Сб. материалов научной конференции, посвящённой 25-летию Самарского епархиального церковно-исторического музея. Самара: ООО "Научно-технический центр", 2022. С. 19–20

В собрании музея представлены изделия монастырских мастерских: золотошвейных, белошвейных, чеканных, иконописных и других. Гордость музея — коллекция медного литья, которая насчитывает более 200 единиц хранения и представлена уникальными крестами — энколпионами XII–XIII вв. и более поздними произведениями XVIII–XX вв., выполненными в технике просечного литья или украшенными эмалями¹¹.

Критерии отбора музейных предметов из среды бытования в собрание церковных музеев во многом совпадают с подходами светских музеев: предмет музейного значения оценивается как носитель определённых смыслов, обладающий способностью выступать в качестве знака и символа объективной реальности; оцениваются также его свойства, как информативность, репрезентативность, аттрактивность. Но при этом предметы музейного значения, в отличие от светских музеев, рассматриваются церковными музеями не только в контексте исторической и культурной значимости, но и с точки зрения их сакральной ценности, поскольку для православного человека они могут выступать в качестве средства общения с духовным миром и являться объектом поклонения. «...Предметы музейного значения изначально отбираются именно с учётом их роли как материального свидетельства истинности православного вероучения и атрибутов литургической традиции», — считает О.Г. Кирьянова¹².

Выступая на научно-практической конференции «Христианский музей в современном мире», проходившей в 2014 г. в Московской Духовной академии в рамках празднования 700-летия со дня рождения преподобного Сергия Радонежского, директор Церковно-археологического кабинета МДА протоиерей Игорь Михайлов отметил, что принципиальное отличие христианского музея от светского музея заключается в целеполагании: «В светском музее экспонаты воспринимаются как предметы культурно-исторической или художественной, эстетической ценности. В христианском же музее на первый план выходит духовное содержание священных предметов.

Здесь преследуется цель не просто «охранительства» культурного наследия, а свидетельства в современном мире о живом предании апостольской Церкви, о Христе Иисусе Господе нашем»¹³.

Формы комплектования собраний церковных музеев многообразны. Это могут быть безвозмездная передача (дарение) в собственность музея коллекций или отдельных предметов организациями или частными лицами; закупки за счёт специальных ассигнований, предусмотренных сметой музея, на средства спонсоров или религиозной организации. Предметы и коллекции могут поступать в музеи в порядке наследования (по завещанию), в результате передачи конфискованного имущества из таможни или следственных органов, в результате экспедиций. Формы комплектования и их результативность во многом зависят от уровня коммуникационного взаимодействия церковного музея с другими религиозными организациями и общинами, частными коллекционерами, учреждениями культуры, администрацией города и области, наконец, от популярности музея среди населения. Согласно типовому уставу, в епархиальном музее Русской православной церкви может учреждаться Попечительский совет, который является совещательным органом при учредителе (собственнике) музея. В состав Попечительского совета входят специалисты в области музейного дела, реставраторы, представители творческой интеллигенции, благотворители, а его председателем является епархиальный архиерей. Как обозначено в уставе, «члены Попечительского совета материально, интеллектуально, своей деловой репутацией, профессиональными навыками, знаниями и умениями, деловыми связями содействуют достижению Музеем целей, предусмотренных настоящим Уставом, путём участия в деятельности Попечительского Совета»¹⁴.

Например, благодаря поддержке Попечительского совета Самарский епархиальный церковно-исторический музей получил возможность

11 Радченко, О. И. Социальная функция, цели и задачи епархиального музея. С. 47–49; Самарский епархиальный церковно-исторический музей: сайт. URL: <https://se-museum.ru/about> (дата обращения: 12.09.2024)

12 Кирьянова, О. Г. Церковные музеи Центральной России. С. 8

13 Цит. по: Кирьянова, О. Г. Музейные учреждения Русской Православной Церкви в XX – начале XXI вв. / О. Г. Кирьянова // Культурологический журнал. 2020. № 1(39). С. 11. DOI 10.34685/НЛ.2020.87.46.002

14 Типовой устав частного учреждения культуры «Церковного музея епархии Русской Православной Церкви // Кирьянова, О. Г. Церковные музеи Центральной России. Приложения. С. 166–167

не только организовывать уникальные выставки, в том числе и зарубежные, но и пополнять фонды редкими музейными предметами. Например, были приобретены доспехи и вооружение русского воина-ратника XVII в., а также ряд икон¹⁵. Музей смог сформировать вокруг себя круг лиц, обладающих предметами музейного значения, — коллекционеры, художники, фотографы и другие люди, готовые передать в коллекцию предметы музейного значения. Значимым источником пополнения музейного собрания стали систематические вклады митрополита Самарского и Новокуйбышевского Сергия. В частности, благодаря его дару в музее появился один из уникальных экспонатов — икона великомученицы Варвары, побывавшая в космосе, о чём свидетельствует сертификат за подписью патриарха Алексия II и генерального директора «ЦСКБ-Прогресс» Д.И. Козлова¹⁶.

Стараниями Д.В. Воронова, одного из ведущих самарских коллекционеров, пополняются почти все разделы музейного собрания; это первоклассные образцы иконописи, богослужебные предметы, являющиеся произведениями ювелирного искусства, коллекция лампад и просфорных печатей, фотоматериалы, богослужебные и церковные книги. Один из многолетних друзей музея А.Н. Завальный, исследователь-краевед, систематически пополняет нумизматическую коллекцию музея, планомерно восполняя имеющиеся в ней лакуны; коллекция насчитывает более 1 тыс. музейных предметов. Среди поступлений в музейное собрание есть дары жителей Самары и области — сапожки св. Иоанна Кронштадтского, кисти безрукого и безногого иконописца Григория Журавлёва, деревянная скульптура XIX века «Страстной Христос»¹⁷.

Примером активной и успешной работы по комплектованию музейного собрания является деятельность Музея-древлехранилища Свято-Троицкой Александро-Невской лавры

в Санкт-Петербурге; в 2018 г. музей стал членом Союза музеев России. Его историческим предшественником является Древлехранилище Лавры, открытое для публики в 1910 г. и представлявшее более 1 500 предметов, в числе которых были как церковные древности, так и мемориальные вещи основателя монастыря Петра I, дары других представителей царствующей династии. В 1922 г., в разгар кампании по изъятию церковных ценностей, музей был закрыт, принадлежавшие монастырю ценности были конфискованы «в пользу голодающих», а часть экспонатов передана в Русский музей: иконы, облачения и другие предметы¹⁸. Современное Древлехранилище Александро-Невской Лавры было воссоздано после 90-летнего перерыва в декабре 2013 г. к 300-летию юбилею монастыря. Открытие экспозиции в 2017 г. предваряла долгая и кропотливая работа по поиску и изучению предметов.

Коллекции музея включают предметы, переданные в Лавру в конце XX — начале XXI вв. Большинство из них поступили в качестве дара монастырю или музею от священнослужителей, прихожан, деятелей искусства, коллекционеров, а также от организаций. Например, в Александро-Невскую лавру была передана икона св. Иоанна Воина, спасённая из огня, устроенного возле Свято-Духовской церкви во время антирелигиозной кампании. Икону, ставшую семейной реликвией, передала внучка женщины, спасшей образ. Эта икона — один из немногих обретенных экспонатов из дореволюционной Александро-Невской лавры¹⁹.

Иногда церковные музеи пополняют коллекции путём передачи музейных предметов из собраний государственных музеев. И такая форма комплектования порой вызывает конфликтные ситуации. Проблема взаимодействия церковных структур и государственных музеев, в собраниях которых находятся произведения церковного искусства, возникла в 1990-е гг. и приобрела особую остроту там, где на одной территории существовали государственный музей и монастырь. В ряде случаев, например, в противостоянии Троице-

15 См.: Радченко О. И. Указ соч. С. 48

16 Деева, Е. В. Источники и способы комплектования фондов УСЕЦИМ // Музей как хранитель исторической памяти: Сб. материалов научной конференции, посвящённой 25-летию Самарского епархиального церковно-исторического музея. – Самара: "Научно-технический центр", 2022. С. 126

17 Деева, Е. В. Указ соч. С. 127–128

18 Музей Александро-Невской лавры: сайт. URL: <http://lavramuseum.tilda.ws/history> (дата обращения: 12.09.2024).

19 Музей-древлехранилище Александро-Невской лавры // Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: сайт. URL: <https://lavra.spb.ru/museum-ancient-storage/?ysclid=m3pqb0p9k8932799941> (дата обращения: 12.09.2024)

Сергиевой лавры и Сергиево-Посадского музея, обе стороны смогли найти взаимоприемлемые компромиссные варианты решения проблемы. В других случаях, например, в отношении событий вокруг Ипатьевского монастыря в Костроме и Рязанского кремля, в конфликт были вовлечены средства массовой информации, общественность и даже судебные органы²⁰.

Ипатьевский монастырь, история которого тесно связана с историей династии Романовых, занимал привилегированное положение в дореволюционной России; каждый представитель царствующего дома считал своим долгом посетитель обитель и сделать щедрый вклад. В 1919 г. монастырь был упразднён, его материальные ценности национализированы, большая часть их вывезена в Москву, а остатки переданы на хранение в Костромской краеведческий музей. В монастырских помещениях устроили общежития, которые со временем расселили, и в 1958 г. в Ипатьевском монастыре был создан Костромской государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

2 сентября 2004 г. Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом подписало распоряжение № 297-р о передаче зданий и строений Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря в безвозмездное пользование Костромской епархии Русской православной церкви²¹. Музей выселили из стен Ипатьевского монастыря, а его коллекции были срочно перевезены в здание Музея изобразительных искусств и другие помещения²². При этом коллекции древнерусского искусства музей-заповедник оставил в Ипатьевском монастыре в соответствии с приказом Федерального агентства по культуре и кинематографии № 480 от 03.08.2005 г.: «Передать из государственного учреждения культуры «Костромской

объединённый историко-архитектурный музей-заповедник «Ипатьевский монастырь» в безвозмездное пользование православной религиозной организации «Церковный историко-археологический музей» Костромской епархии Русской Православной Церкви на период её существования 2 677 (две тысячи шестьсот семьдесят семь) музейных предметов»²³. Так на базе коллекций музея-заповедника Костромская епархия создала Церковный историко-археологический музей (ЦИАМ).

Весной 2006 г. Рязанская епархия приняла решение о воссоздании епархиального древлехранителя в Архиерейском доме, где музей размещался в дореволюционное время. 11 октября 2006 г. некоммерческое учреждение культуры «Церковный историко-археологический музей Рязанской епархии» было зарегистрировано в качестве юридического лица. Работая с фондовой документацией Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (РИАМЗ), представители епархии выявили 1 339 единиц хранения церковных предметов, изъятых в послереволюционные годы из рязанских храмов и монастырей; в список предметов, подлежащих первоочередной передаче Рязанской епархии вошли 66 древнерусских икон, в том числе домонгольская «Одигитрия» и несколько икон XIII–XIV вв. 9 июня 2011 г. приказом № 721 Министерства культуры РФ из фондов РИАМЗ было передано «во временное безвозмездное пользование централизованной религиозной организации Рязанской Епархии Русской Православной Церкви для музейного хранения и экспонирования в Церковном историко-археологическом музее Рязанской епархии Русской Православной Церкви» 66 предметов²⁴.

К тому времени уже вступил в силу Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной

20 Костомарова, Э. Л. Взаимодействие монастырей и государственных музеев в России на рубеже XX–XXI столетий // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 116–118

21 См.: Кодексы Онлайн. URL: <https://gkrfkod.ru/zakonodatelstvo/rasporjazhenie-rosimushchestva-ot-02092004-n-297-r/> (дата обращения: 15.09.2024)

22 Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: сайт. URL: <https://kosmuseum.ru/about/collections/> (дата обращения: 15.09.2024).

23 Министерство культуры Российской Федерации: сайт. URL: https://culture.gov.ru/documents/o_peredache_muzeynykh_predmetov_361524/ (дата обращения: 12.09.2024).

24 Министерство культуры Российской Федерации: сайт. URL: https://culture.gov.ru/documents/o_peredache_muzeynykh_predmetov_362288/ (дата обращения: 15.09.2024)

собственности»²⁵. Принятый вопреки протестам общественности и музейных специалистов, он создал юридическую основу для последующих притязаний РПЦ на хранящееся в государственных музеях имущество религиозного назначения. Например, Владимирская митрополия стала претендовать на 12 объектов религиозного назначения, закреплённых за Владимиро-Суздальским музеем-заповедником, включая Золотые ворота, Успенский собор, Дмитриевский собор. В результате работы согласительной комиссии 10 объектов остались в оперативном управлении музея-заповедника, поскольку входят в список Всемирного наследия ЮНЕСКО и требуют профессионального содержания²⁶.

В начале 2019 г. в средствах массовой информации появились сообщения о том, что патриарх Кирилл обратился в Росимущество с просьбой передать в собственность Русской православной церкви все здания и постройки архитектурного ансамбля бывшего Спасо-Андроникова монастыря в Москве. Эту информацию музейные специалисты и общественность не без оснований восприняли как угрозу дальнейшей деятельности ФГБУК «Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва». Президиум Союза музеев России, предложил, как это уже было в случаях с Владимиро-Суздальским и Кирилло-Белозерским музеями-заповедниками, рассмотреть данный вопрос на заседании Комиссии Союза по сотрудничеству музеев с религиозными организациями. При этом Президиум Союза музеев России в очередной раз отметил, что «постоянное возникновение подобных проблем, угрожающее самому существованию ряда музеев, означает, что Федеральный закон № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» требует существенных доработок в плане гарантии сохранения культурных ценностей и музеев. Союз музеев готов совместно с Ми-

нистерством культуры разработать предложения по возможным поправкам»²⁷.

Итак, церковные музеи стали заметным явлением культурной жизни России, а формирование их собраний, в частности, система отбора предметов музейного значения, формы, направления и источники комплектования фондов во многом совпадают с государственными музеями и другими группами негосударственных музеев, но при этом имеют свою специфику, обусловленную конфессиональной составляющей музейной деятельности. Сеть церковных музеев имеет тенденцию к дальнейшему росту. 27 июня 2008 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви на пленарном заседании принял определение «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви». В нём, в частности, «сочтено полезным создание при епархиальных управлениях, духовных школах, монастырях и приходах древнехранилищ (церковных музеев) для сохранения духовного, исторического и культурного наследия православной традиции, запечатлённой в материальных памятниках прошлого». Таким образом, сеть церковных музеев получила импульс для дальнейшего расширения и основу для выстраивания музейной деятельности с учетом специфики церковного музея, в том числе и в области комплектования фондов.

Список литературы

1. Деева, Е.В. Источники и способы комплектования фондов УСЕЦИМ / Е.В. Деева // Музей как хранитель исторической памяти: Сб. материалов научной конференции, посвящённой 25-летию Самарского епархиального церковно-исторического музея. — Самара: "Научно-технический центр", 2022. С. 123–128. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48749676_29751717.pdf

2. Кирьянова, О.Г. Музейные учреждения Русской Православной Церкви в XX — начале XXI вв. / О.Г. Кирьянова // Культурологический журнал. —

25 Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51244> (дата обращения: 12.09.2024)

26 Ганцева П. Владимиро-Суздальский музей-заповедник отдал РПЦ только два памятника // Владимирские ведомости. 28 марта 2019 г. URL: <https://vedom.ru/news/2019/03/28/34365-vladimiro-suzdalskij-muzej-zapovednik-otdal-rpc-tolko?ysclid=m3rkb6y1pn660160186> (дата обращения: 12.09.2024).

27 Заявление Союза музеев России о возможной передаче Спасо-Андроникова монастыря Русской Православной Церкви // Союз музеев России: сайт. URL: https://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22237:zayavlenie-soyuza-muzeev-rossii-ovo-zmozhnoj-peredache-spaso-andronikova-monastyrya-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi&catid=10596&Itemid=185 (дата обращения: 12.09.2024)

2020. — № 1(39). — С. 1–17. — DOI 10.34685/NI.2020.87.46.002.

3. Кирьянова, О.Г. Церковные музеи Центральной России / О.Г. Кирьянова — М.: Институт Наследия, 2022. — 198 с. — DOI 10.34685/NI.2022.15.77.001.

4. Костомарова, Э.Л. Взаимодействие монастырей и государственных музеев в России на рубеже XX-XXI столетий / Э.Л. Костомарова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 1. — С. 116–122.

5. Лабутин, А.В. История создания Самарского епархиального церковно-исторического музея / А.В. Лабутин // Музей как хранитель исто-

рической памяти : Сб. материалов научной конференции, посвящённой 25-летию Самарского епархиального церковно-исторического музея. Самара: ООО "Научно-технический центр", 2022. — С. 16–21. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48749606_83289468.pdf

6. Радченко, О.И. Социальная функция, цели и задачи епархиального музея / О.И. Радченко // Музей как хранитель исторической памяти : Сб. материалов научной конференции, посвящённой 25-летию Самарского епархиального церковно-исторического музея. Самара: ООО "Научно-технический центр", 2022. — С. 45–52. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48749662_15992715.pdf

MUSEUMS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: PRINCIPLES AND FORMS OF COMPOSITION OF THE COLLECTIONS

Yureneva Tamara Yuryevna,

DSc in History,

Chief Researcher – Head of the Museum Policy Center,

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,

Bersenevskaya emb., 18-20-22, bld. 3, 119072 Moscow, Russian Federation,

iureneva@mail.ru

Abstract

The article analyzes the main directions, approaches and principles of forming collections of museums of the Russian Orthodox Church as confessional museums that appeared in the cultural space of Russia in the post-Soviet period. The sources and forms of acquisition of funds, conceptual foundations of selection of materials are considered.

Keywords

Church museum, non-governmental museum, museum of the Russian Orthodox Church, museum-type institution, acquisition of museum funds.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2024.47.4.013

ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ СТРОГАНОВЫХ В ВОЛЫШОВО КАК УНИКАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Ягофарова Надежда Олеговна,
аспирантка факультета культурологии,
Институт государственной службы и управления РАНХиГС,
пр-т Вернадского, д. 84, Москва, Россия, 119606,
yagofarovanadezhda@gmail.com

Аннотация

В данной статье подробно исследуется история и значение усадьбы Строгановых в Вошьшово как важного памятника архитектуры и культуры. Специальное внимание уделено влиянию семьи Строгановых на развитие культурной жизни региона. При этом используется культурологическая теория культурной топографии. Кроме того, раскрываются архитектурные и художественные черты усадьбы, анализируется история её постройки, архитектурные особенности и роль как центра культурной жизни. Также изучается влияние и значимость семьи Строгановых для развития культуры и искусства в России, а также значение данной усадьбы в современном контексте. Цель публикации — представить читателям ценный анализ усадьбы Строгановых в Вошьшово как ключевого исторического и архитектурного объекта, подчеркнув его важность в понимании и сохранении культурного наследия страны.

Ключевые слова

Архитектурный памятник, род Строгановых, культурное наследие, русские дворянские усадьбы, архитектурный ансамбль, влияние семьи Строгановых, теория культурной топографии, развитие русской культуры и искусства.

Исторический контекст и культурная значимость

Семья Строгановых имеет выдающееся значение в исторической хронике России, что подтверждается современными исследованиями по реставрации в Строгановском дворце на Невском проспекте¹. Однако для полноценного анализа их вклада в культурное наследие страны важно изучить загородные усадьбы, расположенные в раз-

личных регионах России, включая Подмоскowie, Пермский край и Псковскую губернию, особенно усадьбу Вошьшово.

Исторические исследования указывают на важность небольших и скромных владений семьи Строгановых, особенно усадьбы Вошьшово, в анализе вкусов, образа жизни и взглядов этой семьи.

Влияние и наследие семьи Строгановых

История Строгановых в усадьбе Вошьшово начинается с замужества Татьяны Дмитриевны Васильчиковой и графа Александра Сергеевича Строганова в 1856 году.

1 Трубинов Ю. В. Строгановский дворец. — СПб., 1996. — 176 с.; Кузнецов С. О. Дворцы Строгановых. — СПб., 1998. — 160 с.

Александр Сергеевич Строганов был выходцем из семьи, которая очень уважала своих предков и заботилась о сохранении их наследия. Под влиянием своего отца, Сергея Григорьевича Строганова, он интересовался науками, историей, археологией и нумизматикой. В последнюю он сделал большой вклад, унаследовав коллекцию монет отца, которая после смерти перешла к его сыну.

Сергей Григорьевич Строганов был также значимой фигурой в развитии искусства. Он основал школу, которая впоследствии стала Строгановским художественным училищем. Благодаря воспитанию его сыновья выросли с хорошим вкусом, любовью к искусству и коллекционированию.

Александр Сергеевич Строганов проявил глубокую привязанность к своей резиденции в Вольшово. Он не только наслаждался её эстетическими качествами и уникальным архитектурным ансамблем, но и активно способствовал строительству новых объектов, таких как Графский дом и ферма, тем самым придавая усадьбе ещё большую художественную ценность и завершенность. Кроме того, с энтузиазмом он развивал охотничье хозяйство. Под его руководством усадьба обрела роскошные черты загородной охотничьей резиденции, что привлекало известных знатных особ и друзей для участия в охотничьих мероприятиях.

После смерти Александра Сергеевича его супруга Татьяна Дмитриевна продолжила развивать Вольшово, благодаря чему удалось сохранить уникальную атмосферу усадьбы.

Последним владельцем усадьбы Вольшово стал сын Татьяны Дмитриевны и Александра Сергеевича — Сергей Александрович Строганов. Для него это имение было местом счастливого детства и непродолжительного брака с Евгенией Васильчиковой. Его активное участие в общественной жизни Вольшово включало строительство больниц и амбулаторий для крестьян, осуществление активной хозяйственной деятельности, занятие коневодством и внедрение различных улучшений в своих владениях. После выхода на пенсию он, обладая широким кругозором в различных областях, включая религиозные и нравственные вопросы, много путешествовал по миру, изучая различные страны. После смерти жены Сергей Александрович переехал в Париж. Однако усадьба и её окрестности поддерживались в идеальном состоянии до революционных событий 1917 года, когда она была разграблена.

Развитие и архитектурные особенности усадьбы

До XVIII века Вольшово представляло собой типичную русскую средневековую дворянскую усадьбу, сформировавшуюся из простой деревни, расположенной на местной дороге второстепенного значения. В окружении усадьбы находились огороды и сады, граничащие с помещичьим домом, что подтверждается данными земельных планов того времени².

Но уже в начале XIX века начался активный процесс строительства, значительно преобразивший усадебный комплекс. Согласно архивным документам³, в первой четверти XIX века в усадьбе Строгановых в Вольшово имелись следующие постройки: деревянный господский дом, кирпичная конюшня, домовая церковь, посвящённая Всемилоостивому Спасу, и каменный флигель рядом с конюшней. Разрешение на строительство церкви было выдано указом Священного Синода в 1803 году, а её окончательное освящение состоялось в 1848 году. Пространственная композиция усадьбы была чётко структурирована в соответствии с её функциональным назначением: разведение чистокровных рысаков для стройной охоты, столь популярной среди владельцев усадьбы, обусловило доминирующее положение конюшни в общей планировочной структуре.

К середине XIX века наблюдалось значительное развитие усадьбы. В 1836 году начался процесс реконструкции господского дома под руководством управляющего Алексея Полякова и архитектора Иосифа Ежовского. Путём перемещения дома на несколько сажен вниз по склону, усадьба обрела новый архитектурный вид. В сороковые годы XIX века на территории центральной части усадьбы были построены два каменных флигеля, кухня и конюшня, одновременно с чем начался интенсивный процесс развития парковой зоны. А в 1853 году сельское поселение Елисаветино вошло в земельные владения усадьбы.

2 Генеральный план Вольшова 1784 г. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1354, оп. 1, д. 28.

3 Пояснительная записка «Проект восстановления объемно-пространственной композиции парка (первоочередные работы) историко-архитектурного памятника XVIII-XIX вв. «Вольшово» Порховского района Псковской области», 1987. Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. 952, оп. 3, д. 42.

После того как владельцем усадьбы стал граф Строганов в 1860-е годы, архитектурный комплекс усадьбы значительно расширился. Особенно активно велось строительство хозяйственных построек. В соответствии с архивными материалами, включая отчёты управляющих и хозяйственные реестры⁴, в 1864 году в усадьбе уже были построены так называемые «английские дома», в частности, дом управляющего имением. В середине 1860-х годов усадебный дом был перестроен, в это же время был построен дом для охотников. Немного ранее появились новые скотные дворы, а в 1868–1880 годах были построены арабская конюшня и псарня. На некотором удалении от основного комплекса усадьбы были возведены крупные каменные амбары и животноводческое здание, окружённое валунной оградой. Главным архитектурным сооружением усадьбы стал особняк в стиле русского барокко, привлекающий внимание своей изысканностью и красотой декоративных элементов.

Во второй половине XIX века архитектурный комплекс дополнили постройки племенного отделения конного завода. К 1880-м годам усадебный комплекс был полностью завершён и представлял собой ансамбль зданий и сооружений, включавший господский дом, два жилых флигеля, церковь с жилыми постройками и конюшню.

В 1882 году усадьба Вошьшово была унаследована Сергеем Александровичем Строгановым, старшим сыном Татьяны Дмитриевны и Александра Сергеевича. Согласно свидетельствам очевидцев и историческим записям, в частности Г.В. Проскуряковой⁵, за время его управления усадьба Вошьшово преобразилась и превратилась в одно из величайших и самых роскошных частных поместий на Северо-Западе России.

На протяжении всего XIX века усадьба Строгановых в Вошьшово функционировала как центр интеллектуальной и культурной жизни региона. Здание усадьбы использовалось для проведения разнообразных общественных и культурных ме-

роприятий, включая балы, концерты, выставки и философские дискуссии. Эти мероприятия способствовали объединению различных социальных групп, таких как дворянство, купечество и интеллигенция, и распространению новых идей и течений в искусстве и науке.

В XX веке усадьба продолжила своё активное развитие. После Октябрьской революции на территории бывшего графского конного завода был организован государственный племенной конный завод. В 1919 году на территории имения начал функционировать сельскохозяйственный институт, который позже был преобразован в сельскохозяйственный техникум. Это учебное заведение позднее переместили в город Псков, а в здании усадьбы до 1970-х годов продолжала работу средняя школа.

Садово-парковый ансамбль

Особое внимание следует уделить садово-парковому ансамблю усадьбы Вошьшово, представляющему собой выдающийся пример ландшафтной архитектуры XVIII–XIX веков. Благодаря семьям Васильчиковых и Строгановых на территории усадьбы был создан парк, в котором было посажено более 200 видов древесных пород. На севере парка располагалась берёзовая роща, в центральной части произрастали как лиственные, так и хвойные породы, включая экзотические виды. В парковом комплексе были размещены цветники, аллеи, газоны, оранжереи, фруктовые и овощные насаждения, что придавало парку разнообразие и декоративную привлекательность.

Оранжереи усадьбы славились своими персиками и виноградом, а пруды, небольшие ручьи и зоопарк добавляли парковой обстановке яркость и живописность. Работы по озеленению и улучшению парка велись на протяжении всего XIX века. Река Вошьшка была преобразована в украшение парка: её берега выложили гранитом, построили четыре плотины со шлюзами, что способствовало образованию прудов. Кованые мостики с изящными витиеватыми ограждениями украшали парк, ведя к тропинкам и небольшому острову, образованному двумя рукавами реки. На острове можно было увидеть таинственный каменный грот и скульптуру льва на холме.

Таким образом, Вошьшово превратилось в обширную, тщательно спланированную и заботливо построенную графскую резиденцию. Площадь усадьбы составляла 70 гектаров, что делало её од-

4 Пояснительная записка «Проект восстановления объёмно-пространственной композиции парка (первоочередные работы) историко-архитектурного памятника XVIII–XIX вв. «Вошьшово» Порховского района Псковской области», 1987. Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. 952, оп. 3, д. 42.

5 Проскурякова Г.В. Вошьшовская старина. О родине – Псковском крае. Из воспоминаний. СПб., 2008.

ной из самых роскошных усадеб во всей Псковской губернии. На территории главного имения располагались десятки построек. На территории усадьбы был организован уникальный дендрарий, содержащий до 20 видов разнообразных и редких для данного региона деревьев, а также 14 видов кустарников и обширное разнообразие садовых растений. Структурную основу парка составляли подъездные аллеи из лип, лиственницы и ивы вдоль всех дорог. Среди игровых площадок выделялись орешники и поле для игры в крикет.

На основании архивных документов⁶, с 1930-х годов наблюдается отсутствие регулярных работ по уходу за парком Вольшово, что привело к его ухудшению. Парк подвергся процессу непрерывного зарастания самосевом и накоплению сухостойных растений и валежника. Были утрачены значительные участки полей, что негативно сказалось на общей композиции парка, вызвав дезорганизацию элементов его ландшафтного дизайна.

Современное состояние

Усадьба Вольшово не пострадала от разрушений в периоды революции и Великой Отечественной войны, что способствовало изучению её как значительного усадебного комплекса XVII–XIX веков. Но только в 1960-е годы начались работы по сохранению основных зданий XVIII–XIX веков, так как ранее все сооружения использовались не по их первоначальному назначению. В настоящее время усадьба Вольшово находится в аварийном состоянии, и лишь небольшая часть зданий используется. А именно:

- Главные конюшни частично используются существующим конным заводом.
- Администрация посёлка расположена в боковом жилом флигеле.
- Здание псарни приспособлено для проживания.
- Рабочая конюшня используется по прямому назначению частным лицом.
- Крикетная поляна и парк сохранились, однако в результате урагана в 1980-х годах около 70 % парковой растительности было утрачено.

Заключение

Усадьба Строгановых в Вольшово представляет собой уникальное имение с длительной историей, принадлежащее одной семье — Васильчиковым-Строгановым, что делает её значимым объектом для исследования усадебного хозяйства в Псковской губернии и для анализа взаимодействия столицы и провинции России. По сравнению с другими известными дворянскими усадьбами, такими как Архангельское и Кусково, Вольшово выделяется своей стабильностью в сохранении владения и традиций, в то время как другие усадьбы пострадали от смены владельцев и политических режимов. Архитектурное разнообразие, историческая значимость и культурное богатство Вольшово подчёркивают важность его реставрации для сохранения уникального наследия и развития туристического потенциала. Таким образом, усадьба Строгановых в Вольшово продолжает оставаться ключевым культурно-историческим объектом, объединяющим прошлое и настоящее России.

Список литературы

1. Архивные планы и описи усадебных владений Строгановых в Вольшово, 1803–1848. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 196, оп. 2, д. 45.
2. Ворошин С.Д. Пути формирования культурной идентичности рода Строгановых в XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 50. С. 51–65.
3. Генеральный план Вольшова 1784 г. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1354, оп. 1, д. 28.
4. Историческая справка «Вольшово Порховского района, Псковской области. 18-й конный завод. Бывшее имение графа Строганова С. А.», 1979. Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. 453, оп. 6, д. 34.
5. Кузнецов, С. О. Дворцы Строгановых. — СПб.: Искусство, 1998. — 160 с.
6. Лагунин, И. И. Архитектурный ансамбль усадьбы Васильчиковых — Строгановых Вольшово с парком (XIX — нач. XX вв.). История и строительная периодизация: (к вопросу об уточнении объёмного состава) // Псков, — 2019. — № 51. — С. 3–32.
7. Масленникова, Н. Н. Опыт изучения дворянской усадьбы XVIII—XIX веков на Северо-

6 Пояснительная записка «Проект восстановления объёмно-пространственной композиции парка (первоочередные работы) историко-архитектурного памятника XVIII–XIX вв. «Вольшово» Порховского района Псковской области», 1987. Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. 952, оп. 3, д. 42.

Западе России (по материалам псковского имения Васильчиковых-Строгановых) // Вестник Псковского государственного университета. — 2018. — № 2. — С. 34–50.

8. Пояснительная записка «Проект восстановления объемно-пространственной композиции парка (первоочередные работы) историко-архитектурного памятника XVIII–XIX вв. «Волышово» Порховского района Псковской области», 1987. Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. 952, оп. 3, д. 42.

9. Призюк, В. Я. Род Строгановых в культурной политике и практиках публичной истории Пермского Прикамья на рубеже XX–XXI веков.: дисс. ... канд.ист. наук. — Пермь, 2023. — Режим доступа: https://www.mgru.ru/wp-content/uploads/2023/10/Dissertatsiya_Prizyuk-V.YA.-.pdf

10. Проскуракова, Г. В. Волышовская старина. О родине — Псковском крае. Из воспоминаний. — СПб.: Издательство «Петербург — XXI век», 2008. — 120 с.

11. Розов, Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Михайловская пушкиниана. Выпуск 38: Пушкинские горы — Псков. — Псков, 2005.

12. Соснова А.Д., Светлова О.А. Деятельность Строгановых в сфере русской культуры и искусства // Вестник музыкальной науки. 2024. Т. 12, № 1.

13. Трубинов, Ю.В. Строгановский дворец. — СПб.: Издательство «Лики России», 1996. — 176 с.

THE HISTORY OF THE STROGANOV ESTATE IN VOLYSHOVO AS A UNIQUE MONUMENT OF CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN PROVINCE

Yagofarova Nadezhda Olegovna,

Postgraduate at the Department of Cultural Studies,
Institute of Humanities and Cultural Studies, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Vernadsky avenue 84, Moscow, Russia, 119606,
yagofarovanadezhda@gmail.com

Abstract

This article provides a detailed exploration of the history and significance of the Stroganov estate in Volyshevo as an important architectural and cultural landmark. Special attention is given to the influence of the Stroganov family on the development of the region's cultural life, employing the cultural topography theory. Additionally, the architectural and artistic features of the estate are revealed, including an analysis of its construction history, architectural characteristics, and role as a cultural hub. The influence and significance of the Stroganov family on the development of culture and arts in Russia are also examined, along with the estate's relevance in a contemporary context. The publication aims to present readers with a valuable analysis of the Stroganov estate in Volyshevo as a key historical and architectural object, emphasizing its importance in understanding and preserving the country's cultural heritage.

Keywords

architectural monument, Stroganov family, cultural heritage, Russian noble estates, architectural ensemble, influence of the Stroganov family, cultural topography theory, development of Russian culture and art.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/НН.2024.47.4.014

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МУЗЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Бычкова Ольга Ивановна,
кандидат экономических наук, доцент,
ведущий специалист отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева,
ул. Красная, 28, г. Краснодар.350063,
bychkovaoi@mail.ru

Аннотация

Основная цель исследования состоит в изучении специфики нормативно-правового регулирования в осуществлении государственной музейной политики постсоветского периода, а также выявление его динамики на современном этапе. На основе выделенного блока проблем определены особенности базового законодательного регулирования музейной политики. В результате исследования выявлены общие проблемы действующего законодательства, связанные с наличием серьёзных пробелов в составе установленных обязанностей органов власти в музейной сфере. Проведённый анализ правовых актов позволяет сделать вывод о том, что установленные законодательством государственные обязанности должны чётко определять необходимость и обязательность соответствующих форм их поддержки со стороны органов государственной власти, заявленных в музейной политике.

Ключевые слова

Музейная политика, законодательство, регулирование, постсоветский период.

Законодательное оформление музейной политики имеет первостепенное значение для общественного развития в современной российской действительности, где институты культуры играют решающую роль в формировании и сохранении коллективной памяти. Музеи выступают как посредники между прошлым и на-

стоящим, предоставляя гражданам возможность понять свою историю, культурное наследие и идентичность.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью музейной политики в реализации национальных стратегий развития Российской Федерации. В контексте действующего

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева» по теме «Научно-методические основы культурной политики в системе современного российского образования»

законодательства государственная музейная политика является одним из ключевых направлений обеспечения гражданам доступа к культурным ценностям и их охраны.

Формирование нормативно-правовой базы государственной политики России в сфере музеев является многолетним процессом. В период становления Российской Федерации, который был отмечен значительными социально-экономическими вызовами, сфера культуры, в том числе музейное дело, оказалась в особенно уязвимом положении, будучи воспринятой как неэффективная и обременительная для государства.

Начиная с 1990-х годов, в контексте построения российского федеративного государства, нормативно-правовое регулирование государственной культурной политики приобретает первостепенное значение. Законодательные акты этого периода оказывают влияние не только на общую культурную политику страны, но и непосредственно затрагивают различные аспекты функционирования музеев, определяя взаимодействие государства, музея и общества.

Музейные учреждения, функционирующие как хранилища и площадки для демонстрации культурных ценностей, являются неотъемлемой частью государственной политики в музейной сфере (далее — государственная музейная политика). Как составная часть государственной культурной политики, музейная политика базируется, прежде всего, на разработке соответствующей нормативно-правовой базы. Эта база позволяет координировать и контролировать деятельность федеральных, региональных и местных органов власти, а также гражданского общества в отношении музеев.

Проблемы правового регулирования государственной музейной политики тесно связаны с общими проблемами законодательства о культуре Российской Федерации.

В этом контексте можно выделить следующие ключевые аспекты:

- Обеспечение и защита конституционных прав граждан Российской Федерации на культурную деятельность.

- Установление юридических гарантий для свободной культурной деятельности общественных объединений в России.

- Формирование принципов и правовых норм, регулирующих отношения между участниками культурной сферы.

- Определение основных принципов государственной культурной политики, законодательства о государственной поддержке культуры и гарантий невмешательства государства в творческие процессы.

Применение правового подхода к организации взаимодействия государства и общества с институтами и деятелями культуры обеспечивает реализацию приоритетов и стратегических задач государства, гарантируя при этом права и свободы личности в музейной сфере. Поэтому, настоящее исследование посвящено изучению особенностей нормативно-правового регулирования государственной музейной политики в постсоветский период и выявлению её динамики на современном этапе.

С начала 90-х годов XX века музейная политика стремится к соответствию современным стандартам управления культурными институтами, включающим принципы публичности, свободы творчества и профессионализма. Однако, многие страны постсоветского пространства сталкиваются с трудностями в сфере законодательного регулирования музейной деятельности. Недостаточное финансирование, отсутствие чётких норм и правил, а также вмешательство государства могут создавать препятствия для развития музея.

Важным аспектом законодательного регулирования государственной музейной политики является обеспечение независимости культурных учреждений от политического влияния. Музеи должны обладать свободой в формировании своих коллекций, экспозиций и образовательных программ, не подвергаясь цензуре и манипуляциям. Для этого необходимо разработать специальные правовые нормы, защищающие автономию музейных учреждений и их право на критический анализ.

Музейная сфера представляет собой уникальную область национальной культурной политики, поскольку каждое учреждение обладает своими собственными культурными ценностями и, соответственно, различными возможностями для самофинансирования. В связи с этим, правовое регулирование музейной сферы предполагает координацию деятельности федеральных и региональных органов власти в отношении музеев и музейного сообщества, совершенствование нормативно-правовой базы, а также финансово-экономическую поддержку музейных организа-

ций посредством принятия соответствующих законодательных актов.

Изучим ключевые законодательные акты, которые регулируют музейную деятельность в России в постсоветский период.

Конституция Российской Федерации, как основной закон страны, в статье 44 фиксирует обязанности государства в сфере культуры¹. Первая часть этой статьи обеспечивает свободу творческой деятельности и обязует государственные органы — законодательные, исполнительные и судебные — защищать данную свободу через нормы законодательства. Право на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям (в том числе Музейного фонда) утверждено во второй части той же статьи, где прописан принцип всеобщей открытости. Третья часть статьи 44 обязывает граждан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия и охранять памятники истории и культуры, что соответствует Декларации ООН о международном культурном сотрудничестве².

Вопросы охраны культурного наследия, которые значительно повлияли на музейную политику в постсоветский период, нашли отражение в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 447-1³ и Постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 апреля 1991 г. № 1045-1⁴, регулирующих защиту национального культурного наследия

и сохранение налоговых льгот для творческих союзов.

Одним из первых федеральных законов, регламентирующих государственную музейную политику в Российской Федерации после распада СССР, стал Закон «Об основах законодательства Российской Федерации о культуре» 1992 года (последняя редакция 2023 года). Данный акт выделяет музейное дело и коллекционирование как самостоятельную сферу культурной деятельности. Закон гарантирует ряд прав и обязанностей, касающихся музеев. В частности, статья 12 Основ (редакция 2014 года) устанавливает право лиц, не достигших совершеннолетия, на бесплатное посещение музеев один раз в месяц. Статья 26 определяет обязанность государства по обеспечению целостности общероссийского Музейного фонда. Статья 39 (редакция 2008 года) регламентирует механизм создания и поддержки государственных музеев, а также условия их доступности для инвалидов. Статья 51 устанавливает, что культурные ценности государственных и муниципальных музеев не могут быть использованы в качестве обеспечения кредита или переданы под залог. Несмотря на многочисленные изменения и дополнения, Закон «Об основах законодательства Российской Федерации о культуре» сохраняет свою ключевую роль в качестве правовой основы для формирования и развития музейной сферы.

Важнейшим нормативно-правовым актом, регламентирующим специфику музейной деятельности и правовой статус музеев и Музейного фонда, является Федеральный закон № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (1996 года, последняя редакция 2023 года)⁵. Закон определяет круг вопросов, подлежащих регулированию в музейной практике, устанавливает задачи нормативно-правового характера в области музейной деятельности и обозначает принципы правового взаимодействия государства, музея и частных

1 Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.12.2021)

2 Декларация принципов международного культурного сотрудничества. От 4 ноября 1966 года URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture.shtml (дата обращения 01.12.2021)

3 Постановлении Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 447-1 «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР» Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3438#515cqMUbn3ykp5O1> (дата обращения 01.12.2021)

4 Постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 апреля 1991 г. № 1045-1 «О мерах по социально-экономической защите культуры и искусства в условиях перехода к рыночным отношениям» Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/>

[onlinecgi?req=doc&base=ESU&n=4583#fCydqMUuVrMQOc3](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4583#fCydqMUuVrMQOc3) (дата обращения 01.12.2021)

5 Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». Министерство культуры РФ. URL: <https://culture.gov.ru/documents/o-muzeynom-fonde-rossiyskoy-federatsii-i-muzeyakh-v-rossiyskoy-federatsii-54/> (дата обращения: 02.09.2022).

лиц. Статья 5 Закона о Музейном фонде разъясняет, что фонд включает в себя государственную и негосударственную части, а музейные предметы и коллекции, входящие в его состав, могут находиться в государственной, муниципальной или частной формах собственности.

Данный закон, закладывает базу для создания, реорганизации и ликвидации музеев в Российской Федерации. В нём содержится определение Музейного фонда страны как совокупности музейных предметов и коллекций, которые находятся на территории РФ и подлежат учёту государством. По закону, музей — это некоммерческое учреждение, созданное владельцем для хранения, исследования и публикации материалов, включённых в Музейный фонд РФ.

В рамках анализа законодательства о музеях следует упомянуть Федеральный закон «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (в редакции 2023 года), который расширяет полномочия законодательства о Музейном фонде, включая аспекты вывоза и ввоза музеями культурных ценностей.

Закон о Музейном фонде определяет цели создания музеев, такие как проведение образовательной, научной и просветительской деятельности; сохранение экспонатов и коллекций; выявление, сбор, исследование и публикация музейных предметов. Важно подчеркнуть, что данный документ придаёт музейным предметам особый правовой статус, устанавливая специальные правила их обращения и корректируя общие нормы гражданского права.

Однако, применение закона сталкивается с рядом сложностей. В частности, возникают трудности при реализации преимущественного права государства на покупку музейных коллекций и предметов. Также, вызывает сложности реализация механизма принудительного выкупа бесхозяйных культурных ценностей, предусмотренного Гражданским кодексом РФ.

Отдельным аспектом является регулирование опубликования музейных предметов и коллекций. Нормы законодательства о музеях не всегда согласуются с принципами авторского права. Например, право первой публикации музейных экспонатов и коллекций, входящих в состав Музейного фонда и находящихся в музеях Российской Федерации, принадлежит самим музеям, владеющим этими предметами и коллекциями, в то время как Гражданский кодекс РФ предоставляет такое право авторам или иным правообладателям.

Данная проблема приобретает особую актуальность в случаях произведений, созданных ныне живущими авторами.

С 2017 года процедура добавления предметов в Музейный фонд Российской Федерации была значительно упрощена. Она осуществляется поэтапно, включая этапы экспертизы культурных ценностей, их утверждение директором музея, запись в Книге поступлений, передачу информации в Государственный каталог и загрузку в специализированную программу АМС с учётом номера из Госкаталога Музейного фонда.

Создание Государственного каталога Музейного фонда РФ, представляющего собой важный федеральный проект, было установлено нормативным актом 1998 года, который утратил силу в 2011-м году. Однако, в 2017 году, к этому вопросу вернулись в новой редакции⁶. Несмотря на упрощение процессов, специалисты, исследующие вопросы учёта культурных ценностей, указывают на возможные риски. Например, ограничение включения в Музейный фонд только тех предметов, которые зарегистрированы в электронном каталоге, может привести к утрате культурных ценностей, не попавших в каталог⁷. Кроме того, возникают сложности в хранении и реставрации музейных предметов, которые не были в него внесены.

Постановления Правительства РФ в области музейной деятельности направлены на реализацию государственной культурной политики, изложенной в «Основах государственной культурной политики»⁸. Стратегия государственной культурной политики до 2030 года, разработан-

6 Приказ врио министра культуры В. В. Аристархова от 1 декабря 2017 г. № 2012 «Об утверждении Положения о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации». Министерство культуры РФ. URL: <https://culture.gov.ru/documents/ob-utverzhdanii-polozheniya-o-gosudarstvennom-kataloge-muzeynogo-fonda-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 04.09.2022).

7 Цинченко Г.М., Орлова И.С. Проблемы реализации и перспективы развития государственной политики в сфере музейной деятельности на федеральном и региональном уровне. Управленческое консультирование 2019. №12 (132). С. 46–58.

8 Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/(дата обращения 17.05.2021)

ная в рамках Основ. определяет общее направление и цели развития российских музеев.

Закон о Музейном фонде и соответствующие постановления Правительства РФ активизируют унификацию музейных коллекций и предметов. Так, уже в 2020 году были внесены изменения и дополнения в «Единые правила организации комплектования, учёта, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций»⁹. Согласно этому документу, музеи разрабатывают собственные правила (методические, информационные и инструктивные материалы), которые отражают специфику их деятельности и определяют процессы комплектования, учёта, хранения и использования музейных предметов. Для реализации требований Федерального закона о Музейном фонде был принят ряд нормативных актов: два Федеральных закона, пять постановлений Правительства РФ, 14 документов Министерства культуры РФ и один приказ Министерства финансов Российской Федерации¹⁰.

Что касается регионального музейного законодательства, оно способствует расширению потенциала регионов в сфере правового регулирования музейной деятельности. Но в большинстве субъектов РФ законодательное регулирование отсутствует, что объясняется жёсткой регламентированностью музейной деятельности на уровне федерации. Одновременно недостаточная юридическая защита объектов регионального культурного наследия остаётся важной проблемой, требующей законодательного регулирования на уровне территорий.

Итак, существующая нормативно-правовая база закрепляет основные функции и задачи органов государственной власти по регулированию музейной деятельности. Общей проблемой законодательства в сфере культуры и музейной по-

литики являются декларативность и неконкретность формулировок норм.

Проведённый анализ правовых актов позволяет сделать вывод о том, что законодательство в музейной сфере нуждается в совершенствовании, так как установленные законом государственные обязанности должны чётко определять необходимость и обязательность соответствующих форм их финансовой и организационной поддержки со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, заявленных в документах музейной политики. Развитие этих подходов может быть использовано при совершенствовании федерального и регионального законодательного регулирования музейной сферы.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706(дата обращения 01.12.2021)
2. Декларация принципов международного культурного сотрудничества. От 4 ноября 1966 года URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture.shtml (дата обращения 01.12.2021)
3. Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (в редакции 2020 г.). Сахалинский областной центр народного творчества. URL: https://ocnt.sakhalin.gov.ru/site_get_file/17796/Zakon%20o%20kulture.docx (дата обращения: 04.09.2022).
4. Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102022779> (дата обращения: 04.09.2022).
5. Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». Министерство культуры РФ. URL: <https://culture.gov.ru/documents/o-muzeynom-fonde-rossiyskoj-federatsii-i-muzeyakh-v-rossiyskoj-federatsii-54/> (дата обращения: 02.09.2022).
6. Федеральный закон от 15.04.1993 N 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» Спра-

9 Приказ Министерства культуры РФ от 23 июля 2020 г. № 1827 «Об утверждении правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011060011>(дата обращения: 09.09.2022).

10 Чечель Н. В. Об изменениях нормативно-правовой базы в области учета и хранения Музейного фонда РФ. ГБУК ЛО «Музейное агентство». URL: <https://www.lenoblmus.ru/sites/default/files/2020-09/ceb88f0f97b09dc7dbdf4a53683a84ed.pdf>(дата обращения 17.05.2021)

вочно-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultantrudocument/cons_doc_LAW_1905/ (дата обращения: 02.09.2022).

7. Постановлении Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 447-1 «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР» Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3438#515cqMUbn3ykp5O1>

8. Постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 апреля 1991 г. № 1045-1 «О мерах по социально-экономической защите культуры и искусства в условиях перехода к рыночным отношениям» Справочно-правовая

система «Консультант-Плюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/onlinecgi?req=doc&base=ESU&n=4583#fCydqMUuVrMQOc3>

9. Цинченко Г.М., Орлова И.С. Проблемы реализации и перспективы развития государственной политики в сфере музейной деятельности на федеральном и региональном уровне. Управленческое консультирование 2019. №12 (132). С. 46–58.

10. Чечель Н.В. Об изменениях нормативно-правовой базы в области учёта и хранения Музейного фонда РФ. ГБУК ЛО «Музейное агентство». URL: https://www.lenoblmus.ru/sites/default/files/2020-09/ceb88f0f97b09dc7Dbdf_a53683a84ed.pdf/ (дата обращения: 04.09.2022).

LEGAL REGULATION OF STATE MUSEUM POLICY IN THE POST-SOVIET PERIOD: PROBLEMS AND PROSPECTS

Bychkova Olga Ivanovna,

Assoc. Prof., Cand. Sci. (Economy and the Management
of a National Economy),

Leading Researcher, Department of complex problems of cultural studies,
Southern Branch, Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnaya st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
bychkovaoi@mail.ru

Abstract

The main objective of the study is to study the specifics of legal regulation in the implementation of state museum policy in the post-Soviet period, as well as to identify its dynamics at the present stage. Based on the identified block of problems, the features of the basic legislative regulation of museum policy are determined. As a result of the study, general problems of the current legislation related to the presence of serious gaps in the composition of the established responsibilities of government bodies in the museum sphere are identified. The conducted analysis of legal acts allows us to conclude that the state responsibilities established by law should clearly define the need and obligation of the corresponding forms of their support from government bodies declared in the museum policy.

Keywords

Museum policy, legislation, regulation, post-Soviet period.

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/NI.2024.47.4.015

РЕГИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ «МУЗЕЯ КОБЗАРСТВА КРЫМА И КУБАНИ» (к 40-летию со дня основания)

Шинтяпина Инна Викторовна,

Заслуженный работник культуры Республики Крым,
кандидат педагогических наук, доцент
Гуманитарно-педагогической академии
(филиал г. Ялта)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет,
имени В.И. Вернадского»,
ул. Севастопольская, 2, г. Ялта, Крым, Россия,
Shyntypina@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению практического опыта работы уникального музейного пространства этнографической направленности, культурно-образовательного центра «Музей кобзарства Крыма и Кубани» имени А.Ф. Нырко, который с 1984 года действует на базе Гуманитарно-педагогической академии (филиал г. Ялта) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Автором анализируются экспозиционные и культурно-воспитательные возможности музейного пространства в качестве актуальной научно-просветительской базы академии и Крымского региона. Особо значимо автором обозначена роль создателя музея, этнографа А.Ф. Нырко, в сфере этномузыкальной, культурной и образовательной работы в полиэтническом крымском регионе.

Ключевые слова

Музей кобзарства, культурно-историческое наследие, этномузыкальные традиции, крымский регион.

На современном этапе научно-просветительская работа в образовательных учреждениях представляет собой сложный и многоаспектный процесс. Поиск нестандартных решений в данном направлении открывает свои особые перспективы и возможности в каждом конкретном учебном заведении. Уникальная ситуация расширения рамок исследовательско-просветительской базы в области музыкального искусства,

культуры, этномузыкальных традиций сложилась в Гуманитарно-педагогической академии (г. Ялта) КФУ имени В.И. Вернадского, благодаря работе на базе ВУЗа «Музей кобзарства Крыма и Кубани».

Уникальная коллекция «Музея кобзарства Крыма и Кубани» начала формироваться в 1964 году Заслуженным работником культуры Украины, педагогом-бандуристом, активным про-

пагандистом и популяризатором кобзарского искусства в Крымском регионе, Алексеем Фёдоровичем Нырко (1926–2005 гг.), с момента приезда его в город Ялта (Илл. 1).

Илл. 1. Алексей Фёдорович Нырко 1990 г.

Активно включившись в педагогическую и просветительскую работу по популяризации малороссийского музыкального инструмента кобза (получившего распространение в южных регионах России в XIX столетии и под названием бандура) и кобзарской исполнительской культуры, Нырко организовал на Южном берегу Крыма несколько самодеятельных исполнительских кобзарских коллективов на базе разных учебных заведений. К таким коллективам относятся активно действующие по сегодняшний день: капелла бандуристов имени Степана Руданского ГПА КФУ им. В. Вернадского (основана в 1964 г., руководитель Шинтяпина И.В.) и Образцовая детская капел-

ла бандуристов «Крымские пролески» (основана в 1975 г., руководитель Чуданова Э.А.), действующая на базе Ялтинского центра культуры МБУК «ЯЦКС»¹ (Илл. 2).

Илл. 2. Народная капелла бандуристов им. С. Руданского и руководитель А.Ф. Нырко 1965 г.

Одновременно с развитием бандурного исполнительства, А.Ф. Нырко начал и научно-исследовательскую деятельность, направленную на сбор исторического материала о становлении и развитии кобзарского искусства на Юге России, в Крыму и на Кубани. Начиная с 1964 года и до последнего своего дня, Нырко постоянно занимался исследованием и развитием Крымско-Кубанской кобзарской школы. Благодаря активной поисковой работе учёному удалось актуализировать факты концертной деятельности Ялтинской самодеятельной народной музыкально-театральной труппы, основу которой составляли музыканты-бандуристы, факты сольной исполнительской деятельности кобзарей на территории Крыма и Кубани, а также собрать сведения о мастерах — изготовителях аутентичных народных инструментов — бандур. Неоднократные экспедиции Нырко по разным районам Крыма и Краснодарского Края позволили ему собрать ценный этнографический и биографический материал о мастерах и исполнителях-кобзарях, обнаружить авторские музыкальные инструменты — бандуры, изготовленные в первой половине XX столетия на этих территориях, спасти уни-

1 Биография А.Ф. Нырко. [Электронный ресурс] URL: <https://yalta.rk.gov.ru/uploads/yalta/attachments/documents/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/5b5976e23ce994.43487694.pdf>

кальные памятники музыкальной культуры и собрать их в одном месте² (Илл. 3).

Илл. 3. А.Ф. Нырко создатель Музея кобзарства Крыма и Кубани. 1995 г.

За период с 1964 по 1984 год А.Ф. Нырко обнаружил и собрал уникальную коллекцию аутентичных мастеровых бандур (22 экземпляра) и бесценный историко-биографический материал о деятельности и творчестве мастеров-исполнителей Крыма и Кубани, создававших данные инструменты, что нашло отражение в многочисленных авторских статьях и докладах на научных конференциях. Труд Нырко был высоко оценён, в 1973 г. ему присвоено звание «Отличник народного образования», а в 1993 г. — звание Заслуженный работник культуры Украины.

В 1984 году, благодаря активной просветительской и научно-поисковой работе А.Ф. Нырко, сложилась уникальная коллекция документов, аутентичных музыкальных инструментов, исторических вещей мастеров, изготовителей бандур, фотографий, аудиозаписей, которая была экспо-

нирована в отдельном специализированном помещении и получила статус официального музея при Ялтинском педагогическом училище (ныне Гуманитарно-педагогическая академия, филиал в г. Ялта, КФУ им. В. Вернадского). В 2005 году, в связи со скоропостижной кончиной Алексея Фёдоровича, музейной экспозиции было присвоено имя его создателя (Илл. 4).

Илл. 4. Экспозиция коллекции бандур и капелла бандуристов им. С. Руданского с руководителем А.Ф. Нырко 2004 г.

А.Ф. Нырко также проводил активную исследовательскую работу по сбору аутентичного музыкального, исторического, этнографического, краеведческого, литературного, фотодокументального материала, музыкальных произведений, созданных в период конца XIX — начала XX вв. в данных регионах. Таким образом, к 1984 году, моменту официального открытия музейного пространства, накопился значительный объём документов и экспонатов этого исторического этапа: музыкальные инструменты — бандуры, фото, книги, музыкаль-

2 Куровская И.Р. А.Ф. Нырко – выдающийся исследователь народно-инструментального искусства Крыма и Кубани // «Диалог искусств и арт-парадигм», – Саратов, 2019. – С. 89–96.

Илл. 5. Музей кобзарства Крыма и Кубани 2024 г.

ные сборники, программы и афиши концертов, музыкальные записи, скульптурные миниатюры, рушники — всего более 500 экспонатов, что позволило репрезентовать данную коллекцию в качестве уникального экспозиционного материала³. В последующие годы музейная экспозиция пополнялась благодаря продолжению активной поисковой деятельности А.Ф. Нырко, его экспедиционным поездкам, общению с потомками мастеров-бандуристов, работе с архивными документами.

В 2013 году было выделено более подходящее для экспозиции помещение, проведено его техническое и художественное оформление для возможности экспонирования основной, наиболее интересной с научной и музееведческой точки зрения части собранной коллекции, что позволило расширить число выставочных объектов, выгодно их разместить, создать условия оптимального хранения, экспонирования и популяризации (Илл. 5).

Таким образом, в экспозицию вошли двадцать две авторские бандуры, объекты крымского и кубанского инструментального искусства; керамические малые скульптурные формы ялтинских авторов; образцы творчества крымских вышивальщиц; живописные работы местных авторов; художественная и научная литература на разных языках. В 2019 году музей отметил 35-летний юбилей с момента создания проведением торже-

ственных научно-практических и концертных мероприятий⁴.

На современном этапе музейную экспозицию можно характеризовать как малый музей музыкально-этнографической направленности, действующий в условиях гуманитарного учебного заведения как научно-просветительская общественная организация. Уникальность размещения музейного пространства в учебном заведении заключается в том, что в помещении музея постоянно проводятся лекционные и практические занятия со студентами Гуманитарно-педагогической академии (на базе которой действует музей), что позволяет использовать научно-просветительскую базу музея в учебном процессе, а его экспозиционную коллекцию — в обучающих и воспитательных целях. Музей систематически посещают не только обучающиеся ВУЗа и специалисты-музыковеды, но и широкая аудитория от учащихся средних учебных заведений до краеведов и туристов.

Началом официальной научно-исследовательской деятельности музея можно считать июнь 2005 года, когда на базе музея было проведено первое научное мероприятие «Международная научно-практическая конференция в Крымском регионе по актуальным направлениям педагогики, исполнительства и творчества бандуристов постсоветского пространства и дальнего зарубежья», инициируемое А.Ф. Нырко. Приглашённы-

3 «Музей кобзарства» официальная страница ГПА КФУ им. В. Вернадского. [Электронный ресурс] URL: <https://gra.cfuv.ru/ru/struktura/76-muzei/87-g>

4 Куровская И.Р. Музей кобзарства Крыма и Кубани имени А.Ф. Нырко (к 35-летию создания) // Культурная жизнь юга России, вып. 3 (74) 2019. – 139-142.

ми участниками первой конференции стали исполнители и исследователи из России, Украины, Польши, США, Канады. Педагоги, музыканты, методисты, краеведы, этнографы собрались для обсуждения актуальных научных позиций, обмена практическим опытом по вопросам современной проблематики искусства бандурного исполнительства, а также возможности творческого полилога в пространстве народной музыкальной культуры в условиях полиэтнического взаимодействия. С этого момента конференция утвердилась как ежегодная и регулярная, с постоянной университетской базой — «Музей кобзарства Крыма и Кубани». С этого периода благодаря последователям А.Ф. Нырко — доцентам И.В. Шинтяпиной и И.Р. Куровской, закрепились деятельность музея как научно-просветительского заведения не только регионального уровня Крыма и Кубани, но и всероссийского масштаба.

С 2014 года исследовательское и просветительское поле работы музея было расширено через увеличение спектра исследовательских направлений, благодаря чему в круг вопросов включились вопросы музыкальной этнопедагогики и исполнительства, этномызыкальной культуры, этнокультурного сотрудничества в условиях полиэтнического взаимодействия. Обязательными элементами работы музейного пространства в рамках научно-просветительского направления являются мастер-классы компетентных педагогов, творческие взаимодействия с профессионалами-исполнителями, общение с представителями организаций культуры, в разнообразных направлениях народного искусства. Подобные мероприятия стали ежегодными научно-практическими событиями, в том числе в рамках проведения традиционного Всероссийского фестиваля-конкурса «Звени, Бандура!» имени А.Ф. Нырко⁵. К участию в научных мероприятиях ежегодно проявляют интерес студенты и преподаватели ВУЗов, педагоги учебных заведений дополнительного образования, сотрудники учреждений культуры, библиотек и музеев, музыканты-исполнители, краеведы.

Проведение фольклорного фестиваля «Звени, бандура!» в 1964 году было впервые инициировано А.Ф. Нырком с целью объединения исполни-

телей разного возраста, любителей и профессионалов народного искусства. Первоначально в нём принимали участие только солисты и ансамбли исполнителей-бандуристов из Крыма и близлежащих регионов. Но постепенно расширилось исполнительское поле и в фольклорное движение включились музыканты, играющие на различных народных инструментах, а также солисты-вокалисты и вокальные ансамбли фольклорной направленности.

В последние годы фестиваль получил статус Всероссийского и преобразовался в конкурс, который проводится как в традиционном очном формате, так и в режиме дистанционного заочного участия, благодаря чему в конкурсную семью исполнителей влились коллективы из дальних регионов России. Так, активными участниками конкурса стали солисты и ансамбли бандуристов из Саратовской области «Чаривницы» и «Журавка», солисты и ансамбли бандуристов школы-интерната народного искусства для одарённых детей имени В.Г. Захарченко г. Краснодара, солисты и фольклорные коллективы «Тимоша», «Везелинка» из Белгородской области, исполнители из Курска, Калуги, Московской области, Ставропольского и Краснодарского края⁶.

И конечно традиционно успешно в конкурсе принимают участие фольклорные коллективы Крыма: ансамбли «Радоница» и «Душа-Радонец» г. Симферополь (руководитель А. Полетнева), ансамбль «Любысток» г. Керчь (руководитель Т. Васильева), ансамбль «Сударушка» г. Симферополь (руководитель И. Андрейченко), ансамбль «Черешенки» г. Феодосия (руководитель М. Николаева), ансамбль бандуристов «Крымские пролески» г. Ялта (руководитель Э. Чуданова), ансамбль бандуристов имени С. Руданского г. Ялта (руководитель И. Шинтяпина) и др. Своё исполнительское мастерство с успехом демонстрируют начинающие артисты и педагоги-музыканты, аматорские коллективы и концертирующие профессиональные исполнители.

На современном этапе музейное пространство стало традиционной базой проведения мастер-классов и творческих диалогов с педагогами-исследователями и исполнителями, разнообразных научно-практических этнокультурных

5 Шинтяпина И.В. Фольклорный конкурс «Звени, бандура!» в современных реалиях поликультурного пространства // Гуманитарные науки, № 1 (53), 2021 – С. 98-104.

6 Конкурс «Звени, бандура!» [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/zveni_bandura

диспутов сферы вокально-хорового и инструментального исполнительства и педагогики. Проведение научной, исследовательской и просветительской работы сегодня является важным направлением воспитательной деятельности с молодёжью. Народное музыкальное искусство позволяет расширить возможности такой работы в патриотическом, нравственном, эстетическом, культурологическом направлениях.

Сегодня музей — это творческая лаборатория осмысления современных направлений развития музыкального искусства, традиций и новаторства фольклористики, этнопедагогики, этнокультуры. С педагогами и студентами ВУЗа активно сотрудничают деятели музыкального искусства Крымского региона, позиционируют авторское мастерство, делятся педагогическим опытом. В преддверии своего 40-летнего юбилея «Музей кобзарства Крыма и Кубани» активно продолжает традиции музыкального просветительства, сохраняя и представляя уникальные исторические экспонаты.

Список литературы:

1. Биография А.Ф. Нырко. [Электронный ресурс] URL: <https://yalta.rk.gov.ru/uploads/yalta/attachments/documents/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/5b5976e23ce994.43487694.pdf>
2. Конкурс «Звени, бандура» [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/zveni_bandura
3. Куровская И.Р. А.Ф.Нырко — выдающийся исследователь народно-инструментального искусства Крыма и Кубани // «Диалог искусств и арт-парадигм», — Саратов, 2019. — С. 89–96.
4. Куровская И.Р. Музей кобзарства Крыма и Кубани имени А.Ф. Нырко (к 35-летию создания) // Культурная жизнь юга России, вып. 3 (74) 2019. — 139–142.
5. «Музей кобзарства» официальная страница ГПА КФУ им. В.Вернадского. [Электронный ресурс] URL: <https://gpa.cfuv.ru/ru/struktura/76-muzei/87-g>
6. Шинтяпина И.В. Фольклорный конкурс «Звени, бандура!» в современных реалиях поликультурного пространства // Гуманитарные науки, № 1 (53), 2021 — С. 98–104.

REGIONAL CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE "MUSEUM OF KOBZARRY OF THE CRIMEA AND KUBAN"

Shyntyapina Inna Viktorovna,

candidate of pedagogical Sciences, associate Professor
Honored Worker of culture of the Republic of Crimea

Humanities and Education Science Academy (Branch) of V.I. Vernadsky
Crimean Federal University

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Sevastopolskaya
str., 2, Yalta, Crimea, Russia,
Shyntyapina@gmail.com

Abstract

The article is devoted to understanding the practical experience of the work of a unique ethnographic museum space, the cultural and educational center "Museum of Kobzarry of the Crimea and Kuban" named after A.F. Nyrko, which since 1984 has been operating on the basis of the Humanities and Pedagogical Academy (Yalta branch) of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. The author analyzes the exhibition and cultural-educational capabilities of the museum space as a relevant scientific and educational base for the academy and the Crimean region. Particularly significant is the role of the museum's founder, ethnographer A.F. Nyrko, in the field of ethnomusical, cultural and educational work in the multi-ethnic Crimean region.

Keywords

kobzar museum, cultural and historical heritage, ethnomusical traditions, Crimean region/

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/NI.2024.47.4.016

«ТРАДИЦИЯ, ПАМЯТЬ, ОБЫЧАЙ».
РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТАТЕЙ
«FLORES HISTORIARUM: СБОРНИК В ЧЕСТЬ
МАРИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ВИНОКУРОВОЙ»*

Парамонова М.Ю.,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник

Института всеобщей истории РАН,

Ленинский пр., 32 а, Москва, Россия, 119334

ivi-145@yandex.ru

В 2024 г. исполнилось семьдесят лет М.В. Винокуровой — крупному историку, выдающемуся знатоку аграрной истории Англии, исследователю социальных отношений в городской и деревенской среде Британии в период Средневековья и раннего Нового времени. Коллеги и друзья подготовили к ее юбилею впечатляющий как по объему, так и по тематическому разнообразию сборник научных статей¹. Даже формальное знакомство с этой книгой производит впечатление и вызывает желание внимательно ознакомиться с ее содержанием. Профессиональные историки и широкий круг любителей серьезной исторической литературы не пожалуют времени, потраченного, или точнее отданного прочтению включенных в нее текстов. Всего сборник включает 40 статей, большая часть которых освещает хозяйственную, социальную и правовую историю

отдельных европейских стран и регионов² в период перехода от Средневековья к Новому времени³. Их проблематика и хронология вполне созвучны научным интересам М.В. Винокуровой, которая на протяжении почти полувека сохраняла верность изучению аграрной и социальной истории Англии и помимо многочисленных статей посвятила этим сюжетам четыре монографии⁴. Последняя из них увидела свет почти одновременно

2 Почти половина статей рассматривает отдельные аспекты именно британской истории: социальной, правовой, политической и культурной.

3 Ряд статей, впрочем, представляет сюжеты из истории классического Средневековья (VII–XV вв.) и отечественной историографии.

4 Винокурова М. В. Английское крестьянство в канун Английской буржуазной революции середины XVII в. М., 1992; Она же. Мир английского манора: по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI–начала XVII в. М., 2004; Она же. Обычаи городов средневековой Англии. М.; СПб., 2021; Она же. Правовая повседневность английского средневекового манора. М.; СПб., 2024

1 *Flores historiarum: сборник в честь Марины Владимировны Винокуровой* / Отв. редакторы А.К. Гладков, П.Ю. Уваров. М., 2024. Далее, если не указаны иные работы, в примечаниях ссылки даются на это издание.

* М., 2024

с рассматриваемым сборником статей и ее можно считать лучшим подарком юбиляру, сделанным самим себе.

Авторы трудов, собранных под одной обложкой, без преувеличения представляют собой элиту современной отечественной гуманитарной науки, прежде всего специалистов по истории европейского Средневековья и раннего Нового времени. Их имена широко известны и уважаемы в профессиональном сообществе и за каждым из них стоит долгая и успешная профессиональная карьера, многочисленные публикации и долгий опыт университетского преподавания. Особенно приятно, что в сборнике приняли участие не только столичные ученые (коллеги М.В. Винокуровой по Институту всеобщей истории РАН, преподаватели Московского и Петербургского университетов), но и сотрудники региональных научно-образовательных учреждений из Саратова, Ставрополя, Тюмени и других⁵. Как сборник текстов книга представляет собой пеструю мозаику, сложенную из отдельных сюжетов, тематических, географических, хронологических реалий. При тотальном прочтении, впрочем, это позволяет еще раз задуматься об универсальности и даже всеядности исторического исследования, способного отразить и переработать в собственных интересах практически неограниченный корпус тем, вопросов, проблематики, методов и методологии некоей глобальной «науки о человеке». Будет этот сборник весьма полезен и читателю, сосредоточенному на определенных аспектах истории. Здесь он найдет, в соответствии с личным вкусом, и работы, посвященные определенным регионам или хронологии, и исследования выполненные в соответствии с конвенциями «историографической традиции», и интерпретацию исторических источников и фактов в рамках широко понятой и диффузной методологии «исторической антропологии». Ряд статей прямо могут быть отнесены к области истории повседневности, истории воображения и ментальностей, одним словом, дают представление о современной историко-культурной рефлексии.

Сборник *Flores historiarum* — это полезный для любителей истории результат коллективной научной деятельности, однако, мне кажется, его главная ценность заключается в том, что он пре-

жде всего направлен на раскрытие личности юбиляра, прежде всего раскрытие его собственного представления о собственной научной идентичности. Позволю предположить, что такой и была истинная цель издателей. М.В. Винокурова не потерялась в пестроте разнообразных текстов, а осталась главным субъектом и персонажем сборника. Речь не идет о дежурных упоминаниях отдельными авторами ее заслуг как исследователя конкретных сюжетов, проблем, источников и т.д. Книга содержит ряд текстов, развернутый как гамма, раскрывающих разные аспекты личности М.В. Винокуровой — человека, ученого, члена профессионального сообщества. Она предстает индивидом, включенным в непрерывный поток времени и, вместе с тем в локально и темпорально определенные структуры.

Первый раздел сборника, включающий вступительную статью А. К. Гладкова и П. Ю. Уварова «Дар дружбы: к юбилею М. В. Винокуровой» (С. 11–17), обзор исследований М.В. Винокуровой по истории обычного права английских городов⁶, ее пространное интервью⁷ и перечень лиц, поздравивших юбиляра (*Tabula gratulatoria*), и завершающий сборник список научных трудов (С. 515–523) представляют собой исследование и материалы для изучения пути и самосознания (поздне)советского и российского ученого на примере конкретной научной биографии. Многое в этой отдельной «истории историка»⁸ является типичным и хорошо знакомым людям, чье обучение и профессиональная деятельность пришлось на последние пять десятилетий. Вместе с тем, ряд черт имеют четкие признаки индивидуального и особенного.

В описании М.В. Винокуровой своего пути в науке и места в сообществе («корпорации») отечественных медиевистов поражает его удивительная последовательность и непрерывность, с одной стороны, и принципиальная бесконфликтность во взаимоотношениях с коллегами

5 См. перечень участников сборника, с. 524–526

6 Сидорова Т.А. Реконструкция социально-правовой повседневности английского средневекового города в исследованиях М.В. Винокуровой: императив обычая. С. 18–28

7 «Услышать голос прошлого...»: беседа с М.В. Винокуровой. С. 29–58

8 Это определение заимствованно из титула мемуаров А.Я. Гуревича: Гуревич А.Я. История историка. М., 2004.

и в карьерном и в исследовательском продвижении, с другой⁹. Представленная ею «эго-история» лишена мотивов сопротивления социальной среде, мнению коллег и решениям научного начальства. Это выделяет ее воспоминания из весьма широкого круга мемуарных и дневниковых сочинений, опубликованных в 1990-х — 2000-х гг., для которых центральными были темы борьбы за право на личное мнение и противостояние академическому (и политическому) диктату¹⁰. Личный опыт М.В. Винокуровой иной, он подчинен логике благодарного ученичества, продолжения традиций классической русской школы социальной и аграрной истории и глубокой инкорпорации в определенное формальными рамками сообщество коллег.

Непрерывность раз и навсегда избранного пути и верность усвоенным как собственные традициям и обычаям проявляются буквально во всем. Со студенческих лет (начальная точка — курсовая третьего курса) предметом изучения М.В. Винокурова выбирает аграрную историю Англии периода Средневековья и раннего Нового времени, включая организацию и эволюцию феодального землевладения (манора), дифференциацию крестьянства, хозяйственное и правовое регулирование сельских и городских сообществ.

Непрерывность проблематики, однако, не исключает изменения исследовательского фокуса и подходов к анализу источников. Динамика интересов М.В. Винокуровой хорошо прослеживается в ее публикациях, прежде всего в четырех монографиях, опубликованных с 1992 г. по 2024 г. Две первые укоренены в парадигме позитивист-

ского критического изучения структуры позднесредневекового аграрного общества и следуют методологии статистического исследования кадастровых описей и списков рент¹¹. Прямая принадлежность русской историко-аграрной школе отражена в следовании навыкам и технике обработки источников, передававшихся из рук в руки от учителей ученикам поколениями историков с конца XIX в., несмотря на смену концептуально-идеологического дискурса.

Две книги М.В. Винокуровой («Обычаи городов средневековой Англии» и «Правовая повседневность английского средневекового манора»), опубликованные уже в 2020-е гг.¹², сместили фокус со статистического изучения аграрных социально-экономических комплексов на реконструкцию миров повседневности обитателей малых городов и сельских сообществ. Автор не только значительно расширил хронологические рамки исследования, переместившись из раннего Нового времени в классическое Средневековье, но и выбрал в качестве адекватных поставленной задаче иные категории источников. В качестве последних выступают юридические памятники, в первую очередь записи обычного права и процедур его применения в городских и манориальных (землевладельческих) судебных институтах. Уникальная по сохранности и полноте коллекция английских юридических и судебных документов уже не одно столетие привлекает внимание исследователей не только, как окно в сферу собственно истории права, но и способ восстановить сложную систему социальных отношений, практик и ценностей рядовых обывателей средневековой Британии.

Казалось бы, столь очевидная смена тематики, источников и фокуса исследования сигнализирует и о смене научно-методологической парадигмы ученого, перемещения из области «классической» критической и позитивистской традиции в пространство историко-антропологических подходов, сформулированных в последние полве-

9 Язык описания пути в профессиональное сообщества и собственного места в нем почти совпадает в указанных выше статье издателя сборника и в интервью М.В. Винокуровой: верность традиции, память о коллегах, приверженность сообществу как «семье» и единому «телу».

10 Гуревич А.Я. История историка; Он же. Историк среди руин. Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Средние века. Вып. 63. М., 2002. С. 362–393; Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001; Борисов Г.И. Преодолевая травму. Язык научных споров отечественных медиевистов конца 1980 — начала 1990-х гг. между прошлым и настоящим // Vox medii aevi. 2024. Vol. 10/1. С. 106–129; Рыжковский В.В. Советская медиевистика and Beyond (К истории одной дискуссии) // Новое литературное обозрение. 2009. №3 / <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/3/sovetskaya-medievistika-and-beyond.html>

11 См. сноску 4: «Английское крестьянство в канун Английской буржуазной революции середины XVII в.» (1992 г., работа основывается на тексте кандидатской диссертации) и «Мир английского манора: по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI–начала XVII в.» (2004 г., опубликованный текст докторской диссертации).

12 См. там же.

ка «новой исторической наукой». Однако в этой динамике научных интересов М.В. Винокуровой импульсы исходят не столько от новейших исследований ментальности и повседневности, сколько от наблюдений классиков социально-правовых исследований Средневековья и Нового времени начала прошлого века о том, что за правовыми и административными документами звучат «простые голоса простых людей» (Ф.У. Мейтленд), а за сухими перечнями и описаниями еще не открыта их обыденная жизнь, страхи и надежды (А.Н. Савин). Это было сказано сто с лишним лет назад, сохраняя актуальность, замаскированную в более изощренные формулы. С не меньшей отчетливостью тема личной включенности в непрерывную преемственность поколений звучит в рассказе об учителях. Это чрезвычайно искренний и светлый рассказ о людях, с которыми она лично общалась или познакомилась через их сочинения. Повествование о тех, кто повлиял на профессиональное становление, выполнено в соответствии со всеми требованиями панегирика.

Интервью начинается с воспоминания о прочитанных в детстве книгах, разбудивших воображение и интерес к истории, продолжается рассказом о годах обучения в Ивановском педагогическом институте на Историко-английском факультете, а затем (с 1980 г.) в аспирантуре Института всеобщей истории РАН¹³ под руководством М.А. Барга. Две эмоциональные кульминации звучат в рассказах об ученых, отцах основателях той научной традиции, к которой она чувствует свою прямую причастность, с одной стороны, и о тех коллегах, в общении с которыми прошла большая часть ее профессиональной жизни, с другой.

Студенческая пора представлена замечательными преподавателями исторических и языковых курсов, памятью о легендарных ученых, волей (или неволей) оказавшихся в 1920-х — 1940-х гг. во вновь создаваемом провинциальном вузе¹⁴. Наконец, это выбор темы первой научной работы, определившей всю последующую полувеко-

вую траекторию профессионального развития¹⁵, включая знакомство с К.Д. Авдеевой, ученицей М.А. Барга, в 1979 г. ставшей профессором в Иваново и в свою очередь представившей М.В. Винокурову своему учителю в 1980 г.

Фигура М.А. Барга — краеугольный камень иерархии неприкосновенных авторитетов. С ним героиня интервью была лично связана более десяти лет (огромный срок для молодого ученого!): как научный руководитель в аспирантуре он научил ее технике и приемам работы с источниками, погрузил в длинную историю русской школы социально-аграрных исследований, ввел в мир поздне-советской академической элиты. В 1980-е гг., на которые приходится учеба МВ в аспирантуре, защита ею кандидатской диссертации, подготовка первой монографии и начало работы в институте Всеобщей истории, Барг был одной из самых ярких и притягательных фигур для молодых ученых. Авторитетный академический ученый, хранитель полу-запретных традиций старой академической науки, почти диссидент от исторической науки и, наконец автор работ о теории исторического познания, параллельных официальным доктринам. Одним словом, это был человек твердо стоящий одной ногой на почве национальной науки, а другой — на берегу западной, главным образом англоязычной историографии.

Бесконечное уважение и даже восхищение М.В. Винокуровой обращено, однако, к фигурам ученых, которых она могла знать только по их трудам и, вероятно, рассказам очевидцев. Она называет в качестве своих учителей крупнейших представителей русской школы аграрной и социальной истории, сформировавшейся в Московском университете в конце XIX — начале XX вв.: П.Г. Виноградова, основателя этой исследовательской традиции, А.Н. Савина, М.М. Ковалевского, С.И. Архангельского, В.М. Лавровского, Е.А. Косминского. Наследие этих ученых представляет для нее непререкаемый авторитет и источник личного вдохновения. Более того, она ощущает непрерывное развитие этой традиции, передающейся от учителей ученикам и саму себя помещает в это сообщество единомышленников. Лично для нее

13 В начале 80-х гг. прошлого века – АН СССР

14 В их ряду названы Д.М. Петрушевский, А.П. Каждан, А.З. Манфред, чьи имена помнили студенты Ивановского педагогического института, с 1974 г. – университета.

15 К сожалению, в интервью не указано, была ли та самая курсовая о дифференциации английского крестьянства накануне английской революции 1640-х гг. продолжена в последующих студенческих исследованиях, включая дипломную работу.

наиболее важными, почти модельными оказываются фигуры А.Н. Савина и М.А. Барга.

Логичным продолжением этого ряда авторитетов становятся ученые британской историко-правовой школы, становление которой было почти синхронно развитию русских историко-аграрных исследований. Между двумя национальными школами до революции существовало тесное взаимодействие как на личном уровне, так и в области взаимообмена идеями и исследовательскими практиками. Английский историк права Ф.У. Мейтленд определяется новейшей историографией как ключевая фигура в развитии современного изучения социальных институтов и практик в средневековой Британии. В свою очередь, М.В. Винокурова, как кажется, видит написанные более века назад работы британского ученого и его учеников главным триггером личного интереса к правовым источникам и феномену английского общего права, к тому, чтобы увидеть в них ключ к расшифровке социальной реальности далекого прошлого.

Ощущение сопричастности к сообществу коллег и единомышленников, объединяющему живых и мертвых, пронизывает и рассказ М.В. Винокуровой о своих коллегах. Непрерывность и постоянство ее профессионального пути, помимо указанных выше верности одной тематике и одной историографической традиции, проявляется и в верности одной институции: более сорока лет работы в Институте всеобщей истории, из которых три с лишним десятилетия в одном секторе, позже отделе Средневековой истории и раннего Нового времени. Она с теплом и благодарностью вспоминает А.А. Сванидзе (главу сектора и, если верить «памяти» современников, основательницу идеи «сектора как семьи»), умерших и живых коллег, с которыми прошла большая часть ее жизни. Формальная институция выступает как семья, органическое тело, неотъемлемой частью которого М.В. Винокурова себя ощущает.

В целом, «эго-история М.В. Винокуровой», рассказанная ею самой в юбилейном интервью и косвенно подтверждаемая ее исследованиями и историко-биографическими очерками, представляет читателю гармоничный и непрерывный путь освоения профессии и инкорпорации в профессиональное сообщество. Этот путь не только гармоничен, но и телеологичен: одна тема, одна историографическая традиция, одно институциональное сообщество предопределены и реализованы без разрывов и кризисов. Гегельянское торжество свободного (человеческого) духа, избавленное от неизбежной борьбы старого и нового, мучительного преодоления противоположностей. Усвоение профессиональных навыков и правил «корпоративной коммуникации» представляется, одновременно, как почти органическая эволюция от обучения мудрыми наставниками, к выбору с их помощью своей темы и традиции и, наконец, сообщества близких, «научной семьи». Эта картина не предусматривает драматичной борьбы за личное выживание в профессиональной среде и окружающей социально-политической действительности. Конфликты и «травматический опыт» из нее исключены такими конструктами сознания как память, традиция, единство корпорации.

Взгляд М.В. Винокуровой на то, каким образом происходило ее формирование и работа как профессионального историка в поздние и постсоветские десятилетия, прямо отраженный в ее интервью и косвенно в статье ее коллег, многие годы работающих с ней в одном секторе, может быть предметом самостоятельного анализа. В любом случае, он должен быть рассмотрен как важное свидетельство о новейшей истории отечественной гуманитарной науки, с одной стороны, и как текст, так или иначе включенный в контекст так называемой «войны мемуаров» историков-медиевистов и научного спора по ее поводу, с другой. Но это уже отдельная задача.

«TRADITION, MEMORY, CUSTOM.»
REVIEW OF THE COLLECTION OF ARTICLES
«FLORES HISTORiarUM: A COLLECTION IN HONOR
OF MARINA VLADIMIROVNA VINOKUROVA»

Paramonova M. Yu.,
Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher
Institute of General History
of the Russian Academy of Sciences,
32a Leninsky Ave., Moscow, Russia, 119334,
ivi-145@yandex.ru

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: *«Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира»; «Музееведение и охрана культурного наследия» и др.*

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объёмом до 10—12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20 000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: knaros@yandex.ru.
- Формат текстовых файлов — DOC, DOCX.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. 1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
 2. 2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
 3. 3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
 4. 4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
 5. 5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
 6. 6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
 7. 7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
 8. 8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
 9. 9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. Сноски — постраничные (внизу страницы).
 10. 10. Список использованной литературы.
 11. 11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
 12. 12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
 13. 13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
 14. 14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
 15. 15. Ключевые слова на английском языке (8–10).
- Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и / или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....

Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.

2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.

2. Там же стр. 89.....

3. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.

4.

.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;

EDI — редакционная заметка;

BRV- рецензия;

CNF — материалы конференции;

SCO — краткое сообщение;

REV- обзорная статья;

ABS- аннотация;

REP- научный отчет;

COR- переписка;

PER — персоналии;

MIS — разное;

UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство Эл № ФС77-85532 от 11 июля 2023 г.

Форма периодического распространения сетевое издание.

Подписано в печать: 27.12.2024.

Адрес редакции: 129366, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2.

Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>

E-mail: knaros@yandex.ru